

Институт языкознания РАН
Институт перевода Библии

Institute of Linguistics at the Russian Academy of Sciences
Institute for Bible Translation

Родной язык

Лингвистический журнал

Rodnoy Yazyk

Linguistic Journal

№ 1

Москва, 2018

ISSN 2313-5816
УДК Виллиген 811.351.39
Кливер 81.27
Лоуренс 811.353
Чертыкова 811.512.153
Мудрак 81.112

РЕДАКЦИОННЫЙ СОВЕТ

*В.М. Алпатов, М. Беерле-Моор, А.В. Дыбо, А.А. Кибрик, М.И. Магомедов,
К.М. Мусаев, Г.Ц. Пюрбеев, М.З. Улаков, Ф.Г. Хисамитдинова*

РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ

*Т.Б. Агранат (главный редактор), А.Н. Биткеева, В.Ю. Войнов, К.Т. Гадилля,
Т.А. Майсак, О.А. Мудрак, Ю.В. Псянчин, Е.Л. Рудницкая, М.Ш. Халилов,
С.М. Ярошевич (ответственный секретарь)*

Редактор *Т.О. Майская*
Верстка *О.Г. Климова*

Адрес редакции: Москва, 119334, Андреевская наб. 2,
Институт перевода Библии
Тел.: (495) 956-64-46

Интернет-сайт журнала: <http://rodyaz.ru>
email: ibt_inform@ibt.org.ru, editor@rodyaz.ru

EDITORIAL COUNCIL

*V.M. Alpatov, M. Beerle-Moor, A.V. Dybo,
F.G. Khisamitdinova, M.I. Magomedov, K.M. Musaev,
G.Ts. Pyurbeev, M.Z. Ulakov*

EDITORIAL BOARD

*T.B. Agranat (editor-in-chief), A.N. Bitkeeva, K.T. Gadilia,
M.Sh. Khalilov, A.A. Kibrik, T.A. Maisak, O.A. Mudrak, Yu.V. Psyanchin,
E.L. Rudnitskaya, V.Yu. Voinov, S.M. Yaroshevich (editorial secretary)*

Editor *T.O. Mayskaya*
Typesetting *O.G. Klimova*

Address: Institute for Bible Translation, Andreevskaya nab. 2,
Moscow 119334
Tel.: (495) 956-64-46

Internet: <http://rodyaz.ru>
email: ibt_inform@ibt.org.ru, editor@rodyaz.ru

СОДЕРЖАНИЕ

TABLE OF CONTENTS

Проблемы грамматики *Issues in grammar*

- van Willigen C.* The Udi additive clitic -al in prose discourse
ван Виллиген К. Удинская аддитивная клитика -al в прозаическом дискурсе..... 6

Язык и социум *Language and society*

- Cleaver B.* Sociolinguistic factors considered in determining whether to produce Scripture materials in the Chalkan variety of Northern Altai
Кливер Б. Социолингвистические факторы, определяющие необходимость перевода Священного Писания на челканский диалект северно-алтайского языка 29
- Lawrence P.* From Colchis to the Laz
Лоуренс П. От Колхиды к Лазике..... 68

Лингвистические аспекты перевода *Linguistic aspects of translation*

- Чертыкова М.Д., Фет В.Я.* «Приключения Алисы в Стране чудес» Л. Кэрролла на хакасском языке: лексико-семантические особенности перевода
Chertykova M.D., Fet V. Alice's Adventures in Wonderland in Khakas: Lexico-semantic features of the translation 85

Языковые контакты**Language contact**

- Мудрак О.А.* Кавказизмы в осетинском языке
(разбор семантических полей «тело», «люди»)
Mudrak O.A. Caucasian loanwords in Ossetic: The semantic
domains of «body parts», «people» 109

Рецензии**Reviews**

- Майсак Т.А.* Рецензия на монографию: *Форкер Д.,*
Гаджимурадов Г.А. Санжинские сказки и рассказы.
С приложением санжинско-русского и русско-
санжинского словарей. [Махачкала:]
Типография А4, [2017]
Maisak T.A. Review of *Sanzhi Dargwa Folk Tales and Stories,*
with Sanzhi-Russian and Russian-Sanzhi Dictionaries by
D. Forker and G.A. Gadzhimuradov. Makhachkala, 2017..... 154
- Каксин А.Д.* Рецензия на словарь: *Кичикова Н.А.,*
Манджиева Э.Б., Супрун В.И. Топонимический
словарь Республики Калмыкия. — Элиста: ЗАОр
«НПП «Джангар», 2017
Kaksin A.D. Review of *Kalmyk Republic Toponymic Dictionary*
by *N.A. Kichikova, E.B. Mandhizeva and V.I. Suprun.* Elista:
Jangar Press, 2017..... 162

Хроника**Recent events**

- Биткеева А.Н., Вингендер М.* Международная конференция «Языковая политика и языковое законодательство в Российской Федерации: вчера, сегодня, завтра»
Bitkeeva, A.N. and Wingender, M. International Conference on «Language politics and language legislation in the Russian Federation: Yesterday, today and tomorrow» 173
- Шихалиева С.Х.* Международная научно-практическая конференция «Актуальные проблемы изучения кавказских языков»
Shihaliyeva S.K. International Conference on «Contemporary Issues in Caucasian Language Studies» 182
- Нагурная С.В., Родионова А.П.* Научно-практическая конференция «Статус карельского языка в системе языков народов Российской Федерации: правовые, лингвистические, культурные аспекты»
Nagurnaya S.V., Rodionova A.P. Conference on «The status of the Karelian language in the system of Russian Federation languages: Legal, linguistic and cultural aspects» 186
- Шихалиева С.Х.* Всероссийская научно-практическая конференция «Взаимодействие языков и культур при изучении русского языка как неродного: опыт и перспективы»
Shihaliyeva S.K. Russian Federation Conference on «The interaction of languages and cultures when Russian is studied as a foreign language»..... 194
- Люблинская М.Д.* Конференция «Языки малочисленных народов России: устное vs. письменное»
Lublinskaya M.D. Conference on «Minority languages of Russia: Oral vs. written»..... 201

The Udi additive clitic -al in prose discourse

***Удинская аддитивная клитика -al
в прозаическом дискурсе***

van Willigen C.

ван Виллиген К.

Udi is a North Caucasian (East Caucasian, Lezgian) language spoken in Azerbaijan. The Udi clitic *-al* carries a range of meanings, depending on the grammatical and semantic context. This paper investigates the function of this clitic in Udi prose discourse and shows that it has the following functions in the area of focus: 1. Marking topic switch between participants salient to a story; 2. Marking additional focus and giving a reinforcing effect; 3. Marking the beginning and end of an episode and drawing attention to changes in storyline by conveying prominence of an event, time, etc. in a larger discourse context.

Key words: Udi, Azerbaijan, North Caucasian, Lezgian, topic switch, focus, discourse, narrative

Удинский язык относится к северокавказской семье (восточнокавказская ветвь, лезгинская группа) и распространен в Азербайджане. Удинская клитика *-al* выражает целый ряд значений в зависимости от грамматического и семантического контекста. В статье рассмотрены функции этой клитики в удинских прозаических текстах и показано, что ей свойственны следующие функции, связанные с выражением фокуса: 1. Маркирование смены топикального участника среди наиболее значимых протагонистов повествования; 2. Маркирование аддитивного фокуса, сопровождаемое усиливающим эффектом; 3. Маркирование начала и конца эпизода и привлечение внимания к изменениям в сюжете за счет выделения определенного события, времени и пр. в более широком дискурсивном контексте.

Ключевые слова: удинский язык, Азербайджан, лезгинская группа, северокавказские языки, смена топика, фокус, дискурс, нарратив

1. Introduction

Udi is a North Caucasian (East Caucasian, Lezgian) language spoken mainly in the Oghuz and Gabala districts of Azerbaijan, with also a considerable diaspora outside of the country, especially in Russia. There are two dialects of Udi: the Nij dialect and the Oghuz dialect, also known as Vartashen.

The Udi clitic *-al* carries a range of meanings, depending on the grammatical and semantic context. Languages spoken in the same geographical region like Persian and Talysh have clitics (respectively *ham* and *an(i)*) with similar, yet not fully correlating functions (Paul, ms.). This article investigates the function of the Udi clitic *-al*.

The Udi examples with source reference are taken from Harris' and Schulze's works, and from Udi stories by Keçaari and Ant'onova (see bibliography). The examples from the Nij dialect without reference that are used to evaluate (un)grammaticality have been gathered in the context of my Udi language learning in 2014–2016, in Baku and Nij. The examples are cited in the current version of the Udi orthography as used in Nij. A list of abbreviations is included at the end.

2. General properties of *-al*

2.1 Overview

The Udi marker *-al* has the form of an affix and cannot appear on its own, it only imparts meaning when attached to a host. It can be attached to words of a wide variety of types: verbs, adverbs, nouns, adjectives, pronouns, and postpositions. It can thus be properly characterized as a clitic [Harris 2002: 102]. The basic function of *-al* is that of addition, i.e. it marks a chunk of information which is being added to the information conveyed

by the speaker earlier. In this respect, *-al* is a representative of a cross-linguistically common type of additive markers, as described recently by Forker [2016].

In the following examples, various positions and meanings of *-al* are illustrated: in (1a), it is hosted by a postpositional phrase ‘upon them’, in (1b) it is hosted by the ergative subject ‘chicken’, in (1c) by a numeral ‘one’ (here, the combination has an idiomatic meaning), and in (1d) by an adjective within a noun phrase.

- (1) a. Əylux nep’ax-t’un-iy, iç-oğ-o-y
 children sleep-3PL-PST REFL-PL-GEN
 loxol-xun-**al** but’-e-y.
 upon-ABL-**ADD** covered-3SG-PST
 ‘The children were asleep, **even** covered.’ [“Tarak’ala xaxal”; Keçaari 2001: 125–126]
- b. K’ok’os’-en-**al** p’urum bur-e-q-sa
 chicken-ERG-**ADD** again begin₁-3SG-begin₂-PRS
 q’ızıl-i qoq’la lax-s-a.
 gold-GEN egg lay-INF-DAT
 ‘**As for the chicken**, [she] began to lay golden eggs again.’ [“Q’ızılı qoq’la”; Ant’onova 2012: 35]
- c. Sa-**al** t’ia-ne bəğ-sa nə-əl amdar-xo
 one-**ADD** there-3SG see-PRS nor-**ADD** person-PL
 te-ne bu, nə-əl şaş.
 NEG-3SG BE nor-**ADD** thorn
 ‘**At once** there he sees that there are neither people, nor thorns.’¹ [Harris 2002: 57]
- d. mis’ik’-**al** k’oj
 small-**ADD** house
 ‘**and also** a small (FOCUS) house’

¹ Rendering as given by Harris. Personally, I would render this Udi sentence in English as follows: “**Once more** he looked in that direction: there are no people, nor thorns.” To make a good choice between these variants, the context of this sentence is needed.

As becomes clear from the examples above, *-al* conveys a variety of meanings: ‘even’ (1a), ‘as for’ (1b), ‘at once’ or ‘once more’ (1c, together with *sa* ‘one’), ‘and also’ (1d, and also a *small* house as opposed to a big house), which seem to point to focus. In this article, ‘focus’ is understood in a broad way: referring to a participant’s activation state, salience of a participant, event, or speech, and general prominence in a discourse context. In Udi, sentence level focus is also expressed by position and by the placement of the person marker, which is attached to the constituent in focus. We will take a brief look at this below.

Note that the clitic can appear as *-l* after a host ending in a vowel: e.g. *t’et’iya* ‘there’ becomes *t’et’iya-l*. Other variants of *-al* are *-əl*, as in some cases [a] changes to [ə], depending on the preceding vowel, e.g. *bədən* ‘body’ becomes *bədən-əl*. An epenthetic [y] or [v] can be inserted in intervocalic contexts: *arane* ‘between’ becomes *arane-yal*, *zu* ‘I’ becomes *zu-val*.

2.2 Focus by position

The default word order in Udi is S/A O V:

- (2) a. vi xunçi har-e-ne
 you.GEN sister come-PERF-3SG
 ‘Your sister has come.’ [Schulze 2001/2]
- b. vi xunçi-n-en mal-lux tov-ne-d-i
 you.GEN sister-OBL-ERG good-PL sell-3SG-LV-AOR
 ‘Your sister sold the goods.’ [Schulze 2001/2]

A constituent in focus would normally appear in the slot before the verb. Consider this example:

- (3) Bez baba-n q’al-l-ux sa
 I.GEN father-ERG lamb-OBL-DAT2 one
 me-n-en-e šam-p-i
 knife-OBL-ERG-3SG cut-LV-AOR
 ‘My father slaughtered the lamb **with a knife**.’ [Schulze
 2001/2]

In the example above, the fact that father slaughtered the lamb *with a knife* is stressed. The word ‘knife’ both occupies the slot before the verb (default would be to place it before the object) and has the 3SG person marker attached to it (see 2.3). However, for putting the focus on the fact that father slaughtered *a lamb* (as opposed to a chicken), the word ‘lamb’ needs to occupy the default object slot before the verb (‘My father with-a-knife a lamb slaughtered’) but to distinguish this from the default and convey focus, another focus marker like *-al* would be attached to ‘lamb’. Note that in this case the 3SG person marker would be attached to the verb.

2.3 Focus marked by placement of the person marker

Example 4 below shows how Udi can express focus by attaching the person marker to the constituent in focus:

- (4) a. Zu šum u-za-k-sa.
 I bread eat₁-1SG-eat₂-PRS
 ‘I am **eating** bread.’
- b. Zu šum-ez uk-sa.
 I bread-1SG eat-PRS
 ‘I am eating bread.’ (DEFAULT)
- c. Zu-z šum uk-sa.
 I-1SG bread eat-PRS
 ‘**I** am eating bread.’

For a verb like *uksun* (‘to eat’), 4b would be the default SOV (there is no emphasis on the action of eating itself); in transitive clauses, the person marker by default attaches to the object. However, as becomes clear from these examples, the person marker can be attached to other elements if focus is required. In these cases, the word order does not need to be changed.

Harris shares this view in her *Endoclititics and the origins of Udi morphosyntax* [2002: 63] as she concludes that the person

marker in Udi attaches to a constituent that is in focus (like question words, answers to questions, and negators).²

Harris's exposition of placement of person markers in relation to focus in Udi is thorough and helpful. However, no special attention is given to the function of the clitic *-al* in relation to the placement of the person marker as a focus marker. Harris glosses *-al* as an additive conjunction 'and, also', which indeed covers one of the functions of *-al* as we will see below.

- (5) Me-t'-in-**al** burim sa yärävǵä
 PROX-OBL-ERG-**ADD** apparently one bag.ABS
 q'əzəl-le haq'-sa
 gold.ABS-3SG take-PRS

'She also, apparently takes a **bag of gold**.' [Harris 2002: 44, example 1]

Harris uses example 5 to state that 'bag of gold' is in focus, which indeed is the case if just looking at the placement of the 3SG person marker. Yet in this particular sentence *met'in* ('this one', 'she') is hosting the clitic *-al* which could be conveying focus, too (to determine with certainty whether focus is conveyed rather than a mere additive function, a context would be needed for this sentence). However, as mentioned before, in transitive clauses the object hosts the person marker by default. Since the verb 'take' naturally points to what is taken, it would be more true to consider it default for the person marker to attach to 'bag of gold' rather than this being a deliberate expression of focus; 'bag of gold' is also in the default object position. In this

² Harris also points out that the complex unit composed of focused constituent in argument-focus + person marker generally occurs immediately before the verb. Preverbal position in argument-focus structures therefore can be considered as another way of marking focus. (Note that in SOV constructions the object is by default placed before the verb, so this does not imply focus; only other constituents in a preverbal slot are in focus).

sentence, *met'in* seems to be marked for topic switch by *-al*, which communicates that this new character is now prominent in the story. As we will see later, *-al* does not necessarily always have only an additive function ‘also, too, just like the other person mentioned in the preceding context’ but can also convey other meanings depending on discourse context. A similar case of *-al* marking prominence of a participant is shown in examples 6a and 6g below:

- (6) a. Zu-**val** šum-ez uk-sa.
 I-**ADD** bread-1SG eat-PRS
 ‘I am eating bread.’
 (or, depending on context, *-al* expresses additive function:
 ‘I, too, am eating bread’)
 (*‘I, too, am eating **bread**.’)
- b. Šo-t'-in namak'-e yaq'-a-b-sa.
 DIST-OBL-ERG letter-3SG road-DAT-do-PRS
 ‘He sends a letter.’
- c. Šo-t'-in-**al** namak'-e
 DIST-OBL-ERG-**ADD** letter-3SG
 yaq'-a-b-sa.
 road-DAT-do-PRS
 ‘**It is he who** sends a letter.’
 (or, depending on context, *-al* expresses additive function:
 ‘He, too, sends a letter’)
 (*‘He, too, sends **a letter**.’)
- *d. Šo-t'-in namak' yaq'-a-ne-b-sa
 DIST-OBL-ERG letter road-DAT-3SG-do-PRS
- e. Šo-t'-in namak'-**al** yaq'-a-ne-b-sa.
 DIST-OBL-ERG letter-**ADD** road-DAT-3SG-do-PRS
 ‘He sends **also** the letter.’
- *f. Šo-t'-in namak'-**al**-e yaq'-a-b-sa.
 DIST-OBL-ERG letter-**ADD**-3SG road-DAT-do-PRS
- g. Ek'a-te Giorgi-n-en a-t'u-k'-e
 what-REL Giorgi-OBL-ERG see₁-3SG-see₂-AOR2

muzeum-a, zu-**val** bəš a-za-k'-e.
 museum-DAT I-**ADD** before see₁-1SG-see₂-AOR2
 'What Giorgi saw in the museum, I, **too**, had seen
 earlier.' [Harris 2002: 44, example 21e]

6b has default word order and placement of person marker; 6a and 6c however show prominence of the subject by using *-al*; the person marker placement is again default and therefore does not convey particular focus. Note that in both 6a and 6c *-al* could have an additive function rather than expressing focus; this depends on context. To establish if *-al* truly conveys focus and does not just express an additive function, I investigate the use of *-al* in discourse context in section 3. Example 6d is ungrammatical since the person marker has to be on 'letter' in combination with 'sent'. This is solved in 6e, where 'letter' is host to the clitic *-al* and the person marker stays attached to the verb, rather than to 'letter'. However, in this example 'letter' is definite since *-al* here implies that this letter has been mentioned before and the action of sending is a continuation of something that happened earlier.

We see that there are several ways focus is expressed in Udi: one expressed by the placement of the person marker, the other expressed by non-default word order. Focus vs. background can be marked additionally by using a clitic like *-al*.³ Schulze [2001/2] indeed recognizes this difference by stating that the placement of the person marker indicates *bound* focus (defined as "a kind of focus that is necessarily related to a referent in S=A function"), but that *free* focus is indicated by *-al*, being either emphatic or contrastive.

³ In Udi, *-al* is not the only clitic that can be used for this purpose. There is also a contrastive topic clitic *isə*, which is the adversative equivalent of *-al* (as a topic switch marker). However, *-al* is used for additive focus or topic switch, whereas *isə* always marks a contrastive topic (see also below).

Schulze [2001/2] gives an example of the emphatic use of *-al*:

- (7) Zu xe-zu ũğ-i šum-ax-**al**
 I water-1SG drink-AOR bread-DAT-**ADD**
 u-zu-k-i
 eat₁-1SG-eat₂-AOR
 ‘I drank water and ate the **bread**.’ [Schulze 2001/2]

Schulze does not give further context for this sentence, which makes it difficult to judge why ‘bread’ would be in focus here. The following example makes this use of *-al* clearer:

- (8) Oçal-in ço günəx-i q’a bi-sun-i
 world-GEN face sin-GEN CONJ die-MSD-GEN
 ga-ne bay. Amma Buxaçuğ-on hələ-**I**
 place-3SG be.AOR but God-ERG still-**ADD**
 insan-xo çark’est’un-e çur-e-sa-y
 person-PL save+MSD-3SG want-LV-PRS-PST
 ‘The world had become a place of sin and death. But God **still [even now]** wanted to save the people.’ [Danakari, Şixmalova 2017]

The considerations above point to the clitic *-al* being used as discourse marker, and that sentence level focus is mainly conveyed by word order and placement of the person marker. For this reason we proceed to investigate if and how *-al* functions as a discourse marker.

3. Use of the clitic *-al* in prose discourse

To see how the clitic *-al* functions in prose discourse, I have analysed several prose texts. The main findings are presented and explained below.

- (10) *Şo-tʻ-in ğar-a nex-e: “Ay bala,*
 DIST-OBL-ERG boy-DAT say.PRS-3SG oh little.one
he-tʻ-aynakʻ-en öñö-ne? Ğar-en tʻe
 what-OBL-BEN-2SG cry-LV:PRS boy-ERG DIST
işqʻar-a exlätʻ-e-b-sa, işqʻar-en-al
 man-DAT talk-3SG-DO-PRS man-ERG-ADD
şo-tʻ-o nex-e: “Ma öñö-p-a,
 DIST-OBL-DAT say.PRS-3SG NEG cry-SAY-IMP.2SG
həysə zu vi tavar-a bəğğə-b-i
 now I you.GEN axe-DAT find-DO-AOR
cʻevkʻ-o-z.”
 take.out-FUT-1SG

‘He said to the boy: “Oh little one, what are you crying for?” The boy talked to that man, **the man** said to him: “Don’t cry, now I will find your axe and take it out.” [“Xib tavar”; Ant’onoṽa 2015: 49–50]

Note that *-al* is only used at the moment that the man takes the lead and begins to act and change the course of events, rather than at the moment the man first speaks.

The use of *-al* for marking topic switch is particularly distinctive at the beginning of stories. Presentational focus of the first participant in a story is usually conveyed by *sa* (‘one, a certain’). When a new participant is introduced, *-al* is generally used to focus on this new participant. An example of this is the story “New year”:

- (11) *Təzə usen har-i pʻapʻ-e-ne. Ğe nana*
 new year come-AOR reach-PERF-3SG today mother
əş-ə tağ-ala-te-ne. Nana-n paxlava,
 work-DAT go-FUT-NEG-3SG mother-ERG baklava
tʻort-e bastʻa. Zu-val çur-ez-ş-i
 cake-3SG bake+PRS I-ADD want-1SG-LV-AOR
nana köməy-b-a-z.
 mother help-DO-SUBJ-1SG

‘New year has come. Today mother does not have to go to work. Mother will bake baklava and cake. **I** want to help mother.’ [“Təzə usen”; Ant’onova 2012: 29]

This example shows how the first participant, mother, is the prominent character until the second participant (I) is introduced and becomes the main actor; therefore *-al* is attached to the 1SG pronoun. Of course in this case mother does not need to get introduced with *sa* (‘one, a certain’), since in this context ‘mother’ is a definite term of itself; the child that tells the story has only one mother.

Another example of consecutive participant introduction is found in the story “The three axes” at which we looked before (10). The first participant is a woman, introduced by *sa* (‘one, certain’) which conveys presentational focus. She remains the prominent character, even when the son is first mentioned. It is only when the son begins to play the main role in the story, that *-al* is used to mark this.

- (12) Ba-ne-k-sa te-ne-bak-sa sa çuux-e
 be₁-3SG-be₂-PRS NEG-3SG-be-PRS one woman-3SG
 bak-sa, izi-**yal** sa ğar-e bak-sa.
 be-PRS REFL.GEN-ADD one son-3SG be-PRS
 Me çuux gele kəsib-e bak-sa.
 PROX woman very poor-3SG be-PRS
 T’iya-miya əş-p’-i iz
 here-there work-DO-AOR REFL.GEN
 əyel-ə-ne bəğ-sa. Əyl-en-**al**
 child-DAT-3SG look-PRS child-ERG-ADD
 kala-bak-sun-en çalış-e-bak-sa iz
 big-be-MSD-ERG try-3SG-be-PRS REFL.GEN
 nana köməy-b-a-ne. Şo-t’-in
 mother help-DO-SUBJ-3SG DIST-OBL-ERG
 c’ələy-əxun uş k’as’-p’-i toy-d-i
 forest-ABL wood cut-LV-AOR sell-LV-AOR

təngə-ne q'azains-b-sa.

money-3SG earn-DO-PRS

‘Once upon a time there was a certain woman, **and she** had a son. This woman was very poor. She worked here and there to care for her child. **The child**, when he was growing up, was trying to help his mother. He cut and sold wood from the forest and earned money.’ [“Xib tavar”; Ant’onova 2015: 49–50]

It must be noted that a newly introduced participant *only* hosts the clitic *-al* when:

- 1) the new participant is actually salient to the discourse, and
- 2) when no other discourse marker is used for expressing prominence (for example *sa* conveying presentational focus).

At the beginning of the anecdote “The walking sieve” several participants of the story are introduced: an elderly lady, her daughter-in-law, and the daughters of the daughter-in-law. All will play a role in the story. Then it is mentioned that the son of the elderly lady, the husband of the daughter-in-law, has gone to fight in a war. He does not play an actual role in the story, the statement only serves to explain why there is no further mention of the son/husband/father in this story:

- (13) Nex-t'un mani-sa aiz-e sa q'oja
 say.PRS-3PL which-INDEF village-DAT one old
 q'aynak-o, sa bin sa-al
 grandmother-BE.3SG one daughter.in.law one-ADD
 bin-ey-**al** bip' xuyər
 daughter-in-law-GEN-ADD four girl
 əyəl-t'ux-bu-y. Bin-ey
 child-3PL:POSS-BE-PST daughter.in.law-GEN
 işq'ar-a dav-in-a-t'un taşer-e-y.
 husband-DAT battle-OBL-DAT-3PL take-PERF-PST
 K'oj-in bütüm əş-urxo mand-e-ne-y
 house-GEN all work-PL stay-PERF-3SG-PST

bin-ey ozan-e.
 daughter.in.law-GEN neck-DAT

‘They say that somewhere in a certain village there was an old grandmother, a daughter-in-law and **the daughter-in-law** had four little daughters. The husband of the daughter-in-law had been taken to war. All the house chores were the responsibility of the daughter-in-law.’ [“Tarak’ala xaxal”; Keçaari 2001: 125–126]

Not only does the man not play a part in the story, after the statement that he went to war the story continues by saying that the daughter-in-law had to do all the work. The statement about the husband only serves to give background information about the daughter-in-law, as does the statement that she has four daughters. Throughout this passage, the daughter-in-law remains the main character.

The following example, taken from the beginning of the story “Dragonfly and ant” shows how a *contrastive* topic is not marked by *-al* but with the contrastive topic clitic *isə*. Note that *isə* has been borrowed from Azeri. Whereas *isə* overlaps with *-al* in the sense that both can indicate topic switch, it conveys a sense of contrast, while *-al* can never indicate contrast.

- (14) Xuritur-en yəy-n-ul ij-eynak’
 ant-ERG summer-OBL-SUPER winter-BEN
 yem-e gir-b-e. Sal sa dəyğə
 food-3SG gather-DO-PERF at.all one minute
 dinc arś-i te-ne. Amma cırcırmin-en
 rest sit-AOR NEG-3SG but dragonfly-ERG
 isə məğ-e-p-e.
 TOP sing-3SG-LV-PERF

‘The ant gathered food for winter in summer. It didn’t sit still for one minute. **But as for the dragonfly** – it was singing.’ [“Cırcırma saal xuritur”; Ant’onova 2012: 30]

Here we see how the dragonfly is introduced as the second participant and is immediately contrasted with the ant by the use of *ama* ('but'). Moreover, 'dragonfly' hosts the contrastive topic clitic *isə*, which is the adversative equivalent of *-al* (as a topic switch marker) and thus matches the use of 'but'. The use of *-al* would not be suitable here; *-al* is used for additive focus or topic switch, whereas *isə* always marks a contrastive topic. However, note that in example 9 the contrastive constituent is left implicit and therefore *-al* can be used: 'I will tell you what you've been screaming about!'

The clitic *-al* is also used at the end of many stories. Often the narrator relates with a summary statement what happened to each main participant in the story. When there is more than one participant about whom a concluding statement is made, *-al* is used for topic switch.

An example of this can be found in the story "The golden egg". In this story we meet the poor girl Zina, who despite her poverty is always ready to help others. God is pleased with her and therefore gives her a chicken. The chicken lays a golden egg every day and Zina and her mother become rich. Riches change Zina for the worse, and she is no longer helping the poor. God is displeased and punishes Zina by making the chicken lay normal eggs. Zina shouts at the chicken and beats it. The next day God comes to tell Zina that it's not the chicken's fault, but a punishment for Zina's own sins. Zina remembers her own previous poverty, understands her mistake and asks for forgiveness. God then gives her another chance with the chicken. The story concludes:

- (15) K'ok'os'-en-**al** p'urum bur-e-q-sa
 chicken-ERG-**ADD** again begin₁-3SG-begin₂-PRS
 q'ızıl-i qoq'la lax-s-a. Zina-n-**al**
 gold-GEN egg lay-INF-DAT Zina-ERG-**ADD**
 bur-e-q-sa kəsib-xo kömey-b-s-a.
 begin₁-3SG-begin₂-PRS poor-PL help-DO-INF-DAT

‘**As for the chicken**, [she] began to lay golden eggs again. **As for Zina**, [she] began to help the poor.’ [“Q’ızılı qoq’la”; Ant’ono^{va} 2012: 35]

This use of *-al* not only serves to switch between topics, but also connects the concluding statement to the preceding context and marks the end of an episode (in this case the entire story).

So far, we have seen how the clitic *-al* works on the discourse level and that on the clausal level, Udi mainly uses placement of the person marker and non-default word order for focus. But as noted before, one could argue that *-al* also functions on the clausal level when it indicates an additive function: between propositions with the same predicate and different subjects (see example 6g above and 16 below), or propositions with different predicates and the same subject.

- (16) Rayon-in işk’ol-xo k’al-k’-ala
 region-GEN school-PL read-LV-PTCP
 əyl-ox usum-usum Nourgöl-ə
 child-PL often Nour.lake-DAT
 tara-p-s-a-t’un tay-sa. Bez
 walk-LV-INF-DAT-3PL go-PRS I.GEN
 viçi-**yal** taş-e-ne.
 brother-**ADD** go-PERF-3SG

‘The children studying at the schools in the region often go out to Lake Nour. My **brother also** went.’

Indeed *-al* serves here to convey an additive function. However, note that after this the story continues telling what the brother saw at Lake Nour and what happened while he was there. The clitic *-al* therefore not only marks the additive here (the children, and my brother *too*), but also functions to introduce a new participant (topic switch) and mark the beginning of a new episode.

So the *-al* clitic serves in the discourse context to mark topic switch between participants throughout the entire story, especially where introduction of new participants marks the beginning of a new episode, and at the end of an episode. Yet topic switch does not account for all uses of *-al* in stories. This clitic can also be attached to other elements, as we will see below.

3.2. The clitic *-al* marks a reinforcing additive function

The *-al* clitic can be used to put focus on elements that are not story participants. Consider the following examples.

In the “Walking Sieve” story we read how the daughter-in-law wakes up to a strange sound and goes to check on her children to see if everything is in order; see example (1a). The clitic *-al* here serves to stress that the children were not only asleep, even the blanket was in order (additive focus).

Below is a similar example from the same story, when the daughter-in-law realizes that the strange sound is coming from the sieve:

- (17) Xaxal gəh ta-ne-sa-y, gəh
 sieve a.little go-3SG-PRS-PST a.little
 çur-e-ne-y. Xaxal-i oq’a-xun-al
 stand-3SG-LV:PRS-PST sieve-GEN under-ABL-ADD
 səs-e c’ey-sa-y...
 sound-3SG come.out-PRS-PST

‘The sieve walked a little, then stopped for a while. **And from under** the sieve came a sound...’ [“Tarak’ala xaxal”; Keçaari 2001: 125–126]

In this example, the first strange thing that is described is the fact that the sieve is moving; the second strange thing is a sound coming from underneath it. The clitic *-al* conveys an additive function here and is also reinforcing the overall effect.

Another example of this reinforcing effect is found in “The legend of the crowing rooster”. This legend tells about a battle that

Timur the Lame (a.k.a. Tamerlane) fought in the Udi village Nij. In the first lines of the legend, Timur is introduced as a fearsome conqueror.

- (18) Ömür-e dava-ğo-y boş-e
 life-DAT battle-PL-GEN in-3SG
 c'ovak'-es-t'-e-y. Sal sa kərən-əl
 pass-INF-CAUS-PERF-PST at.all one time-ADD
 te-ne c'ax-e-ś-e-y.
 NEG-3SG get.lost-3SG-LV-PERF-PST
 'His entire life was spent fighting battles. He **never ever**
 lost one.' ("Dadali ele legenda"; Keçaari 2001: 116–118]

Note that the sentence would also be grammatical without *-al*; in that case, the meaning would be 'He never lost one' rather than 'He never ever lost one'.

In this same legend, the reinforcing effect is conveyed by repetitive use of *-al* when the narrator describes how Timur's armies come closer and closer to Nij village. The repetitive use of *-al* points to more than a mere connective or additive function:

- (19) Ği-nurxo-y sun-t'-ust'a Teymur-i q'oşun
 day-PL-GEN one-OBL-AD Timur-GEN army
 Qəbəl-in pervar-e-al har-i
 Gabala-GEN region-DAT-ADD come.-AOR
 c'er-e. Usunluğen şo-t'-ay
 come.out.AOR-3SG soon DIST-OBL-GEN
 afata bak-ala ayiz-muğ-o-al
 around be-PART village-PL-DAT-ADD
 bi-t'un-q'-i. Teymur-i kiy-e
 take₁-3PL-take₂-AOR Timur-GEN hand-DAT
 koft'-i ayiz-muğ-oxun soğo-al
 take-AOR village-PL-ABL one.ABS-ADD
 Nij-e-y.
 Nij-3SG-PST

‘In one of those days Timur’s army came to **the [very] town** of Gabala as well. Soon they had taken the **surrounding villages, too**. And **one** of the villages that Timur had laid his hand on was Nij.’

Another example from this same legend:

- (20) K’odoğ-o hik’ə śam-eś-e-ne,
 forehead-DAT what.ABS be.written-LV-PERF-3SG
 šono-**al** bak-ala-ne-y.
 DIST.ABS-**ADD** be-DEB-3SG-PST
 ‘Whatever is written on the forehead, **that very thing** had to be.’ (meaning: whatever is one’s destiny will come to pass)

And finally an example from the expository text “The Udi language”:

- (21) Tarix-en yax nex-e ki,
 history-ERG we.DAT say.PRS-3SG that
 Udi muz 4-5-ci əsir-xo-st’a
 Udi language 4-5-ORD century-PL-AD
 əş-eś-e-ne, ba-ne-k-o
 be.used-LV-PERF-3SG be₁-3SG-be₂-FUT.MOD
 ko-t’-oxun-**al** bəš.
 MED-OBL-ABL-**ADD** before
 ‘History tells us that the Udi language was used in the 4th or 5th century, possibly **even before that**. In ancient times the inhabitants of Gabala lived in the Albanian kingdom.’ [“Udi Muz”; Ant’onova 2015: 36]

This appearance of *-al* clearly marks a superlative: ‘even before that’. Without *-al*, the meaning becomes more neutral: ‘before that’.

3.3. The clitic *-al* marks the beginning of a new episode

A new episode in a story, like the shift from a general description to a particular event, is also marked by *-al*. We already saw this in examples (9) and (10) where the introduction of a new character starts off a new episode. However, new episodes can also begin with a change in location or time. We come across this phenomenon in the story “The golden egg”. The narrator tells: “When Zina became rich, she herself began to act like a rich person. She didn’t help the poor anymore. **One day** Zina fought with a little orphan child, because he wanted a piece of bread from her. The little orphan child went away crying. God got angry at Zina.” [“Q’izılı qoq’la”; Ant’onova 2012: 35]. ‘One day’ is hosting *-al*, alerting the reader that now a new episode is beginning, in which a new event will take place and the storyline will develop.

4. Conclusion

Considering the above, we can conclude that *-al* functions in three ways on the discourse level:

1. To mark additional focus and give a reinforcing effect;
2. To mark topic switch between story participants who are salient to the discourse (often related to the beginning of a new episode);
3. To mark the beginning and end of an episode (also in other ways than topic switch), drawing attention to changes in storyline by conveying prominence of an event, time, etc. in a larger discourse context.

It is clear that, whereas the placement of the person marker and non-default word order mark focus on the sentence level, the clitic *-al* mainly plays a role in marking focus (e.g. prominence of characters and events) on the discourse level.

Abbreviations

1PL	First person plural (person marker)
2PL	Second person plural (person marker)
3PL	Third person plural (person marker)
1SG	First person singular (person marker)
2SG	Second person singular (person marker)
3SG	Third person singular (person marker)
ABL	Ablative
ABS	Absolutive
ADD	Additive clitic
AOR	Aorist
BE	Existential verb
BEN	Benefactive
CAUS	Causative
CONJ	Conjunction
DAT	Dative
DIST	Distal pronoun
DO	Light verb 'to do'
ERG	Ergative
FUT	Future tense
GEN	Genitive
IMP	Imperative
INF	Infinitive
LV	Light verb
MSD	Masdar (action nominal)
NEG	Negation
ORD	Ordinal number
POSS	Possessive pronoun
PERF	Perfect
PL	Plural
PROX	Proximal pronoun
PRS	Present
PST	Past tense
PTCP	Participle

REFL	Reflexive
REL	Relative
TOP	Adversative topic

References

- Ant'onova V.* Udi Muz 3. Baku, 2012.
- Ant'onova V.* Udi Muz 4. Baku, 2015.
- Danakari E., Şixmalova A.* Buxaçuğon Avrama əyit tadi ğar // Udi Q'urban video series, no. 3. Baku, 2017.
- Dooley R.A., Levinsohn S.H.* Analyzing Discourse: A Manual of Basic Concepts. Dallas, 2001.
- Forker D.* Toward a typology for additive markers // *Lingua*. 2016, 180, 69–100.
- Harris A.C.* Endoclitics and the Origins of Udi Morphosyntax. Oxford, 2002.
- Keçaari K.* Orayin: C'əkeşi şamur. Tarayesunxo. Udiğoy folkloraxun c'əkesunxo. Baku, 2001.
- Paul D.* =Ani and ham in Taleshi. Unpublished manuscript.
- Schulze W.* The Udi Language: A Grammatical Description with Sample Text. 2001/2. [<http://wschulze.userweb.mwn.de/udinhalte.htm>, accessed 8 February 2017]

van Willigen Corina
ван Виллиген Корина
SIL International
corina_vanwilligen@sil.org

***Sociolinguistic factors considered in determining
whether to produce Scripture materials in the
Chalkan variety of Northern Altai***

***Социолингвистические факторы, определяющие
необходимость перевода Священного Писания на
челканский диалект северно-алтайского языка***

Cleaver B.

Кливер Б.

This paper is a summary of a survey undertaken to investigate some aspects of the current sociolinguistic state of the language variety spoken by the Chalkans of southern Siberia. The purpose of this survey was to determine whether separate Scripture materials in the Chalkan variety are required and what format would be appropriate if such materials were necessary. Furthermore, the survey sought to evaluate whether Chalkan speakers could adequately comprehend existing or future Scripture resources in Russian, Southern Altai or Shor. This was done using a questionnaire, a word list and the story re-telling method in five Chalkan villages. The results demonstrated that Chalkan is a distinct enough language variety to justify translating Scripture material, as it is still used by many as the primary language in the home. However, the Chalkan language variety is dying out because of the influence of two other established languages: Southern Altai and Russian. The majority of Chalkans, especially those who are younger, understand basic Southern Altai, but prefer to read written material in Russian. The Chalkan language variety is more vital in the more remote communities.

Key words: Chalkan, Altai, survey, sociolinguistic factors, word list, language variety, questionnaire, vitality, intelligibility, genre

В статье представлены результаты исследования некоторых аспектов современного социолингвистического состояния идиома,

на котором говорят челканцы — этнос, проживающий в Южной Сибири. Целью обследования было определить, есть ли необходимость в переводе библейских текстов на челканский идиом и какой формат их перевода был бы уместен в случае его необходимости. Кроме того, в ходе обследования проводилась оценка адекватности восприятия носителями челканского идиома Священного Писания на русском, южно-алтайском и шорском языках. Обследование проводилось в пяти челканских деревнях с использованием анкетирования, списка слов и метода пересказа текстов. Результаты показали, что челканский идиом обладает достаточным количеством отличительных черт для того, чтобы перевод на него Священного Писания был оправдан, поскольку он все еще многими используется как основной язык домашнего общения. Тем не менее, челканский идиом вымирает, вытесняясь двумя другими языками: южно-алтайским и русским. Большинство челканцев, особенно молодое поколение, понимают алтайский язык на базовом уровне, но предпочитают читать по-русски. Челканский идиом лучше сохраняется в наиболее отдаленных районах.

Ключевые слова: челканский идиом, алтайский язык, обследование, социолингвистические факторы, список слов, идиом, анкетирование, витальность, понимание речи, жанр

1. Introduction

In 2016 a survey was undertaken to investigate some aspects of the current sociolinguistic state of the language variety spoken by the Chalkans of Southern Siberia. Chalkan is classified as a Northern Altai (ISO 639-3: atv) dialect [Simon & Fennig 2017; Ager 2017]. Northern Altai is considered a separate language from Southern Altai (ISO 639-3: alt). Simon & Fennig [2017] state that Northern and Southern Altai are not mutually intelligible. Thus, this survey included testing to determine whether Chalkan and Southern Altai are mutually intelligible.

The purpose of this survey was to determine whether separate Scripture materials in the Chalkan variety are required and what format would be appropriate if such materials were

necessary. Furthermore, the survey sought to evaluate whether Chalkan speakers could adequately comprehend existing or future Scripture resources in Russian, Southern Altai or Shor. Chalkan was not compared to other Northern Altai language varieties, such as Tuba or Kumandy, since there are no Scripture resources available in these dialects, and there are very few speakers left today.

The following are the questions that the survey proposed to answer:

1. What are the Chalkans' attitudes to the languages they speak (Russian, Southern Altai and Chalkan)?
2. How and where is the Chalkan language variety used, and what is its vitality?
3. What is the lexical similarity and intelligibility between Southern Altai and Chalkan, and what factors influence this?
4. What is the lexical similarity and intelligibility between the Shor language variety and Chalkan and what factors influence this?
5. What is the attitude of the Chalkans to different orality genres?

This paper shows the results from the survey and how they informed the answers to these questions. From this information, it draws a conclusion about the need for Scripture materials in Chalkan.

2. The Altai

The Altai are a traditionally nomadic¹ Turkic people group now living in settled communities in the Republic of Altai, approximately 500 km south of Novosibirsk, in Southern Siberia. According to the 2010 Russian census, there are 69,963 Altai people living in the Republic of Altai [Федеральная служба государственной

¹ Their lifestyle was based on hunting, fishing, trapping and pastoral herds.

статистики 2010]. The Ethnologue classifies Northern Altai as 6b (threatened) on the EGIDS Scale [Simons & Fennig 2017].

There are two ethnographic groups within the Altai Republic — the Southern Altai peoples and the Northern Altai peoples. The Chalkans are one of the groups that make up the Northern Altai peoples. According to the 2010 census, there are 1,181 Chalkans [Федеральная служба государственной статистики 2010], who live mostly in the Turachak Region of the Republic of Altai. Erdal et. al [2013: 312] state, “In 2000, the Chalkans (along with the Tuba and Telengit) were granted official minority status by Russia, and the language was listed in the Red Book of the peoples of Russia. However, this has not changed the acute endangerment of the Chalkan language.” The Ethnologue does not give Chalkan a separate ISO 639-3 code but includes it as a dialect of Northern Altai [Simons & Fennig 2017].

The Shor are another Turkic people group closely related to the Altai. They live in the Shor Mountains in the Kemerovo Region of Siberia. Their language, Shor (ISO 639-3:cjs) is a Northern Turkic language related to Altai. Geographically they live extremely close to remote Chalkan villages, and there has been regular contact between the two groups, including mixed marriages.

3. Methodology

To assess the Chalkans’ attitude towards their own language variety, Russian and Southern Altai (Question 1, §1), a questionnaire (see Appendix 1) based on the work of Blair [2007: 11–113] was completed by individuals who represented a broad cross-section of the Chalkan communities described in §4. This questionnaire also included questions that would help to determine the vitality of Chalkan and its domains of use (Question 2, §1).²

² In a more detailed survey, it would be useful to include questions on the birth place of the participants, the birth place and current residency of their parents and grandparents, and questions about what language is used specifically with Chalkan neighbours and colleagues.

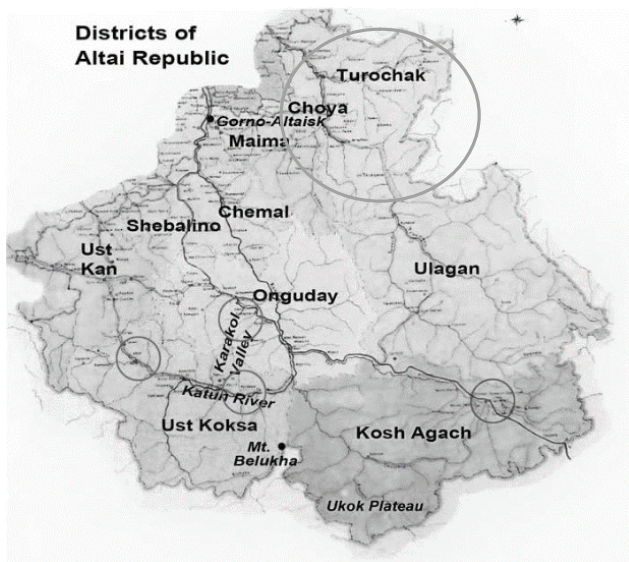
To test intelligibility between the Chalkan variety of Northern Altai and Southern Altai (Question 3, §1), a word list of 222 tokens was collected in Chalkan from a mother tongue speaker in the village of Kurmach-Baigol, and this was compared with a word list of 222 words in Southern Altai, collected from a mother tongue speaker of Southern Altai, from Kosh-Agach. By comparing the word lists elicited from the different communities and calculating the percentage of those items determined to be similar, the similarity between Chalkan and Southern Altai was assessed [Blair 2007: 26–33]. Intelligibility was also tested using the standard retelling method. A speaker from a Chalkan community listened to a text recorded by a mother tongue speaker of Southern Altai. After listening to this text a second time in sections, the speaker retold the story in Chalkan as they understood it from the recording. Scores ranging from 0 to 39 (see §4.3 for the results) were given according to the amount of correct information that was retold. A score greater than 31 (80 %) indicates that the varieties are likely to be mutually intelligible.

Since the Shor, who speak a related language, live in close proximity to and have contact with the Chalkan, the same retelling method was used to test if the Shor language was intelligible to Chalkan speakers. This test was completed by 13 individuals from 2 communities (Kurmach-Baigol and Suronash).

A questionnaire to assess language attitude was given to 68 individuals³, 9 men and 59 women, from 7 communities (Kurmach-Baigol, Suronash, Turachak, Biyka, Maisk, Tuloy and Chuyka⁴) in the Turachak Region of the Republic of Altai (see Map 1).

³ Since men were often out in the forest it was hard to interview them, thus the majority of those tested were female. Significant conclusions about the role of gender could not be assessed. In total 9 males and 59 females were tested.

⁴ There was only one individual interviewed in both Chuyka and Tuloy, thus those statistics will not be included in this paper.

Map 1: Districts of Altai Republic

4. Chalkan language communities

Kurmach-Baigol is a village comprised of approximately 350 people, the majority of whom are Chalkan. From this village, 33 individuals completed the questionnaire, 30 of whom were female. The age range of the individuals completing the questionnaire was from 16 to 80 years old. Two individuals from this village completed the Chalkan word list, both of whom were female. Also, from Kurmach-Baigol, 11 Chalkans completed the intelligibility test of Southern Altai, 5 of whom were male, with age ranges from 30 to 61 years old. The intelligibility test of the Shor language variety was completed by 9 individuals from this community.

Suronash is a remote village, made up of 7 families, with approximately 40 inhabitants, all of whom are Chalkan. From this village 8 individuals completed the questionnaire, 4 males and 4 females. The age range was from 39 to 64 years

old. Two individuals from Suronash, one male and one female, confirmed the Chalkan word list that was completed in Kurmach-Baigol, and made no changes. Four individuals from Suronash participated in the intelligibility test for the Shor language.

Turachak is a regional centre, and has a population of approximately 5,000 people, a small minority of whom are Chalkan. From Turachak 7 individuals completed the questionnaire, 1 of whom was male. The age range was from 47 to 74 years old.

Biyka is a larger village made up of 800 inhabitants, about half of whom are Chalkan. From Biyka 13 individuals completed the questionnaire, 1 of whom was male. The age range was from 33 to 67 years old.

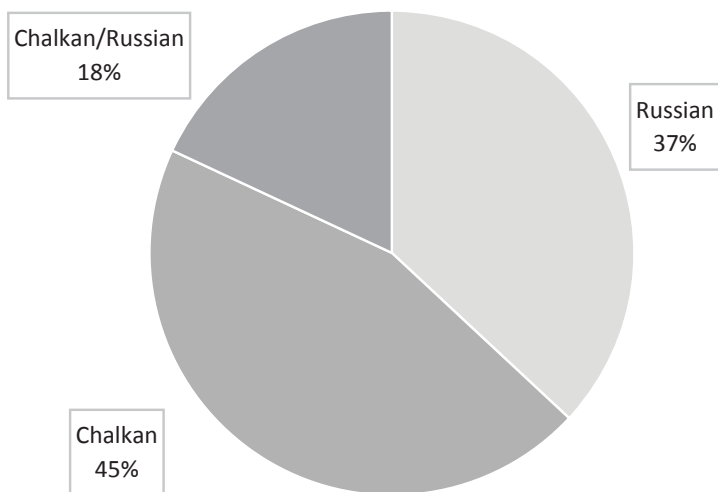
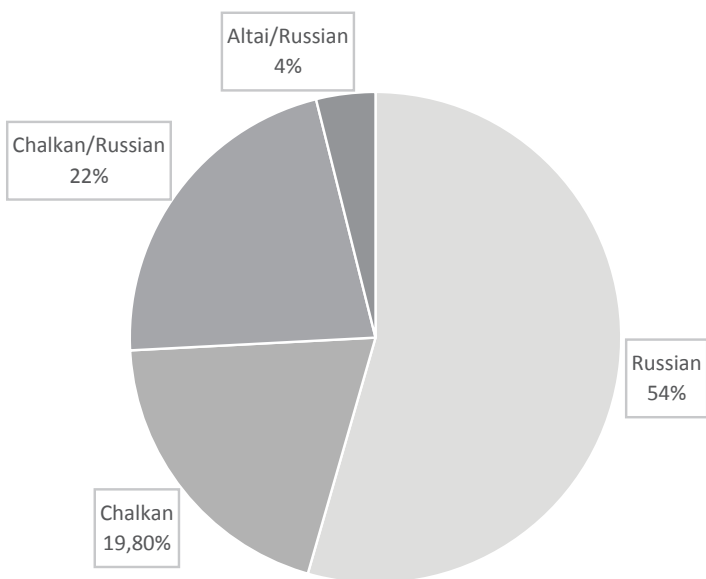
Maisk is also very remote and has a population of 100 people, half of whom are Chalkan. From Maisk, 5 individuals completed the questionnaire, all of whom were female, with ages ranging from 49 to 63 years old.

5. Results

5.1. Language Use and Attitudes

Question 1: What are the Chalkans' attitudes to the languages they speak (Russian, Southern Altai and Chalkan)?

Most people surveyed use either Chalkan (45 %) or mixed Chalkan/Russian at home (18 %) the latter including the 2 under 30 years old who completed the survey (see Figure 1). Russian is used by the majority of Chalkan speakers at work. (see Figure 2). Of the two under 30's, one uses Russian at work, and one a mixture of Chalkan and Russian. Since there were only two respondents under 30, it is difficult to draw conclusions regarding the influence of age on language use and attitude, but it appears that Russian is used more frequently than Chalkan at work.

Figure 1: Language used at home*Figure 2: Language used at work*

Of those who completed the questionnaire, 48 % say they were equally fluent in both Russian and Chalkan, 10 % considered themselves more fluent in Russian than Chalkan, and 42 % say they are most fluent in Chalkan (see Figure 3). Of the two under 30's surveyed, one is most fluent in Chalkan and one equally fluent in Russian and Chalkan. The overwhelming majority (93 %) say that Chalkan is the first language they learnt (see Figure 4), which includes the two surveyed under age 30.

Figure 3: Most fluent language

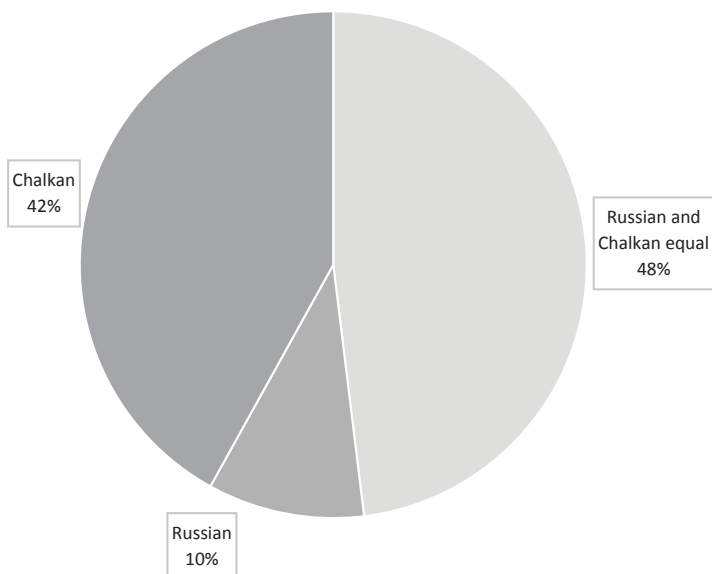
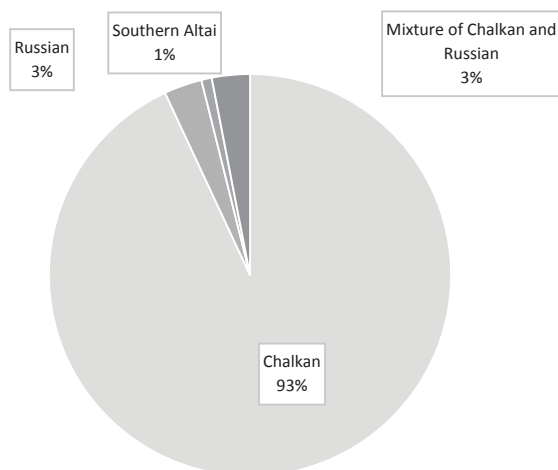
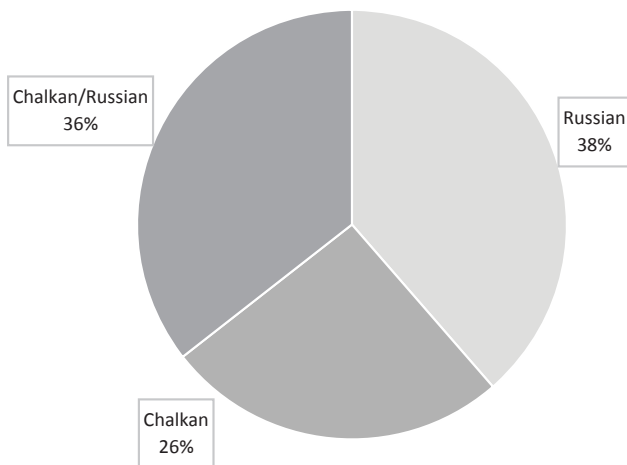

Figure 4: First language learnt

At home with their children 26 % of respondents say they use only Chalkan, while 36 % report using mixed Chalkan and Russian. The remaining 38 % use Russian exclusively (see Figure 5). As a result, there are about one third of the children growing up who may not speak or understand Chalkan to any extent.

Figure 5: Language used with children

Of the respondents, 78 % say their children did not speak Chalkan as well as they would like them to, and 96 % say they would like their children to be fluent in Chalkan. Children study Southern Altai in school, which is considered literary Altai, rather than Chalkan, which is only oral. However, 72 % think that studying Chalkan in some way should be included in the school curriculum.

5.2. Domains of Use

Question 2: How and where is the Chalkan dialect used?

The results of the questionnaire pertaining to domains of use are discussed in this section (see Table 1). Differences in the Chalkan domains of use in Turachak, Suranash, Maisk, Kurmach, and Biyka (see Map 2) are discussed as well as possible factors contributing to these differences.

Table 1: Chalkan use in 5 different locations

Chalkan most used:	Kurmach	Suranash	Biyka	Maisk	Turachak
at home	61 %	88 %	0 %	0 %	43 %
at work	33 %	50 %	0 %	0 %	0 %
in unofficial situations	52 %	50 %	23 %	0 %	0 %
with neighbours	56 %	100 %	8 %	0 %	0 %
with friends	48 %	50 %	8 %	0 %	29 %
with spouse	48 %	63 %	0 %	0 %	67 %
with siblings	86 %	63 %	46 %	40 %	71 %
with children	43 %	13 %	8 %	0 %	17 %
Consider Chalkan most fluent language	52 %	63 %	23 %	0 %	50 %

Map 2: The 5 locations where the survey was conducted in the Tirachak region

Kurmach-Baigol is a village comprised of approximately 350 people, most of whom are Chalkan. Of the 33 individuals interviewed in Kurmach-Baigol, 61 % say they exclusively use Chalkan at home, 33 % of the respondents report using it at work and 52 % of the respondents use it in unofficial situations. Fifty-two percent of respondents state Chalkan is their most fluent language. Chalkan is used by 56 % of the respondents with neighbours⁵, 48 % use it with friends, 48 % with their spouse, 86 % with their siblings but only 43 % use it with their children.

Table 2: Chalkan use in Kurmach-Baigol according to age

Chalkan most used:	Under 40's	40-60's	Over 60's
at home	67 %	63 %	50 %
at work	0 %	46 %	33 %
in unofficial situations	50 %	47 %	63 %
with neighbours	67 %	50 %	63 %
with friends	50 %	42 %	63 %
with spouse	33 %	50 %	50 %
with siblings	40 %	100 %	83 %
with children	25 %	39 %	63 %
Consider Chalkan most fluent language	33 %	53 %	63 %

Table 2 records the use of Chalkan in Kurmach according to age. It shows that a significantly lower percentage of the under 40's use Chalkan with siblings and children, indicating that the vitality of the language among the younger generation is decreasing. Similarly, only 33 % of the under 40's considers Chalkan their most fluent

⁵ It was observed that when Chalkans used Russian with neighbours these neighbours were mostly Russian, although there is no recorded data to support this observation.

language, compared to 53 % among the 40's–60's and 64 % among the over 60's, which indicates a generational decline in language use.

Suronash is a remote village made up of 7 families, with approximately 40 inhabitants⁶, all of whom are Chalkan. Of the 8 individuals interviewed in Suronash, 88 % use Chalkan at home and 50 % use it at work. Sixty three percent of the respondents consider Chalkan their most fluent language. Chalkan is used 100 % with their neighbours, 50 % with friends, 63 % with a spouse, 63 % with siblings and 13 % with their children. It was observed that most of the friends and all the children referred to live outside this village.

Table 3: Chalkan use in Suronash according to age

Chalkan most used:	Under 40's	40-60's	Over 60's
at home	100 %	75 %	100 %
at work	0 %	33 %	100 %
in unofficial situations	0 %	75 %	33 %
with neighbours	100 %	100 %	100 %
with friends	100 %	50 %	33 %
with spouse	0 %	75 %	67 %
with siblings	100 %	50 %	67 %
with children	0 %	25 %	0 %
Consider Chalkan most fluent language	100 %	50 %	67 %

⁶ There are very few people left in Suronash as many residents have migrated to less remote locations.

In Suronash there was only one respondent interviewed under 40.⁷ Table 3 shows that at home, at work and with siblings Chalkan is used less among people aged 40–60 than among those over 60, and fewer individuals from ages 40–60 consider Chalkan to be their most fluent language. This tells us that the language is less vital among the lower age range.

In all categories except with siblings and children, Chalkan is used more frequently in Suronash than in Kurmach-Baigol. This may be influenced by the fact that in Suronash only 8 people were interviewed, as opposed to 33 in Kurmach-Baigol. Less frequent use with siblings and children may also be a result of the fact that the siblings and children of the respondents in Suronash have moved to areas where Russian is spoken more, whereas in Kurmach-Baigol more extended families have stayed in the village. The fact that in Suronash Chalkan is used less frequently with closer family members, such as siblings and children, may also indicate the language is less vital than in Kurmach-Baigol. In Kurmach-Baigol and Suronash Chalkan is used with more frequency than anywhere else.

Biyka is a larger less remote village made up of 800 inhabitants, about half of which are Chalkan. Of the 13 individuals, who were 33 years or older, interviewed in Biyka, 0 % use Chalkan exclusively at home and at work. In unofficial situations 23 % use Chalkan, and 23 % said that Chalkan is their most fluent language (see Table 1). Chalkan is used by 8 % with neighbours and with friends. None of the respondents use only Chalkan with their spouse and only 8 % with their children. The use of Chalkan is significantly lower in Biyka than in Kurmach-Baigol or Suronash. The location of the village and the large percentage of mixed marriages have contributed to diminished use of Chalkan in this location.

Maisk is also very remote and has a population of 100 people, half of which are Chalkan. Maisk was a gold mining town, but now the inhabitants are moving away since the mine has closed. Most Chalkans in Maisk are in mixed marriages. Of the 5 individuals

⁷ This respondent was 39 years old.

interviewed, who were 49 years or older, 100 % use Russian at home, at work and in official situations. None give Chalkan as their most fluent language, and none use Chalkan with friends, or neighbours or a spouse or children. However, 40 % still use Chalkan with siblings. It is clear that Chalkan is used in very limited domains in Maisk.

Turachak is the regional centre of the Turachak Region, and has a population of approximately 5,000 people, a small minority of which are Chalkan. Of the 7 individuals interviewed in Turachak, 43 % use Chalkan at home, while 0 % use it at work, or in official or unofficial situations. Half say it is their most fluent language. Of those interviewed, 0 % use it with neighbours, while 29 % use it with friends, 67 % with their spouse, 17 % with their children, and 71 % with siblings. The Chalkans in Turachak are in the minority, but most have moved with extended family from Kurmach-Baigol or Suronash to Turachak and settled in close proximity to one another. Furthermore, the Chalkans in this community spend much time together, hence the language is used more frequently than in Biyka, where there are more mixed marriages.

In Turachak there was no individual interviewed under 40, and only 2 out of 7 people were 40-60's, thus conclusions from the data about how age affects language use in Turachak cannot be drawn with any accuracy.

In terms of usage and vitality, we see that Chalkan is used in more domains and is more vital in Suronash and Kurmach-Baigol followed by Turachak, Biyka and then Maisk. This is as would be expected when looking at the remoteness of the communities and the numbers of mixed marriages.

5.3. Intelligibility

Question 3: What is the lexical similarity and intelligibility between Southern Altai and Chalkan, and what factors influence this?

To ascertain the degree of intelligibility between Southern Altai and Chalkan, a dialect intelligibility test and a word list comparison were conducted as described in §3.

The samples taken from the dialect intelligibility test between Southern Altai and Chalkan indicate that the younger Chalkan generation (under 50 years old) have a good understanding of Southern Altai (as good as Southern Altai speakers) with scores ranging from 35 to 38 out of 39 (an average of 92 %). However, Southern Altai is less intelligible to the older Chalkan generations. The average score for over 50's was 29 out of 39, which is 75 % (see Figure 6). There was no significant difference in the understanding of Southern Altai between men and women.

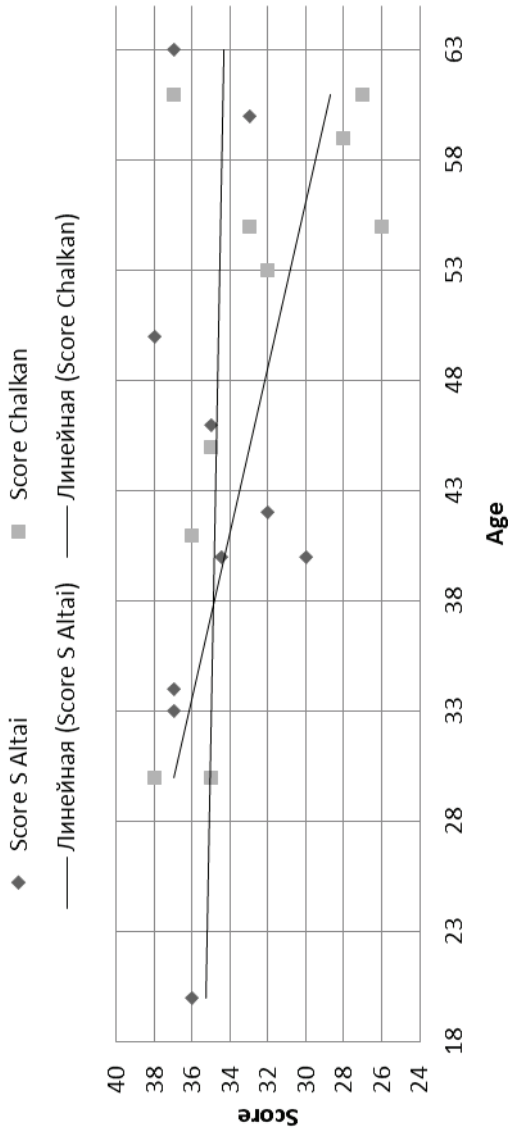
Respondents state that marriage to a Southern Altai speaker and continued study of Southern Altai or material presented in Southern Altai after school are the main factors that contribute to greater intelligibility.

A comparative list of 222 words was collected from mother tongue speakers in both Southern Altai and Chalkan (see Appendix 2). The word list in Chalkan was collected from two Chalkan women in Kurmach-Baigol and checked by a Chalkan man and woman in Suronash.⁸ The word list in Southern Altai was made and checked by 2 Southern Altai women from Kosh-Agach, who now live in Gorno-Altai.⁹ Following the methodology laid out by Blair [2007], both the technically similar words and those words where a relationship could be seen were calculated. Between Southern Altai and Chalkan 168 out of 222 words are technically similar resulting in 76 % similarity. When the words where a relationship was seen are added to the total number of technically similar words, the total of similar words is 176 out of 222 resulting in a 79 % similarity. Since there is almost an 80 % similarity between the language varieties mutual intelligibility is borderline.

⁸ No changes were made to the list by the speakers from Suronash.

⁹ Gorno-Altai is the capital of the Republic of Altai.

Figure 6: Intelligibility of Southern Altai

Question 4: What is the lexical similarity and intelligibility between Shor and Chalkan and what factors influence this?

In a similar manner the intelligibility test was used to determine intelligibility between Shor and Chalkan. The test was administered to 13 Chalkans.¹⁰ As described in §3, they were asked to retell a story in Chalkan that they listened to in Shor. An individual received a score for each section depending on how much relevant information was re-told correctly, demonstrating how much they had understood. The comprehensibility scores of the Chalkan speakers ranged from 15 to 28 out of a possible total score of 36. The respondents' average score of 20.8 out of 36 shows a 58 % comprehension rate. Since there is far less than 80 % similarity between the Chalkan and Shor language varieties, they are considered not to be mutually intelligible.

The results did not significantly vary for age (see Figure 7), gender or location.

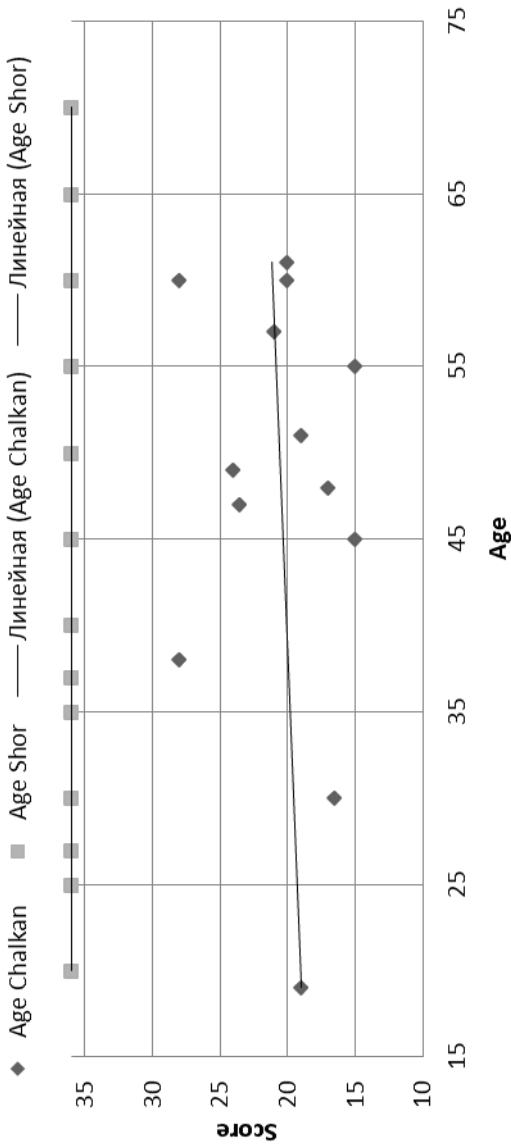
5.4. Genres and Attitudes**Question 5: What is the attitude of the Chalkans to different orality genres?**

Chalkan has traditionally been an oral language and is not used for reading or writing. Formal education is conducted in Russian. Chalkan does not have an accepted orthography or history of use in written form.¹¹ To investigate the most effective way to produce Christian materials in Chalkan, it is important to assess which genres are being used today for Chalkan materials and which publication formats would be the most popular among the Chalkans.

¹⁰ Due to time constraints 10 individuals were interviewed in detail and 3 in less detail.

¹¹ Even if there was an accepted orthography, it is unlikely that Chalkan would be used in written form unless a perceived benefit was determined for reading and writing in Chalkan.

Figure 7: *Intelligibility of Shor*

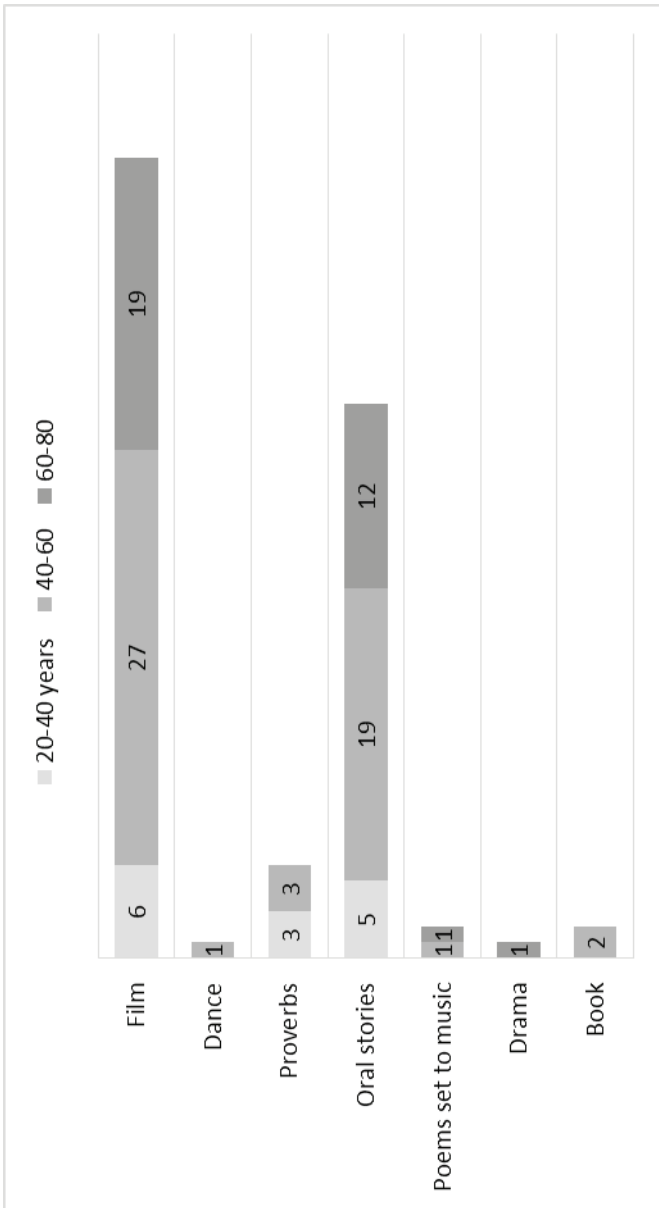
The respondents were asked if there were any folk stories or children's songs in Chalkan. From the group interviewed, 94 % say there are folk stories in Chalkan while 65 % say there are children's songs.

73 % of respondents say they very rarely hear Chalkan songs, and 74 % percent say they never listen to Chalkan proverbs or poems. Similarly, 63 % say they never listen to or tell stories in Chalkan. Of those interviewed, 68 % say they never see Chalkan dancing or any similar performance.¹²

If Christian material was made available in Chalkan, 52 % of respondents say they would like to see this in a video format while 36 % say they would like it presented in oral recorded stories (see Figure 8). There were 8 % who indicate a preference for poems or proverbs. The question about orality genres was added later during the survey, and only 48 individuals responded to it.

¹² It was observed that there is little ready access to such materials. Thus, individuals in these communities are not using their language in these formats.

Figure 8: Preferred genre for Christian materials in Chalkan by number of respondents

Preferred genre	20–40 years old	40–60 years old	60–80 years old
Book	0	2	0
Drama	0	0	1
Poems set to music	0	1	1
Oral stories	5	19	12
Proverbs	3	3	0
Dance	0	1	0
Film	6	27	19

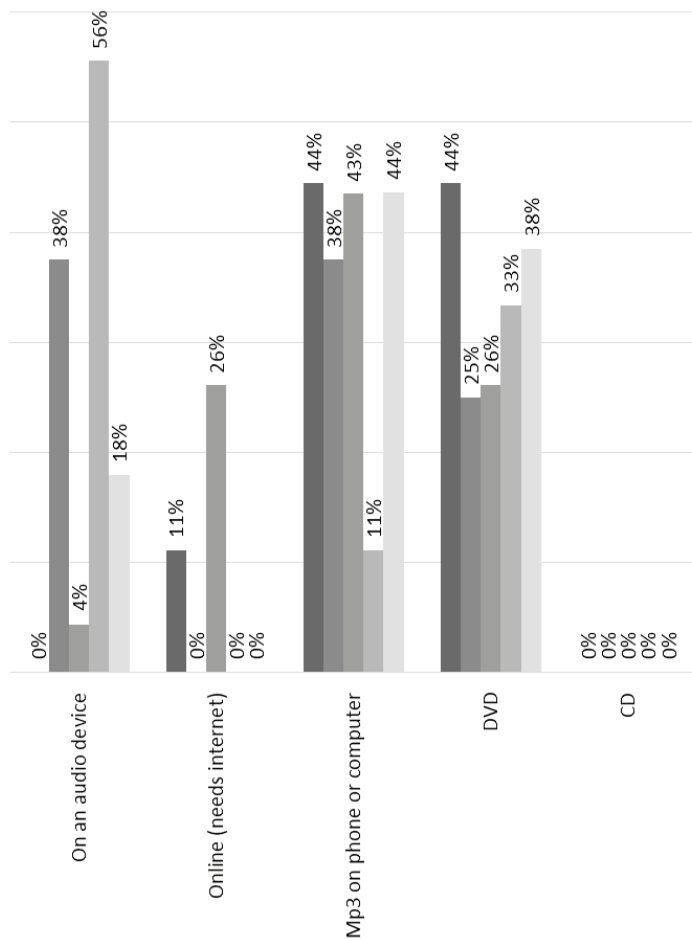
When the data is examined according to age differences, it is clear that the preferences were spread fairly equally over all the ages.

When asked in what format individuals would like the Christian materials to be distributed, of the 39 respondents, 44 % say as Mp3 files, 38 % say on DVDs and 18 % say on an audio device such as a Proclaimer or AudiBible¹³ (see Figure 9). In Biyka, which has Internet access, 26 % of respondents say they would be able to get access to the stories or videos online, while only 11 % in Turachak say they have such access. The other 3 locations do not have Internet access¹⁴.

¹³ The individuals interviewed were shown the Proclaimer and AudiBible devices.

¹⁴ In future research it would be helpful to include a question about mobile data use as it is increasing worldwide.

Figure 9: Preference for Story Formats

	CD	DVD	Mp3 on phone or computer	Online (needs internet)	On an audio device
■ Turachak	0%	44%	44%	11%	0%
■ Maisk	0%	25%	38%	0%	38%
■ Biyka	0%	26%	43%	26%	4%
■ Suronash	0%	33%	11%	0%	56%
■ Kurmach	0%	38%	44%	0%	18%

6. Conclusions

From the above results two things are clear: 1) Chalkan is a distinct enough language variety to justify translating Scripture material. Speakers of Chalkan do not necessarily understand Southern Altai. Today Chalkan is still used by many as the primary language in the home. 2) The Chalkan language variety is dying out because of the influence of two other established languages: Southern Altai and Russian.

This study shows that the Chalkan language variety is more vital in the remote communities of Suronash and Kurmach Baigol. Chalkan is used in more domains and by a greater number of individuals in these more remote villages. However, as road access and electricity have improved in Kurmach Baigol and Chalkans continue to migrate away from Suronash¹⁵ the vitality of Chalkan is threatened in these locations as well. In Biyka and Maisk, where half the population is Russian and inter-marriage has had a significant impact, Chalkan is used very little, even within the home. Chalkan is still used orally by the Chalkan families who have relocated to Turachak.

From this survey it appears that there are very few cultural activities that continue to be conducted in Chalkan including singing, story-telling or reciting poetry. There appears to be very little desire or motivation for such activities. Therefore, material developed in these genres would likely be used little, if at all.

¹⁵ If current trends continue it is very likely that the village of Suronash will cease to exist in the near future.

The majority of Chalkans, especially those who are younger, understand basic Southern Altai, but prefer to read written material in Russian. This is influenced by factors such as education in Southern Altai and inter-marriage with speakers of Southern Altai. Oral and written materials already available in Southern Altai will be comprehensible to some of the Chalkan population, especially to those who have been exposed to the Southern Altai language through education, marriage or relocation. However, for the majority of Chalkans, oral and written materials in the Southern Altai language will not be sufficiently comprehensible.

Chalkans have less understanding of Shor than of Southern Altai despite geographic proximity. It is likely that oral or written materials available in Shor would not be comprehensible for the Chalkan population.

Therefore, although the distinctiveness of the Chalkan language variety warrants the translation of Scripture resources into the language, the endangered status and declining vitality of this language variety does not motivate the translation of the whole New Testament, especially as this would only be an oral translation. A more realistic approach would be to select 20 to 30 key stories which in themselves give an overview of the whole Biblical narrative and make a paraphrase of these available using an audio MP3 or DVD format, accompanied by an illustrated book in Chalkan.

Appendix 1 – Questionnaire

<i>2. (G2) Group or Individual Interview (Language Use) Form ID:</i>			
1. RESEARCHER	2. DATE	3. LOCATION	3A. LANG OF INTERVIEW
4. NAME			5. GENDER M F
<i>Language Use</i>			
<i>Functional Domains</i>			
6a. Most Used Language at home		7. Work Language	
8. Language for official situations		9. Language for Unofficial Situations	
10. First Language learned		11. most Fluent language	
12. Language most read		13. Language easiest read	
14. Difficulties in reading			
15. Language Preferred for radio		16. radio language most listened to	
17. language preferred for television		18. television language most watched	
19. Most used Language for singing		20. Language for letters	
21. Easiest language to write		22. Language for arguing	
23. Language for cursing		24. language for counting	
<i>Interpersonal Domains</i>			
25. LANGUAGE WITH NEIGHBOURS			
26. language with friends			
27. Language with guests			
28. Language with parents			
29. Language with spouse			
30. Language with children			
31. Language with siblings			
32. Parents use which language with you?			
33. Spouse uses which language with you?			

<i>Children's Language</i>
34. Children study Vernacular in school?
35. Children speak as ought?
36. Children should speak well?
37. Vernacular should be in school?
38. Folk stories in Vernacular language?
39. Vernacular children's songs?

<i>Other</i>
<i>Notes</i>
<p>If there was Christian material available in Chalkan, in which format would you prefer?</p> <ul style="list-style-type: none"> - Book - Drama - Poems set to music - Stories - Proverbs - Dance - Film <p>If stories in which format would you prefer?</p> <ul style="list-style-type: none"> - CD - Mp3 on phone or computer - Online (needs internet) - On an audio device (like the one we are showing you)

Appendix 2 – Word list

Part 1

	English	Russian	S. Altai	Chalkan Kurmach	Similar or not
1	Body	тело	Эт-кан	эди	similar
2	Head	голова	баш	паш	similar
3	Hair	волосы	чач	шьашь	similar
4	Face	лицо	јүс	тьүс	similar
5	Eye	глаз	кӧс	кӧс	similar
6	Ear	ухо	кулак	кылак	similar
7	Nose	нос	тумчук	танак	not similar
8	Mouth	рот	оос	аас	similar
9	Teeth	зубы	тиштер	тиштер	similar
10	tongue	язык	Тил	Тил	similar
11	Breast (woman's)	грудь	эмчек	эмжек	similar
12	Belly	живот	ич	ишь	similar
13	Arm	рука	кол	кол	similar
14	Elbow	локоть	чаганак	шьаганак	similar
15	Palm	ладонь	алакан	алакан	similar
16	Finger	палец	сабар	салажыак	Not similar
17	Nail	ноготь	тырмак	тырвак	similar
18	Leg	нога	бут	пут	similar
19	Skin	кожа	тере	тере	similar
20	Bone	кость	сӧок	сӧок	similar
21	Heart	сердце	јӱрек	тьӱрек	similar
22	Blood	кровь	кан	кан	similar
23	Urine	моча	сидик	сидек	similar
24	Feces	кал	бок	пок	similar
25	Village	деревня	јурт	айыл	Not similar
26	House	дом	тура	уг	Not similar

	English	Russian	S. Altai	Chalkan Kurmach	Similar or not
27	Roof	крыша	јабынты	тъавынты	similar
28	door	дверь	эжик	эжик	similar
29	Firewood	дрова	одын	одын	similar
30	Broom	метла	јалмууш	сыйвашь	Not similar
31	Hammer (for breaking stone)	молоток	маска	маска	similar
32	Knife (for cutting meat)	нож	бычак	пъжък	Similar
33	Axe (for cutting wood)	топор	малта	палта	similar
34	Rope	веревка	буу	паг	Not similar
35	thread	нитка	учук	ужук	similar
36	needle	иголка	ийне	ине	similar
37	cloth	ткань	бӱс	Тавар/кеден	Not similar
38	Ring (gold band)	кольцо	јӱстӱк	эгвешь	Not similar
39	Sun	Солнце	Кун	Койешь	Not similar
40	Moon	Луна	ай	ай	similar
41	sky	Небо	тенери	тегри	similar
42	Star	звезда	јылдыс	шыган	Not similar
43	Rain	дождь	јагмыр	нӱанмыр	similar
44	Water	вода	суу	сууг	similar
45	River	река	Суу	сууг	similar
46	Cloud (white)	Облако	Булут	пулут	similar
47	Lightning	молния	јалкын	тъалгын	similar
48	Rainbow	радуга	солонгы	тъедеен	Not similar
49	Wind	ветер	салкын	салгын	similar

	English	Russian	S. Altai	Chalkan Kurmach	Similar or not
50	Stone (fist-sized)	камень	таш	таш	similar
51	Path (walking)	тропинка	жолычак	тьолыжыак	similar
52	Sand	песок	кумак	кувак	similar
53	Fire	огонь	от	от	similar
54	Smoke	дым	ыш	түдүн	Not similar
55	Ash	пепел	құл	пагал	Not similar
56	Mud (wet)	грязь	балкаш	палгаш	similar
57	Dust	пыль	тоозын	тоозын	similar
58	Gold	золото	алтын	алтын	similar
59	Tree	дерево	агаш	агаш	similar
60	Leaf	листок	жалбырак	кавак	Not similar
61	Root	корень	тазыл	тазыл	similar
62	Thorn	щипы	Кадалгак өлбн	Тыдалуг өлбн	Not similar
63	Flower	цветок	чечек	шыкайяк	Not similar
64	Fruit	фрукты	фрукты	фрукты	similar
65	Wheat (husked)	пшеница	буудай	пугдей	similar
66	Rice (husked)	рис	рис	рис	similar
67	Potato	картошка	картоп	картоко	similar
68	Eggplant	баклажан	баклажан	баклажан	similar
69	Groundnut	Земляной орех	жеркузук	тьеркузук	similar
70	Chilli (whole, red, dry)	Перец острый	Мырчык	мыршыак	similar
71	Garlic	чеснок	Чеснок	чеснок	similar
72	Onion	лук	согоно	Лук	Not similar

	English	Russian	S. Altai	Chalkan Kurmach	Similar or not
73	Cauliflower	Белая капуста	Ак капуста	Ак капуста	similar
74	Tomato	помидор	помидор	помидор	similar
75	Cabbage	капуста	капуста	капуста	similar
76	Oil	Растительное масло	кўнкузуктын саржузы	Растительный масло	Not similar
77	Salt	соль	тус	тус	similar
78	Meat (raw)	мясо	эт	эт	similar
79	Fat	жир	жуу	тьяг	Not similar
80	Fish	рыба	Балык	Балык	similar
81	Chicken	Курица	Такаа	кўрўске	Not similar
82	Egg	яйцо	јымыртка	нўмуртка	similar
83	Cow	корова	инек	нек	similar
84	Milk	молоко	сўт	сўт	similar
85	Horns	рога	мўўстер	мўўстер	similar
86	Tail	хвост	куйрук	койрук	similar
87	Goat	коза	эчки	Эшьки	similar
88	Dog	собака	ийт	ийт	similar
89	Snake	змея	јылан	тыылан	similar
90	Monkey	обезьяна	Мечин, кижикийик	кижи-кийик	similar
91	Mosquito	комар	Томонок, бёкөнёк	Товонок	similar
92	Ant	муравей	чымалы	шыывалга	Not technically similar but can see a relationship
93	Spider	паук	јоргёмёш	агжывак	Not similar
94	Name	имя	ат	ат	similar
95	Man	мужчина	эр кижик	эр кижик	similar

	English	Russian	S. Altai	Chalkan Kurmach	Similar or not
96	Woman	женщина	ўй кижн	каат кижн/ тижи кижн	Not similar
97	Child	ребенок	бала	пала	similar
98	Father	отец	ада	ава	Not similar
99	Mother	мать	эне	анэ	similar
100	Older brother	Старший брат	ака	ажа	similar
101	Younger brother	младший брат	карындаш	тыгма	Not similar
102	Older sister	старшая сестра	эје	эже	similar
103	Younger sister	младшая сестра	сыйын	тыгма	Not similar
104	Son	сын	Уул	оол	similar
105	Daughter	дочь	Кыс	Кыс	similar
106	Husband	муж	оббөгөн	апшийак	Not similar
107	Wife	жена	эмегени	куртыйак	Not similar
108	Boy	мальчик	уул	олашь	Not similar
109	Girl	девочка	кызычак	кызыжбак	similar
110	Day	день	кун	күн	similar
111	Night	ночь	түн	түн	similar
112	Morning	утро	эрген тура	эрген	similar
113	Noon	полдень	талтүш	түш	similar
114	Evening/ afternoon	вечер, днем	Энгир, түште	Кешь/ээр, түште	Similar
115	Yesterday	вчера	кече	кежен	Similar
116	Today	сегодня	бүгүн	пийин	similar
117	Tomorrow	завтра	эрген	тангда	Not similar
118	week	неделя	неделе	неделе	Similar
119	Month	месяц	ай	ай	Similar

	English	Russian	S. Altai	Chalkan Kurmach	Similar or not
120	year	год	јыл	тыыл	Similar
121	Old (object)	старый	эски	эски	Similar
122	New (object)	новый	јангы	тыаа	Not similar
123	Good	хороший	јакшы	тыакшы	Similar
124	Bad	плохой	јаман	ныемен	Similar
125	Wet	мокрый	Чыкту,ўлўш	Ўйўшь/ўўшь	similar
126	Dry	сухой	кургак	куру	Not technically similar but can see a relationship
127	Long (object)	длинный	узун	узун	Similar
128	Short (object)	короткий	кыска	кысашь	similar
129	Hot (water)	горячий	изў	изў	Similar
130	Cold (water)	холодный	соок	туну	Not similar
131	Right	правый	онг	онг	Similar
132	Left	левый	сол	сол	Similar
133	Near	близкий	јуук	тыагында	Not similar
134	Far	далекий	ыраак	ыракта	similar
135	Big	большой	јаан	ныаан	Similar
136	Small	маленький	кичинек	кишьешь	similar
137	Heavy	тяжелый	уур	ар	similar
138	Light	легкий	јенил	тыегжешь	Not similar
139	Above	Наверху	ўстинде	сыргында	Not similar
140	Below	внизу	алдында	кадында	Not similar
141	White	белый	ак	апашь	Not similar
142	Black	черный	кара	кара	Similar

	English	Russian	S. Altai	Chalkan Kurmach	Similar or not
143	Red	красный	кызыл	кызыл	Similar
144	One	Один	Бир	пир	Similar
145	Two	Два	Эки	Эки	Similar
146	Three	Три	үч	үшь	Similar
147	Four	Четыре	төрт	төрт	Similar
148	Five	Пять	беш	пешь	Similar
149	Six	Шесть	Алты	алты	Similar
150	Seven	Семь	јети	тьети	Similar
151	Eight	Восемь	сегис	Сегис	Similar
152	Nine	Девять	Тогуc	тогуc	Similar
153	Ten	Десять	он	он	Similar
154	Eleven	Одиннад- цать	он бир	онпир	Similar
155	Twelve	Двенад- цать	он эки	онэки	Similar
156	Twenty	Двадцать	јирме	тьерве	Similar
157	One hundred	Сто	јүc	тьүc	Similar
158	Who	Кто	кем	кем	Similar
159	What	Что	не	тьууг	Not similar
160	Where	Где	кайда	кайда	Similar
161	When	Когда	Качан	Кажьан	Similar
162	How many	Сколько	Канча	Канжья	Similar
163	What kind	Какой	Кандый	Кандуг	Similar
164	This (in hand)	Это	Бу	По	similar
165	That (distant)	То	Ол	Ол	Similar
166	These (in hand)	Эти	бу/былар	по/ пылар	similar

	English	Russian	S. Altai	Chalkan Kurmach	Similar or not
167	Those (distant)	Те	Ол/олор	Ол/ылар	similar
168	Same (like)	Похожий	тўней	андуак	Not similar
169	Different (other)	Другой	өскө	Өскө, пашка	Similar
170	Whole (unbroken)	Целый	бўдўн	Туйак	Not similar
171	Broken (pot)	Разбитый	Одык, сы- нык	Оодылкан, сынкан	similar
172	Few	Мало	ас	ас	Similar
173	Many	Много	көп	көп	Similar
174	All	все	бастыра	көдөре	Not similar
175	Here	здесь	мында	мында	similar
176	I (1s)	Я	Мен	Мен	similar
177	You (2s, informal)	Ты	Сен	Сен	similar
178	You (2s, formal)	Вы	Слер	Слер	similar
179	He (3s, masculine)	Он	Ол	Ол	similar
180	She (3s, feminine)	Она	Ол	Ол	similar
181	We (1p, inclusive)	Мы	Бис	Пис	similar
182	We (1p, exclusive)	Мы	Бис	Пис	similar
183	You (2p)	Вы	Слер	Слер	similar
184	They (3p)	Они	Олор	ылар	similar

Part 2

1	He is eating, eat (imp to 1 person)	Он ест, ешь	Ажанып јат, ажан	Аштъептъит, аштъе	Not technically similar but can see a relationship – both forms.
2	He is biting, bite	Он кусает, кусай	Ол тиштеп јат, тиште	Тиштептъит, тиште	Similar, similar
3	He is hungry, hunger	Он голодает, голодай	Ол аштап јат, ашта	Ол аштаптъит, ---,	Similar, not similar (does not exist)
4	He is drinking, drink	Он пьет, пей	Ичип јат, ич	Ишьтъит, ишь	Similar, similar
5	He is thirsty, thirst	Он жаждет, жаждай	Ол суузап јат, сууза	Сускаптъит, сууг ижере санаптъит	Not similar technically but can see a relationship – both forms.
6	He is sleeping, sleep	Он спит, спи	Ол уйуктап јат, уйукта	Ол уйтаптъит, уйта	Not technically similar but see a relationship – both forms.
7	He is lying down, lie down	Он лежит, лежи	Ол јадып јат, јат	Ол тъаттъит, тъат	Similar, similar
8	He is sitting down, sit down	Он сидит, сиди	Ол отурып јат, отур	Ол ошьоптъит, ошьор	Not similar, not similar
9	He is giving, give	Он дает, дай	Ол берип јат, бер	Ол пеертъит, пер	Similar, similar
10	It is burning, burn (wood)	Он горит, гори	Ол куйуп јат, куй	Ол куйтъит, куй	Similar, similar

11	He is dying, die	Он умирает, умри	Ол өлүп јат, өл	Ол өлтыйт, өл	Similar, similar
12	He is killing, kill	Он убивает, убей	Ол өлтүрип јат, өлтүр	Ол өлтөртыйт, өлтөр	Similar, similar
13	He is flying, fly (bird)	Он летает, лети	Ол учуп јат, уч	Ол ўшьыйт, ўшь	Similar, similar
14	He is walking, walk	Он ходит, ходи	Ол базып јат, бас	Ол тьортыйт, тьор	Not similar, not similar
15	He is running, run	Он бегаёт, беги	Ол жүгүрип јат, жүгүр	Ол тевин- тыйт, тевин	Not similar, not similar
16	He is going, go	Он уходит, уходи	Ол барып јат, бар	Ол пар- тыйт, пар	Similar, similar
17	He is coming, come	Он приходит, приходи	Ол келип јат, кел	Ол келтыйт, кел	Similar, similar
18	He is speaking, speak	Он говорит, говори	Ол айдып јат, айт	Ол тьок- тьоптыйт, айт	Not similar, similar
19	He is seeing, see	Он видит, смотри	Ол көрүп јат, көр	Ол көртыйт, көр	Similar, similar

References

Ager S. Altai. Omniglot: Writing systems & languages of the world, 2017. [<http://www.omniglot.com/writing/altay.htm>; accessed 2017-09-09].

Blair F. Survey on a Shoestring: A manual for small-scale language surveys. Dallas, 2007.

Erdal M., Nevskaya I., Ozonova Ayana, Pawlowski M.R., Nugteren H. Chalkans and their language (Chalkanlar ve dilleri) // Tehlikedeki Diller Dergisi / Journal of Endangered Languages.

Winter, 2013. [<http://dergi.tehlikedekidiller.com/index.php/TDD/article/viewFile/183/95>; accessed 2017-10-04].

Simons G.F., Charles D.F. (eds.) Ethnologue: Languages of the World, Twentieth edition. Dallas, Texas: SIL International, 2017. Online version: [<http://www.ethnologue.com>] (accessed 2017-10-04.)

Федеральная служба государственной статистики. Всероссийская перепись населения 2010 (Federal'naya sluzhba gosudarstvennoi statistiki. Vserossiiskaya perepis' naseleniya2010). [http://www.gks.ru/free_doc/new_site/perepis2010/croc/perepis_itogi1612.htm] (accessed 2017-10-04).

Cleaver Bronwen
Кливер Бронуэн
SIL International
bronwen_cleaver@sil.org

From Colchis to the Laz ***От Колхиды к Лазике***

Lawrence P.

Лоуренс П.

Colchis is well known as the destination of the legendary Jason and his Argonauts in their quest for the Golden Fleece. It was located on the plain of the river Phasis, now known as the Rioni, in the west of modern Georgia. This article traces the history of the term Colchis and charts its transition into the term Lazoi — a name that survives to this day in the Laz — a people, who in places still preserve their own language and who live in modern Turkey and Georgia. However such a transition begs the question as to how it may have happened.

Key words: Colchis, Laz, Megrelian (Mingrelian)

Колхида хорошо известна как место, куда направились мифологические аргонавты под предводительством Ясона в поисках Золотого руна. Она располагалась в долине реки Фазис, ныне известной как Риони, на Западе современной Грузии. В данной статье прослеживается история топонима Колхида и его переход в топоним Лазика — имя, сохранившееся до наших дней в этнониме лазы — народе, расселенном в современной Турции и Грузии, который в некоторых местах до сих пор сохраняет свой язык. Однако такой переход ставит вопрос о том, как это могло произойти.

Ключевые слова: Колхида, лазский язык, мегрельский (мингрельский) язык

Colchis in Linear B?

Colchis, in modern western Georgia, to which Jason and his Argonauts travelled in search of the Golden Fleece¹ (Apollonius of Rhodes *The Voyage of the Argo* 2.401-2), is a name of considerable antiquity. It is claimed that its earliest attested occurrence is on two tablets, from Knossos in Crete, to be dated c. 1450–1400 BC, and written in the so-called Linear B script. The name occurs in two forms as *Ko-ki-da* on tablet KN 4403 [Chadwick et al. 1990: 204] and as an adjectival form *Ko-ki-de-jo* on tablet KN 5465 [Chadwick et al. 1997: 83]. These can be vocalised as *Kolkhidas* and *Kolkhideios* respectively [Woudhuizen 2012: 269]. Such an identification presupposes that Colchis was known to the scribes of distant Minoan Crete and must remain conjectural. Although it can be demonstrated that distant places such as Rhodes, Egypt, Alasia (= Cyprus), Kuprios (=Cyprus), Syria, Arwad, Phoenicia, Tyre and Canaan [Woudhuizen 2012: 269], were known to the scribes of the Linear B tablets from Knossos, all of these places were accessible from the Mediterranean, not, as in the case of Colchis, from the Black Sea².

Colchis in Urartian inscriptions

With greater certainty as an antecedent of the name Colchis is the name *Qulḫa*, attested in an inscription of the Urartian king Sarduri II (c. 760–730 BC) from Analı Kız on the citadel at Van in Eastern Turkey. This inscription several times mentions

- ¹ It may be significant that the Greek for “fleece” κωας (Mycenaean Greek *ko-wo*) may be of Kartvelian, that is South Caucasian origin. Cf. Laz *ĩkēbi* ‘skin’ from **ĩkōbi*. [Gamkrelidze & Ivanov 1994: 803]. Etymological connections suggested in this article may not be of equal validity.
- ² The Greek name for the “Black Sea” *Ευξεινος* ‘hospitable’ was probably a euphemism for *Αξεινος* ‘inhospitable’, the sea being feared both for its storms and for the savage inhabitants around its shores. However it is also possible that this was derived from an Iranian word *aχšaenas* ‘dark’ [Olshausen 2007: 599].

Qulḥa (UKN 155 C2; D3,6,9) [Diakonoff & Kashkai 1981: 69]; [Payne 2006: 220 (§9.1.1)] and its hitherto unidentified royal city Ildamusha (UKN 155 D4,12) [Diakonoff & Kashkai 1981: 44].

Colchis in Herodotus

Both Colchis and its main river the Phasis³ were known to the Greek historian Herodotus (c. 485 – c. 424 BC) who mentions them at the beginning of his work (*Histories* 1.2). In *Histories* 1.104 he states: “*It is a thirty-day journey for a traveller without heavy baggage from Lake Maeotis [the Sea of Azov] to the river Phasis [Rioni] and Colchis*”. Later in *Histories* 4.37 Herodotus describes where the Colchians live: “*The Colchians, whose country reaches to the Northern Sea [i.e. the Black Sea] into which flows the river Phasis*”.

In Herodotus’ time the Colchians were under Persian rule and regularly were forced to give two hundred of their children to the Persians. As Herodotus records in *Histories* 3.97: “*Then there are the Colchians and other tribes living between Colchis and the Caucasus mountain range, which forms the limit of Persian influence ... They were assigned to make the donation every fourth year⁴, as they still do today, of a hundred boys and a hundred girls*”.

In describing the Persian king Xerxes’ army assembled to attack Greece in 480 BC Herodotus *Histories* 7.79 records how the Colchians were armed: “*The Colchians wore wooden helmets and carried small leather shields of untanned ox-hide, short spears, and also knives*”.

³ The Phasis (modern Rioni) was also known to Hesiod (c. 700 BC) *Theogony* 340. It has been suggested that the name Phasis is the origin of the Hebrew place name *Upaz* used in Jer.10:5 and Dan.10:5 in connection with gold [Mayani 1962: 408].

⁴ “Every fourth year” — so the translations of de Sélincourt [1954: 245] and Waterfield [1998: 211]; Strassler [2007: 256] has “every four years”; this contrasts with the meaning given by older scholars for δια πεντετηριδος. Thus Liddell and Scott [1940: 1176a] “every fifth year (inclusively)”, Rawlinson [1858: 258] and Godley [1921: 125] “every five years”.

Herodotus also speculates on the origins of the Colchians, connecting them with the Egyptians: *Histories* 2.104 “*But I myself had guessed their [= the Colchians’] Egyptian origin not only because the Colchians are dark-skinned and curly-haired (which does not count for much by itself, because these features are common to others too), but more importantly because the Colchians, Egyptians, and Ethiopians are the only people in the world who practise circumcision and have always done so*”.

He continues this theme in *Histories* 2.105 “*And let me mention one more way in which the Colchians resemble the Egyptians: these two peoples alone work linen and they do so in the same way*”. In the same passage he notes that: “*Linen from Colchis is called Sardonian by the Greeks*”.

Colchis in Pseudo-Skylax

The 4th century BC⁵ an anonymous writer known as Pseudo-Skylax briefly refers to Colchis in his *Periplus* 81.

“*And after these [the Melanchlainoi] are the Kolchoi, a community, with Dioskourias, a city; and Gyenos, a Hellenic city, with the river Gyenos and the river Chirobos; the river Chorsos, the river Arios, the river Phasis with Phasis⁶, a Hellenic city; and there is a voyage upstream up the river of one hundred and eighty stades to the city of Aia, a great barbarian one, where Medeia was from. Here is the river Rhis, the river Isis, the Pirates’ River, and the river Apsaros*”.

He thus describes the area of Colchian settlement as being from Dioskourias, Sokhumi on the coast of northern Georgia, to the river Apsaros — the Çoruh⁷ near the modern frontier with

⁵ Shipley [2011: 7] proposes a date of 338–7 BC for the composition of this work.

⁶ Modern Poti.

⁷ Georgian *çoroxi*, derived from the Armenian *çoroxieli* ‘unbending’ = Gk. ακαμπτος ‘unbending’ [Liddell & Scott 1940: 46b]. Compare two of the Greek names of the river — Ακαμψεον and Ακαμψις [Silberman 1995: 29].

Turkey. The rivers Gyenos, Chorsos, Arios, Phasis and Isis can be identified with the modern rivers Mokvi, Enguri, Khobi, Rioni and Natanebi respectively, which all flow into the Black Sea in modern Georgia [Shipley 2011: 156–157].

Colchis in Roman times

In the 1st century BC Colchis came under Roman influence, if not rule. Diodorus Siculus (1st century BC) *Library of History* 40.4 cites a tablet recording the conquests of Pompey in Asia, 61 BC:

“who gave protection to Iberia, Colchis and who brought into submission ... the Iozysi, Soani, Heniochi, and the other tribes along the coast between Colchis and Lake Maeotis [the Sea of Azov] and their kings nine in number and all the nations that live between the Black [Greek Ποντικης] and Red Seas; who extended the frontiers of the empire to the limits of the earth”.

The Colchians’ building methods attracted the attention of Vitruvius (84–14 BC), a Roman writer on architecture. His description of their wooden houses is somewhat technical, as befits an architect: (*On Architecture* 2.1.4)

“Among the Colchian people on the Black Sea, because they have an abundance of trees, whole trunks are used in construction. Two are positioned to right and left, parallel, on the ground. A distance is left between them commensurate with the length of the available trunks. Trunks are then stacked up transversely across one another in turn, to wall around the living space inside. The four corners are then strengthened, with alternate timbers across the angles. In this way they erect walls with stacked tree trunks and form structures the height of towers. The gaps which are left, caused by the crudeness of the material, are filled in with small pieces of wood and mud. The roof is constructed with a continued use of trunks, progressively shortened, so that they

rise upwards and inwards. The trunks which form the roof are covered with foliage and mud to produce capped towers roofed in barbarous fashion”.

The geographer Strabo (c. 62 BC – c. AD 24) *Geography* 11.2.17 comments on the products of Colchis:

“The country is excellent both in respect of its produce — except its honey, which is generally bitter⁸ — and in respect to everything that pertains to ship-building ... And the people make linen in great quantities, and hemp, wax and pitch”.

In the early 2nd century AD Colchis was occupied by Rome. Arrian describes dispensing pay to Roman forces in Colchis in AD 132 *Voyage around the Black Sea* 10.3:

“... so that we could give the soldiers the same day’s pay, and inspect the horses and weapons”.

The Roman military presence is attested by a stamped fragment of brick tile from Tsikhisdziri in Georgia inscribed VEXFA which is an abbreviation for *Vexillatio* (detachment) *Fasiana* / *Fasiaca* — a reflection of the river name Phasis [Braund 1994: 189].

The Colchians are called Lazoi

By the end of the 1st century BC the Colchians are also being referred to by a new name — Lazoi. This significant observation is first made in a work called the *Voyage around the Black Sea*, not to be confused with the more famous work by Arrian of the same name. The anonymous writer, whose work is perhaps extracted from the writings of Menippus of Pergamon 26/5 BC states [Müller & Langlois 1883: 177]:

“From a long time ago the people called Colchians, who have taken the new name of Lazoi, have been living from Diokouris of Sebastoupolis as far as the river Apsarus”.

⁸ Probably the bees that made this honey feasted on the region’s distinctive flowers, the purple *Rhododendron ponticum* or the yellow *Azalea pontica*.

As well as being the first equation of the Colchians with the Lazoi this brief quotation delineates the area settled by the Lazoi as “*from Diokouris of Sebastoupolis as far as the river Apsarus*”—a summary of the area settled by the Colchians delineated by Pseudo-Skylax over three hundred years earlier. The *Voyage around the Black Sea* also states that the Lazoi had been living there “*from a long time ago*” (Gk. *πρωην*⁹).

Why the Colchians should have taken the new name of Lazoi is not stated. Some would postulate that the Lazoi originally had a separate identity and imposed themselves upon the Colchians. Some claim that the Lazoi migrated from the Caucasian mountains to Colchis between 100 and 75 BC and settled south of the river Phasis (Rioni) [von Bredow and Savvidis 2005: 328], but the textual evidence given above, if taken at face value, would suggest otherwise. Does this change of name indicate some kind of shift in the balance of power within Colchis? In short it is not known why the name “Lazoi” emerged as an alternative to the term “Colchians”. The *Anonymous Voyage around the Black Sea* does not ask let alone answer such a question and there is nothing in the archaeological record to shed further light on this issue.

What is clear is that by the 1st century AD the area south of the river Phasis was called Lazika [Plontke-Lüning 2005: 328], and the Lazi (as he calls them) were known to Pliny the Elder (23/4 – 79¹⁰) *Natural History* 6:12 who lists them among several other peoples:

⁹ So Liddell and Scott [1940: 1543b 2]. This seems to be borne out by the imperfect tense in the verb *ωκουσιν*, and Müller and Langlois’ Latin translation *pridem*, however a second meaning for *πρωην* of “lately” 1534b 1 is also possible.

¹⁰ Pliny the Elder (Gaius Plinius Secundus) perished in the eruption of the Italian volcano Vesuvius which began on 24th August, AD 79. His nephew Pliny the Younger (Gaius Plinius Caecilius Secundus) records that his uncle’s body was found at dawn on the third day after the eruption i.e. 26th August. *Letter to Tacitus* 6.16.20.

“Beyond Trapezunta [Trabzon] the Heniochi Sanni, and the river Absarrus with the fortress of the same name in its gorge ... and on the coast the Heniochi, Ampreutae, Lazi, the rivers Acampseum, Isis, Mogrus and Bathys¹¹, the Colchian tribes ... and the Phasis the most celebrated river of the Pontus region”.

In addition to the rivers already identified¹² the Mogrus and Bathys can be identified with the modern rivers Supsa and Qorolistsqali. The Lazi are described as living on the coast and occur in juxtaposition with the term *gentes Colchorum* “Colchian tribes”.

Arrian of Nicomedia (AD 85/90 – 145/6), a provincial general and administrator for the emperor Hadrian (AD 117–138), in his *Voyage around the Black Sea* knows of both the Kolchoi (11.1) and the Lazoi (11.2), but does not equate them. *“We passed by the following peoples. The Kolchoi border on the Trapezuntines After them come the Machelones and the Heniochoi ... After the Machelones and the Heniochoi are the Zydritai ... After the Zydritai are the Lazoi”.*

The later writer Agathias (6th century) *Histories* 3.5 equates the Colchians and the Laz thus:

“The Lazoi are a strong and brave tribe. They are proud of their ancient Colchian names”.

As late as the 13th century the Colchians were still being linked with the Laz. As Nicophorus Gregoras (c. 1290 – 1358–61) *Byzantine History* 5.7.1 notes: *“After the capture of Constantinople [by the 4th Crusade in 1204] John the nephew of Alexis [Comnenus], ruled with a strong hand¹³ the land of the Colchians and Lazoi”.*

From Colchis to the Laz — a summary

This table shows in summary historical references to Colchis and the emergence of the equation of this name with the Laz.

¹¹ Perhaps giving its name to the modern city of Batumi, from Gk. βάθος “deep”.

¹² See p. 71 above.

¹³ Gk. τυραννησαντος – “tyrannised”.

Text	Date	Names
Possible occurrence in Linear B texts	1450–1405 BC	Kokida
Urartian text	8 th C BC	Qulha
Writers from Herodotus onwards	5 th C BC onwards	Colchis
<i>Anonymous Voyage around the Black Sea</i>	26/25 BC	Colchians = Lazoi
Pliny <i>Natural History</i>	23/4 – 79	Lazi
<i>Voyage around the Black Sea</i>	85/90 – 145/6	Colchians and Lazoi
Agathias <i>Histories</i>	6 th C AD	Lazoi = Colchians
Nicophorus Gregoras <i>Byzantine History</i>	c. 1290 – 1358–61	Colchians and Lazoi

The wars with the Laz

In the 4th century the Laz acquired hegemony over Colchis. Their capital Archaïopolis, described by Procopius *History of the Wars* 8.13.3 as “*the first and greatest city in Lazika*”, can be seen at Nokalakevi in Georgia [Plontke-Lüning 2005: 328]. In the mid 6th century the Laz found themselves in the midst of a war (details of which are recorded by Procopius of Caesarea (c. 507–555+) in his *History of the Wars*), between the Byzantine Empire and the Sassanid Persians. When the Laz switched allegiance from Persia to Byzantium, the Persians responded by capturing the fortress of Petra (Tsikhisdziri in Georgia) in 542. The Laz fought alongside the Byzantines to defeat of the Persians at the battle of the river Hippis in 549¹⁴. Thus Persian attempts to seize their ancestral land of Lazika and secure a bridgehead

¹⁴ Presumably the same as the river Hippos, (Pliny *Natural History*, 6.13 and Arrian *Voyage around the Black Sea* 10.2), the modern river Tskhenistqali — Georgian for “horse water”.

on the Black Sea, from where they could attack Constantinople, were thwarted. Following the treaty signed between Byzantium and Persia in 562 the Laz gradually moved south to inhabit the south-eastern shore of the Black Sea in modern Turkey where the majority still live to this day. They remained under Byzantine control until an Arab invasion of Lazika in the early 8th century [Garsoïan 1991: 1199b].

Procopius comments on the Laz's trade in skins, hides and slaves:

History of the Wars 2.15.5

“They [the Lazoi] themselves have neither salt nor grain nor any other good thing, but by furnishing skins and hides and slaves they secured the supplies which they needed”.

He notes that the Colchians, unlike the Byzantines, sustained themselves with millet¹⁵:

History of the Wars 8.13.18

“They [the Byzantines] were unable to live for any considerable time on millet as the Colchians did, since it was not familiar to them”.

The Lazoi had been Christians since the 4th century. Procopius notes their strong Christian faith:

History of the Wars 2.29.6

“Since the Lazoi are Christians of the most thorough-going kind¹⁶”.

And again in *History of the Wars* 8.2.17:

“The bishops¹⁷ of the Lazoi appoint their priests, seeing they are Christians”.

There was also a monastery, staffed by Lazoi, in the desert near Jerusalem [Procopius *Buildings* 5.9.7].

¹⁵ Millet grew quickly in the heavy rainfall of Colchian plain. It had a short ripening period and was resistant to moist conditions in storage. Other parts of the plant provided fodder for animals [Braund 1994: 54–55].

¹⁶ Gk. παντων μαλιστα.

¹⁷ Gk. ‘οι επισκοποι “the overseers”.

Kings of the Laz

Several kings of the Lazoi are known from the historical records of the early centuries AD thus:

Literary reference	King's name	Date AD
Arrian of Nicomedia <i>Voyage around the Black Sea</i> 11.2	Malassas ¹⁶	130/1
<i>Chronikon Paschale</i> 613,3-4	Zamnaxes, father of the below	Entry for 522
Theophanes the Confessor <i>Chronicle</i> , 168 <i>Chronikon Paschale</i> 613,1; 618:1	Tzathios	Entries for 522
Procopius of Caesarea <i>History of the Wars</i> 8.8.1	Gubazes	549
Procopius of Caesarea <i>History of the Wars</i> 8.9.7	Opsites, uncle of the above	

The subsequent history of the Laz is left for others to chronicle, as it demands a knowledge of Georgian and Russian literature, inaccessible to the present writer.

The Laz today

Today the Laz mainly live on the Turkish side of its border with Georgia, being largely confined to a 10 km. strip inland from the coast between Çayeli and Hopa¹⁹. Since the Turkish census

¹⁸ Arrian *Voyage around the Black Sea* 11.2 specifies his client relationship to Rome “who holds his kingdom from you” i.e. “the emperor Hadrian”.

¹⁹ This is excepting those Laz who migrated during the 1877–78 Russian-Turkish war further along the Black Sea coast and to areas such as Düzce, Adapazarı and Yalova and those who later migrated to Istanbul and Ankara.

does not record ethnic minority populations estimates of the total Laz population range from 45,000²⁰ to a million²¹. Today's Laz are predominantly Muslim, having accepted Islam from the reign of Selim I (1512–1520) onwards [Ersoy 2007: 335 n 22]. Some five thousand Laz live over the border in Georgia [Harris 1991: 397].

The Laz language is part of the Kartvelian (South Caucasian) family that includes Georgian²², Svan and Megrelian, more commonly also known in English as Mingrelian²³. Many Laz, particularly those from the younger generation no longer speak their own language. Estimates of the number of Laz speakers range from 46,987²⁴ to 600,000²⁵. There are four or five recognised dialects, not always mutually intelligible, the western dialects being more influenced by Greek (see Appendix A) and the eastern ones by Georgian. Italian too has made its mark on the lexicon of the Laz language, doubtless through Genoese and Venetian traders in the Black Sea in late Byzantine and early Ottoman times (see Appendix B).

Survivals from Antiquity?

Claims are sometimes made connecting odd words in the Laz language with languages of antiquity. Two examples can suffice:

²⁰ Andrews P.A, cited in [Kutscher 2001: 5 n 1].

²¹ The upper figure was provided by İrfan Çağatay in a personal communication, but it remains an estimate. For a list of Laz villages and a map showing the main area of Laz settlement see [Yılmaz 2017: 37–49 with map on p. 37].

²² Laz shares about 60 % of its vocabulary with Georgian [Alkumru 2011: 50].

²³ Laz has 82 % – 84 % lexical similarity with Megrelian [Alkumru 2011: 50].

²⁴ Turkish census figure for 1945 cited in [Harris 1991: 397].

²⁵ The upper figure was provided by İrfan Çağatay in a personal communication, but it remains an estimate. Knowledge of the language would not of course be uniform.

1) The Laz word *uškuri* “apple”²⁶ can be compared with the Sumerian *hušhur*²⁷.

2) The Laz word *škıt* “seven”²⁸ may explain a people variously called Skythinoi²⁹, Skytinoi³⁰ or Skythenoi³¹ and a mountain called Skydises the heights of which Strabo (c. 62 BC – c. AD 24) *Geography* 12.3.18 notes were occupied by a people called Heptakomitai “seven villages” [Vogt 1988: 465]³².

Nevertheless linguistic links with the indigenous peoples of Anatolia, such as the Kaskeans of the second millennium BC, are tenuous at best [Avaliani 2012:37]³³. What is more certain

²⁶ [Buçak İlişi, Uzunhasanoğlu and Aleksiva 2007: 934b; Gelb *et al.* 1956:139b]. This word is common to the Kartvelian languages, being cognate with Megrelian *uškuri*, Georgian *vašl-i* and Svan *wisgw*.

²⁷ [Gelb *et al.* 1956:139b]. Both the Laz and Sumerians may have borrowed this word from a common, as yet undetermined source.

²⁸ This word is common to the Kartvelian languages, being cognate with Megrelian *škit*, Georgian *švid-i* and Svan *išgwid*.

²⁹ Xenophon (c. 430 – c. 354 BC) *Anabasis* 4.7.18.

³⁰ Diodorus Siculus (1st C BC) *Library of History* 14.29.2.

³¹ Stephanos of Byzantium (c. AD 530) *Ethnika* 578.19.

³² Strabo goes on to comment about the Heptacomitai. “*Some also live in trees or turrets; and it was on this account that the ancients called them “Mosynoeci”, the turrets being called “mosyni”. They live on the flesh of wild animals and on nuts; and they also attack wayfarers, leaping down upon them from their platforms*”. Apollonius *Voyage of the Argo* 2.1015–7 similarly remarks: “*Next they passed by the Sacred Mountain and the land where the Mossynoikoi live in their “mossynai” throughout the mountains; it is these huts that give them their name.*” The name *mosyni* / *mossynai* can be compared with the Ossetian (an Indo-European language spoken in the Caucasus) *masug* “tower”, [Frisk 1970: 258].

³³ The so-called Proto-Georgian inscriptions, dating from the late 4th C BC to the 4th C AD, and written on pots and tiles from various locations within modern Georgia, may provide useful linguistic clues, but all the extant examples are extremely short (the longest so far discovered only has four signs!) and have yet to be deciphered. See further [Licheli 2007: 1104–1113].

however is that Classical writers have clearly shown that the origins of the Laz lay in the ancient land of Colchis (modern western Georgia), but how the connection arose between Colchis and the Laz remains uncertain.

Appendix A

Some Laz words derived from Greek (all listed in [Buçaklışı, Uzunhasanoğlu and Aleksiva: 2007]) Gk. = Classical Greek; Mod. Gk. = Modern Greek.

- drepani* “sickle” Gk. *drepanē*; Mod.Gk. *drepani*.
dulya “work” Gk. *douleia* “servitude”; Mod. Gk. “work”.
ela “come!” (as an imperative) (Pazar Laz only) Mod. Gk. *ela* “come!”.
ķalati “basket” Gk. / Mod. Gk. *kalathos*.
ķaravi “ship” Mod. Gk. *karavi*.
ķafri “nail” Mod. Gk. *karfi* **.
ķokıtza “whooping cough” Mod. Gk. *kokkytis*.
ķuķma “metal jug” Mod. Gk. *koukimion*, Tk. *güğüm*.
mağala “high” Gk. *megalē* feminine of *megas*; Mod. Gk. *megali* “great”.
mekřasi “silk” Mod. Gk. *metaksi* **.
meřa “besides”, “in addition to”; Gk. *meta* “between”, “with”, “after”.
msora “itch” Gk. / Mod. Gk. *psora*.
musřači / *musřakři* “moustache” Gk. *mystaks*; Mod.Gk. *moustaki*.
nosřoni “taste” Gk. / Mod. Gk. *nostimos* “tasty”.
ofidi “eyebrow” Gk. / Mod. Gk. *ofris*.
ora “time” Gk. / Mod. Gk. (*h*)*ōra*.
oroksi “desire” Gk. / Mod. Gk. *oreksis* “appetite”, “desire”.
oři “that” Gk. / Mod. Gk. (*h*)*oti*.
řanda “always” Gk. / Mod. Gk. *pan tote* “all the time”.
řapřutzi “lady's slipper” Mod. Gk. *papoutsi*, Tk. *pabuç*.
řaraskře “Friday” Gk. / Mod. Gk. *paraskevi*.

poře “never” Gk. / Mod. Gk. *pote* “ever“, “when?”
raxna “spider” Gk. *arachnēs*; Mod. Gk *arahni*.
sabařoni “Saturday” Gk./ Mod. Gk *sabbaton*.
serende “structure on stilts for storing food” Tk. *serender*;
 Mod.Gk. *ksirantirio(n)* “drying room” from Gk. *xēros* “dry”.
siraři “razor” Gk. / Mod.Gk. *ksirařion*.
řilidoni “swallow” (bird) Gk. *chelidōn*; Mod. Gk. *helidoni*.
řilya “thousand” Gk. *chilias*; Mod. Gk. *hiliı*.
řira “widow” Gk. *chira*; Mod. Gk. *hira*.
troni “chair” Gk. / Mod. Gk. *thronos*.
řiři “chance” Gk. *tuchē*; Mod. Gk. *tihi*.
xoroni “dance” Gk. / Mod. Gk. *horos*.

** note the metathesis (transposition of consonants) in these examples.

Appendix B

Some Laz words derived from Italian (all listed in [Buçaķ liři, Uzunhasanođlu and Aleksiva: 2007]).

dimoni “rudder” It. *timone*.
furni “oven” It. *forno*.
kuzine “stove” It. *cucina* “kitchen”.
pořra “barricade”, “obstacle to prevent escape of animals”;
 It. *porta* “door“. **

** note the metathesis (transposition of consonants) in this example.

References

- Alkumru N.* Laz Kùltür Tarihi. Istanbul, 2011.
Avaliani E. Ancient Anatolia: Cultural Mosaic, not Melting Pot // The Black Sea, Paphlagonia, Pontus and Phrygia in Antiquity, BAR International Series, 2432. Oxford, 2012, 35–38
Braund D. Georgia in Antiquity. Oxford, 1994.
Buçaķ liři I., Uzunhasanođlu H., Aleksiva I. Büyük Lazca Sözlüğü — Didi Lazuri Nenapuna. Istanbul, 2007.

Chadwick J. et al. Corpus of Mycenaean Inscriptions from Knossos. Vol. 2. Cambridge, 1990.

Chadwick J. et al. Corpus of Mycenaean Inscriptions from Knossos. Vol. 3. Cambridge, 1997.

de Sélincourt A. Herodotus Histories. London, 1954.

Diakonoff I.M., Kashkai S.M. Geographical Names According to Urartian Texts // Répertoire Géographique des Textes Cunéiformes 9. Wiesbaden, 1981.

Ersoy E.G. Hemshin identity in Çamlıhemşin // *Simonian H.* The Hemshin: History, Society and Identity in the Highlands of Northeast Turkey. London, 2007.

Frisk H. Griechisches Etymologisches Wörterbuch. Vol. 2. Heidelberg, 1970.

Gamkrelidze T.V., Ivanov V.V. Indo-European and the Indo-Europeans. Part 1. Berlin, 1994.

Garsoïan N.G. Lazika // The Oxford Dictionary of Byzantium. Oxford, 1991.

Gelb I.J. et al. Chicago Assyrian Dictionary. Vol. 7. Chicago. 1956.

Godley A.D. Herodotus. The Histories. Loeb Classical Library, Harvard, 1921.

Harris A.C. Laz // Indigenous Languages of the Caucasus. Vol.1. New York, 1991, 397–472.

Kutsche S. Nomen und nominales Syntagma in Lasischen. Munich, 2001.

Licheli V. Hellenism and Ancient Georgia // Ancient Greek Colonies in the Black Sea. Vol. 2. BAR International Series, 1675. London, 2007, 1083–1142.

Liddell H.G., Scott R.A. Greek English Lexicon. Oxford, 1940.

Mayani Z. The Etruscans Speak. London, 1962.

Müller C., Langlois V. Fragmenta Historicorum Graecorum, 5. Paris, 1883.

Olshausen E. Pontos Euxenios // Brill's Encyclopaedia of the Ancient World, 11.599. Leiden, 2007.

Payne M.R. Urartu Çiviyazılı Belgeler Kataloğu. Istanbul, 2006.

Plontke-Lüning A. Lazica // Brill's Encyclopaedia of the Ancient World, 7.328. Leiden, 2005.

Rawlinson G. The Histories of Herodotus. London, 1858.

Shipley D.G.J. Pseudo-Skylax's Periplus The Circumnavigation of the Inhabited World. Bristol, 2011.

Silberman A. Arrien Périples du Pont-Euxin. Paris, 1995.

Strassler R.B. The Landmark Herodotus. New York, 2007.

Vogt H. Remarques sur la préhistoire des langues kharthvéliennes // *Vogt H.* Studia Caucasologica 2. Oslo, 1988.

von Bredow I., Savvidis K. Lazi // Brill's Encyclopaedia of the Ancient World, 7.328. Leiden, 2005.

von Bredow I. Macrones // Brill's Encyclopaedia of the Ancient World, 8.105. Leiden, 2006.

Waterfield R. Herodotus the Histories. Oxford, 2008.

Woudhuizen F.C. The Saga of the Argonauts: A Reflex of Thracian-Phrygian maritime encroachment on the southern Pontic littoral // The Black Sea, Paphlagonia, Pontus and Phrygia in Antiquity. BAR International Series, 2432. Oxford, 2012, 263–271.

Yılmaz İ.G. Türkiye'de Laz ve Hemşinli Yerleşimleri // *Ogni*, 7 (2017), 37–49.

Lawrence Paul

Лоуренс Пол

SIL International

pjnlawrence@yahoo.co.uk

**«Приключения Алисы в Стране чудес»
Л. Кэрролла на хакасском языке:
лексико-семантические особенности перевода
*Alice's Adventures in Wonderland in Khakas:
Lexico-semantic features of the translation***

Чертыкова М.Д., Фет В.Я.

Chertykova M.D., Fet V.

Сказка Льюиса Кэрролла «Приключения Алисы в Стране чудес» на хакасском языке является одним из серии переводов на тюркские языки, изданных Майклом Эверсоном (Michael Everson) в издательстве «Эвертайп» (Evertyp) (Ирландия). Это значит, что накоплен некоторый опыт, фиксирующий коммуникативные, стилистические, жанровые особенности перевода, при этом сохраняющий смысл оригинала. В статье описываются принципы перевода данной сказки на хакасский язык, осуществленного на базе перевода на русский язык А.А. Щербакова и при постоянном уточнении и сверке с английским оригиналом. С учетом особенностей хакасского менталитета и культурных традиций были переведены в знакомую для хакасского читателя, «домашнюю» атмосферу некоторые персонажи, отрывки игры слов (каламбуров).

Ключевые слова: «Приключения Алисы в Стране чудес», хакасский язык, перевод, игра слов, одомашнивание, отчуждение, сказочный персонаж, национальный менталитет

The first translation of Lewis Carroll's fairytale *Alice's Adventures in Wonderland* into the Khakas language is a part of a series of translations into Turkic languages recently published by Michael Everson (Evertyp Publishing House, Ireland). This project has given the world of translation a wealth of new experience in how to render communicative, stylistic

and genre features in a translation while at the same time retaining the content of the original text. The article describes the principles used for translating this text into Khakas. The Khakas translation was based on the Russian translation of *Alice* by A.A. Shcherbakov, with constant verification and comparison with the English original. Some characters and wordplays (puns) in the translation were “domesticated” according to the Khakas worldview and cultural traditions with the intention of making the text more familiar to Khakas readers.

Key words: “Alice’s Adventures in Wonderland”, Khakas language, translation, wordplay, domestication, foreignization, fairytale characters, ethnocultural worldview

Льюис Кэрролл — псевдоним известного английского писателя Чарлза Латвиджа Додсона (1832–1898). Он работал преподавателем математики в колледже Крайст Черч в Оксфордском университете и был близким другом семьи ректора колледжа, Генри Лидделла. Льюис Кэрролл часто рассказывал сказки дочерям Г. Лидделла: юной Алисе и ее старшим сестрам Лорине и Эдит. Однажды, 4 июля 1862 г., Кэрролл, его друг, преподобный Робинсон Дакуорт, и три сестры отправились на лодочную прогулку и устроили пикник на берегу реки. Во время этой прогулки Кэрролл рассказал историю о девочке по имени Алиса, которая упала в кроличью норку и ее необычайных приключениях в волшебной стране. Алиса попросила Кэрролла записать для нее эту сказку, и через некоторое время рукопись была готова. Позже к ней были сделаны добавления и исправления, и в 1865 г. была опубликована книга «Приключения Алисы в Стране чудес» [Carroll 1865]. Ее продолжение, «Сквозь зеркало и что там увидела Алиса (в русских переводах также «Алиса в Зазеркалье»», вышло в 1871 г. [Carroll 1871].

Эта сказка, получив заслуженное признание как у детей, так и у взрослых, стала шедевром английской и мировой классики. «Приключения Алисы в Стране чудес» переведены на более чем 200 языков мира, хотя эта книга считается

одним из самых трудных для перевода произведений. Как считает С. Курий, трудность заключается в лингвистических и философских тонкостях, английском фольклоре и каламбурах. «Переведи ее буквально — пропадет юмор и игра, переведи ассоциативно — выйдет не совсем та “Алиса”» [<https://shkolazhizni.ru/culture/articles/37514/>]. Первоочередные задачи переводчиков заключаются в том, чтобы, не нарушая лирическое, духовно-философское и лукавое своеобразие подлинника, передать особый дух того фантастического мира, в который попала английская девочка Алиса. И как мы видим, эти переводческие сложности преодолимы и «Алиса...» продолжает покорять сердца читателей на разных языках. Тем самым герои Л. Кэрролла живут не только в изданных книгах, но также и в фильмах, спектаклях, мюзиклах, мультфильмах и даже в компьютерных играх.

В 2015 г., к 150-летию издания книги, в США под редакцией Джона Линдсета и Алана Танненбаума вышел трехтомник «Алиса в Мире Стран Чудес» («Alice in a World of Wonderlands»), над которым работали десятки переводчиков [Lindseth, Tannenbaum 2015]. В трехтомнике приводится полная библиография всех известных переводов двух книг «Алисы» на почти 200 языков. В одном из томов даются обратные переводы на английский главы VII («Безумное чаепитие») с десятков языков, с комментариями лингвистов о том, как справлялись переводчики со сложной игрой слов Кэрролла. В этом отношении накоплен огромный опыт: «Алиса...» — одно из самых переводившихся литературных произведений.

Успех перевода «Алисы...» зависит от многих факторов. Это, конечно, прежде всего, грамотность и хорошее знание переводчиком своего родного языка. Это изобретательность в передаче старинного текста, попытка изобразить викторианскую Англию в рамках своей традиции — или частично пересоздать для нее игру Кэрролла (в особенности пользуясь игрой слов и вставными стихотворными пародиями). Необходимо внимательное, осторожное описание персонажей,

передача их речи и диалогов, а в случае одомашнивания (или доместикации) — чувство меры и такта. Важен верный выбор словаря: к примеру, английские *silly*, *stupid*, *foolish* легко перевести как «глупый» и даже «дурацкий», но по-русски эти слова звучат намного грубее. Уместно избегать жаргона, вульгарностей, современного сленга (в том числе детского), сюсюканья. В пародийных стихах нужно умение создать смешную стихотворную пародию на серьезные, хорошо известные «школьные» оригиналы. Книга писалась для образованной девочки: Алисе было 10 лет во время создания сказки (1862), и 13 к моменту ее публикации [Carroll 1865].

История перевода «Алисы...» на русский язык необычайно интересна и насчитывает уже 120 лет [Demurova 1995]. Первый, анонимный, перевод под названием «Соня в царстве дива» [Москва 1879], скорее всего, принадлежал Екатерине Ивановне Боратынской, первой учительнице Б.Л. Пастернака [Фет 2017]. Несколько переводов были опубликованы в начале XX века, в том числе «Аня в Стране чудес» молодого В.В. Набокова [Кэрролл 1923]. Недавно исполнилось 50 лет со дня публикации (1967) классического перевода обеих книг об Алисе, который принадлежит Н.М. Демуровой [Кэрролл 1967]. Позднее, переработанный перевод Н.М. Демуровой с подробными комментариями был опубликован в академической серии «Литературные памятники» [Кэрролл 1978].

Издатель и лингвист Майкл Эверсон (Michael Everson), который в последние годы специализируется на переводах Кэрролла, обращает особое внимание на языки малочисленных народов. В его издательстве «Эвертайп» (Evertypе) (Ирландия) только в 2016–2017 гг. увидели свет шесть переводов «Алисы в Стране чудес» на тюркские языки народов бывшего СССР: казахский (переводчик Фатима Молдашова), кыргызский (Аида Эгембердиева), алтайский (Кулер Тепуков), шорский (Любовь Арбачакова), башкирский (Гузаль Ситдыкова) и хакасский (Мария Чертыкова). Готовятся к изданию переводы и на другие языки. Отметим,

что тюркские языки по строевым, ментальным и культурным признакам сильно отличаются от английского, поэтому тюркским переводчикам помимо сложностей передачи национального английского своеобразия также приходится преодолевать и сложности с передачей понятий и реалий, не существующих в родном языке. В плане приближения национального текста к английскому подлиннику и «одомашнивания» некоторых персонажей и явлений, чтоб они органично вписывались в местный колорит, переводчикам большую помощь оказывает редактор–консультант издательства «Эвертайп», координатор российско-центрально-азиатской переводческой группы В.Я. Фет (Западная Виргиния, США).

В любой литературе на развитие ее формальной и содержательной сторон большое влияние оказывают переводные произведения. Мы надеемся, что недавние переводы «Приключений Алисы в Стране чудес» на тюркские языки послужат значительным вкладом в развитие детской литературы названных языков, особенно языков малочисленных тюркских народов. Ведь знакомство с такими произведениями сближает народы и позволяет взглянуть на иную культуру через призму своего родного языка.

С самого рождения формирование национального сознания и мировоззрения хакаса основывается на национальных традициях и языческих верованиях, а также на любви к природе, которая органично сочетается с образами местной флоры и фауны. Хакасская литература, основанная на фольклорных произведениях — *алыптыг нымахах* (героических сказаниях), *тахпах* (жанре национального стихосложения) и др. отличается такими образно-эстетическими особенностями, как этническое самосознание, любовь к родным местам, уважение к своей культуре, память предков и т. д. И вот, удивительная, открытая, добрая девочка Алиса с западным менталитетом входит в хакасскую национальную картину мира как необычный персонаж.

Хакасский перевод «Приключений Алисы в Стране чудес» [«Алисаның Хайхастар Чирінзер чорығы» 2017] был осуществлен М.Д. Чертыковой (автором данной статьи) на базе перевода на русский язык Александра Александровича Щербакова [1977], при постоянной проверке соответствия английскому оригиналу. Такую проверку осуществлял редактор-консультант В.Я. Фет (соавтор данной статьи), который не только подробно обсуждал с переводчицей трудные места и термины, но также предоставил свой сравнительный анализ (в формате «советов переводчику») различных переводов «Алисы...» на русский язык — более или менее буквальных, с различными подходами к переводческим принципам доместикации (одомашнивание, т. е. замена по сравнению с оригиналом) и форенизации (отчуждение, т. е. использование иностранных имен, слов и терминов). Переводчица, в свою очередь, стремилась достичь двух основных, непростых и, казалось бы, взаимоисключающих, целей: не отклоняться от текста оригинала и при этом, не нарушая лексических и стилистических закономерностей хакасского языка, создать близкие для хакасского читателя образы.

В ходе работы над переводом приходилось сталкиваться с ранее непереводаемыми на хакасский язык словами или несвойственными для хакасской национальной картины мира явлениями, в том числе с отсутствием хакасских аналогов русских слов. Так, для слова «веер» нам пришлось дать описание в виде словосочетания: *сõрõнненчең сабынчах* (букв. ‘то, чем обмахиваются для того, чтоб остудиться’). Другим примером было русское слово *венок*, значение которого содержит такие компоненты как «круглое», «на голову», «украшение», «из цветов». В хакасском языке аналога этого слова нет, поэтому выражение «плести венок» был переведен как *чахайхтарнаң пасха кисчең чазанчых үрреге* (букв. ‘плести из цветов украшение, надеваемое на голову’).

Использование в хакасском переводе таких необычных и непереводаемых на хакасский язык иностранных слов, как *сэр*,

леди, валет, герцогиня, фонтан, мисс, парик, корона, шиллинг, пенс, фут, дюйм, крокет, присяжные и др. относится к отчуждению (форенизации) перевода. Это помогло выполнить две установки: во-первых, в какой-то мере сохранить колорит западной (в том числе и английской) культуры, а во-вторых, внести необычные образы в хакасскую литературу. Ожившие карточные персонажи, традиционно введенные в детскую литературу именно Льюисом Кэрроллом, также станут неожиданными и интересными новшествами в представлении сказочного мира маленьких хакасских читателей.

В то же время, согласно принятой традиции переводов «Алисы...», некоторые персонажи или их имена были одомашнены для того, чтобы сделать их ближе хакасскому читателю. *Дина* и *Додо* были названы *Тина* и *Тото* (хакасские слова обычно не начинаются со звука «д»). Вместо женских имен *Ада*, *Мейбл* и *Мэри-Энн* выбраны хакасские *Тана*, *Майра* и *Мерей*. Работники Кролика *Пэт* и *Билл* получили имена *Пычанка* и *Кичемей* (которое начинается со слога ки-, как и килески ‘ящерица’; ср. Яша — в русских переводах). *Лора* (попугай Лори) — это сестра Алисы, Лорина (Глава III). Канарейка, которая имеется в той же главе, стала сибирской таежной птицей удодом (*кеерген*).

Вместо *Сони* (животное-грызун, не обитающее в Сибири) мы ввели хорошо знакомого хакасским читателям сурка-тарбагана (*Тарбаган*). Эта традиция использовалась и ранее в русских и немецких переводах.

Малознакомый мифологический персонаж *Грифон* был назван описательно *Арсланхус* («Лев-птица»); здесь данный термин был позаимствован из недавнего перевода Кулера Тепукова (2016) на алтайский язык, где Грифон назван *Арсланкуш*. В башкирском переводе Гузаль Ситдиковой (2017) тот же персонаж назван *Арысланкош*. Введение термина «Лев-птица» для персонажа Кэрролла, таким образом, отражает новую тенденцию создания неологизмов в современных языках (способ обозначения грифона «львом-птицей» уже

является общетюркской традицией; по крайней мере — в рамках данного издательского проекта.

Надо заметить, впрочем, европейский геральдический Грифон — не вовсе чужеродный персонаж для других культур: в тюркском фольклоре имеется родственная фигура, небесный царь птиц, вариант иранского Симурга — у башкир это хорошо известный Самрау; у якутов — птица Ексею и т. п. Грифон у Кэрролла, конечно же, более приземленный и юмористический персонаж, не полностью соответствующий тюркской мифологии, хотя и несущий сходные атрибуты.

Другой оригинальный персонаж, Mock Turtle был назван *Инек Азахтыҕ Таспаҕа* [букв. ‘черепаша (каменная лягушка) с коровьими ногами’] в соответствии с описательным именем А.А. Щербакова («Черепаша-Телячьи-Ножки»). Это название полностью соответствует классическим иллюстрациям Джона Тенниела, которые воспроизводятся в издании хакасского перевода. Данный персонаж там изображен в виде морской черепахи с телячьей головой и ножками. Сходный прием использован в нескольких новых переводах на тюркские языки, подготовленных для издательства «Evertype». Например, в первом переводе на кыргызский язык (2016) Аида Эгембердиева назвала Mock Turtle *Музообаш Ташбака*, т. е. ‘черепаша с телячьей головой’. Любопытно, что слово «музообаш» уже существует в кыргызском лексиконе: оно употребляется для обозначения двух разных членистоногих животных с крупной головой: паукообразной фаланги (сольпуги) и подземного сверчка-медведки. В шорском переводе (2017) употреблена соответствующая конструкция *Пызанаиш Ташпаҕа*, в башкирском (2017), *Бызаубаш Ташбака*, что означает ‘черепаша с головой теленка’. Таким образом, оказалось возможным передать игровой характер персонажей Кэрролла даже в переводах на те языки, где не существует зоологического термина «черепаша», для чего мы заимствовали из других тюркских языков слово *таспаҕа* (букв. *тас* ‘камень’, *паҕа* ‘лягушка’, соответственно: ‘каменная лягушка’). Также было заимствовано

тюркское слово *кірпі* 'ёж', поскольку ежи используются в тексте в качестве шаров для игры в крокет (в Сибири ежи не водятся, и этого слова не было в хакасском языке).

Некоторые слова или словосочетания впервые были переведены и использованы на хакасском языке: *Сігернің Пөзік Адыңар* «Ваше высочество; букв. 'ваше высокое имя', «Ваше величество», *Хан Инчі* «Королева; букв. 'король женщина', что является примером отчуждения. Также впервые употреблены по-хакасски неологизмы *Пөрікчі* «Шляпочник» (букв. 'шапочник'), *өдн сағыс* «мораль» (букв. 'основная мысль') и т. д. Однако мы пока не можем предугадать, как воспримут хакасские читатели эти неологизмы, закрепятся ли они в языке, поскольку данный перевод в Хакасии еще не издан, и неизвестно, будет ли издан когда-нибудь.

Наиболее сложным в ходе перевода был процесс воспроизведения на хакасском языке многочисленной игры слов (каламбуров) со скрытыми и, до некоторой степени, философскими смыслами. Каламбур (*фр.* calembour) — оборот речи, употребляемый в публицистическом, художественном, разговорном стиле: игра слов, основанная на комическом обыгрывании звукового сходства (омонимии) слов и словосочетаний, имеющих разное значение; остроумное высказывание, основанное на одновременной реализации в слове прямого и переносного значений. Так, например, в «сухой лекции» Мыши (Глава III) Кэрролл использует глагол to find ('найти, обнаружить') в двух значениях, наиболее конкретном и наиболее абстрактном. Эта серия каламбуров, как оказалось, полностью воспроизводима и по-русски, и по-хакасски. Вот русский перевод А.А. Щербакова:

«...“*Стиганд, архиепископ Кентерберийский, несмотря на свои патриотические убеждения, нашел нечто единственно возможное...*”»

«Что *нашел?*» — перебил Утя.

«**Нашел нечто!**» — довольно резко ответила Мышь.
«Вы, само собой разумеется, понимаете, что значит
“нечто”!»

«Когда я **нахожу** нечто, — сказал Утя, — это обычно
бывает червячок или головастик. А когда нечто **находит**
архиепископ, это совсем другое дело. Разве не так?»

Мышь словно не заметила вопроса и торопливо про-
должала:

— «...**нашел** нечто единственно возможное в создавшейся
обстановке, а именно, предложил, чтобы Эдгар Этелинг
лично встретился с Вильгельмом и уступил ему корону»
[Алиса... : 7].

Здесь нам удалось использовать хакасский аналог **тап-**
‘найти’:

«“*Че Кентерберий архиепискобы Стиганд, поэның чирине
хынза даа, тапхан...*”»

[Но Кентерберийский архиепископ Стиганд, хоть и любил
свою землю, **нашел**...]

«*Ниме тапхан?*» — ара кірізібіскен Өртек.

[«Что **нашел?**» — вмешалась Утка].

«*Ниме-де тапхан!*» — хатыҕ нандырҕан Күске.

[«Что-то **нашел!**» — строго ответила Мышь].

«“*Ниме-де” сӱс ниме таныхтапчатханын Сірер оңарча
поларзар!*»

[Вы наверно понимаете, что обозначает слово «что-то»!]

«*Мин ниме-де таап алзам, ол соосхан алай пасха даа
хурт-хоос поладыр,*» теен Өртек.

[Если я что-то нахожу, то это бывает червяк или другое
насекомое].

*Че хачан архиепископ ниме-де таап алза, ол саңай пасха
ниме полча полар. Андаҕ нимес пе?*

[Но если архиепископ что-то находит, то это совсем другая
вещь, наверно].

Андағ нимес пе?»

[Не так ли?]

Че Кўске, аның суриин испеен чіли, аннаң андар узаратхан:
«... *тапхан пу полчатхан киректе пір ле килістіре оңдай*»
[Алисаньң ... : 27].

[Но Мышь, как будто и не слышала его вопроса, дальше продолжала: «нашел в этом происходящем событии только одну — единственную возможность»].

В хакасском языке выражение *оңдай табарға* ‘найти возможность’ является привычным и частотным.

Каламбуры Льюиса Кэрролла большей частью непереводимы дословно. Поэтому труднейшей задачей переводчика является найти им возможно наиболее близкий эквивалент [Weaver 1964], т. е. удачный вариант доместикации. В таких случаях переводчик выступает полноправным соавтором Льюиса Кэрролла, пересоздавая дух его словесных игр. Нам иногда помогали хакасские пословицы и поговорки, звуковые оболочки которых просты и легки в произношении. Например, один из каламбуров Герцогини в оригинале основан на полной омонимии английских слов *mine* (моё) и *mine* (шахта, копь) и сходном слове *mineral* (минерал); на их путанице строится сложная цепочка шуточных «морализаторских» пословиц. Различные русские переводчики опирались на русское слово «минерал», омонимы «мина» (взрывчатка), «мина» (выражение лица) и т. д. В переводе А.А. Щербакова дается псевдофольклорная поговорка «Копь не копьё, мое не твое!». В хакасском варианте в слова Герцогини также введены фольклорные элементы: *Аны мыннаң ырах ниместе аныпчалар. Ыбн сағыс мындағ: Хуба тас — тас пас нимес, кўнге сағылып, чалтырабас; атхан ух нанмас, парған кізі айланмас!* — «Его добывают недалеко отсюда. Мораль отсюда такова: Минерал — не лысая голова, не будет сверкать, отражаясь на солнце; пущенная пуля не вернётся, ушедший человек не возвратится». Здесь употреблена фонетическая игра

слов, основанная на сопоставлении звуков, оканчивающихся на *-ас*; *-ес*; *-бас*; *-мас*: *тас* — *нас* — *нимес* — *чалтырабас*; *нанмас* — *айланмас* («камень, голова, частица не, не засверкает; не вернётся [домой] — не возвратится»). Кроме того, использована хакасская поговорка: *Атхан ух нанмас, парған кизи айланмас* — «Что сделано, то сделано; невозможно что-то вернуть назад и исправить» [выпущенная пуля не вернется, ушедший человек не возвратится]. Также хакасская пословица введена в речь *Арсланхуса*: *Мин сағынғанда, мында пүдүре дее чох прай ниме оңарылыстығ. Пилбеске — муң чоох, пілерге — пір чоох. Сірер чи хайди көрчезер?»* — «Помоему, здесь и без пескаря все понятно. Глупому — тысячи слов скажи, (он ничего не поймет), умному — одно слово (и он все поймет). А вы как считаете?»

Другой пример — каламбур, относящийся к теме чая и хлеба в допросе Шляпочника Королем. У Кэрролла обыгрывается омонимия буквы Т («ти») и слова «теа» («чай»). Русский эквивалент был удачно найден А.А. Щербаковым через омонимию слов «чай» и «чаять»: «Я не чаял не только хлеба...». По-хакасски был выбран следующий эквивалент: *Мин хара халасты пір харыс таа харныма сухнаам. Харным тоозып, хараам хызарбаан...* Буквальный перевод: «Я чёрного хлеба ни кусочка не принимал в живот. Насытившись, [мой] глаза не краснели». Поговорка *харны тоозып, хараа хызарча* «насытившись, [его] глаза краснеют» соответствует русской поговорке «с жиру бесится». Кроме того, здесь была предпринята попытка фонетического каламбурного использования слов на букву «х»: *хара халасты, харыс, харныма, харным, хараам хызарбаан*.

Для важной игры слов, относящейся к названиям школьных предметов, мы выбрали *Пазахтас* и *Хығдырас* (*пазахтас* ‘сбор колосьев’, *хығдырас* ‘грохотание’) вместо *Пазыс* ‘письмо’ и *Хығырыс* ‘чтение’ от глаголов *нас-* / *пазарға* ‘писать’, *хығыр-* / *хығырарға* ‘читать’. Каламбуры на четыре действия арифметики были представлены игрой

слов — отглагольными субстантивами: *хастирі* ‘очищение’, *хостирі* — субстантив от глагола ‘догонять’, *ўлгўлири* ‘властвование’, *алғирі* ‘благословение’, вместо *хатирі* ‘умножение’, *хозары* ‘сложение’, *ўлири* ‘деление’, *алары* ‘вычитание’ (от глаголов *хата-* / *хатирға* ‘умножать’, *хос-* / *хозарға* ‘прибавлять’, *ўле-* / *ўлирге* ‘делить’, *ал-* / *аларға* ‘отнимать’). Для других игровых названий школьных предметов нам удалось также придумать новые слова: при прибавлении к слову *талай* ‘море’ словообразовательного аффикса *-ыс-* получилось *Талайыс* (‘мореведение’). К хакасскому слову *тиңіс* ‘океан’ мы добавили русский аффикс греческого происхождения *-ология*, в результате чего получилось слово *Тиңісология*. Другие «морские» школьные предметы получили названия *Сарнахтас* ‘прохлаждение’, *Салғахтас* ‘волнование’ (к слову *салғах* ‘волна’ добавлены аффиксы *-та-* и *-с-*) и *Салбахтас* ‘болтание’ (существительное от глагола *салбахта-* / *салбахтирға* ‘болтаться’). Для каламбуров, обозначающих изучение языков, мы выбрали такие языки как *тадал* ‘скандал’ вместо *тадар* ‘хакас; хакасский’, *хазал* ‘втыкаться’ вместо *хазах* ‘русский (как лицо и как признак)». *Аны Тадал паза Хазал тіллеріне ўғретче тіп чоохтасчаңар* (из воспоминаний *Инек Азахтыг Таспаға* и *Арсланхуса* об учителе — старом Крабе). Эти слова можно понимать как: «Говорили, что он обучал хакасскому и русскому языкам». Следует отметить, что слова *тадар* ‘хакас; хакасский’ и *хазах* ‘русский (как лицо и как признак)’ наиболее употребительны и происходят из просторечного стиля хакасского языка. Название предмета *Салчыхтал* ‘ругань, брань’ имеет юмористический оттенок: *Аны Салчыхталды даа пілче тіп чоохтар полғанох* — «Поговаривали, что он знает даже и язык Салчыхтал.»

В каламбурном юморе-нонсенсе Кэрролла большую роль играют фонетические созвучия. В создании хакасских эквивалентов мы также применяли игру слов, рассчитанную на слуховое восприятие, с отсылкой к узнаваемым местным

образам и ситуациям. Например: *Хооралар хоорған хоохтарны чирге полып, хоол чар хоостыра хоосхаларны хооп чөрчелер. Тиктең тибинчелер нога: «Сіреп хоораларзар, аннаңар сонда ла хооп чөрчезер»* — «Хариусы для того, чтоб поесть поджаренной шелухи [от зерна], плавают вдоль дуплистых берегов закошками. Не зря же говорят: “Вы — хариусы, поэтому вы всегда плетётесь только сзади”». Здесь сочетаются слова с удвоенной гласной о: *хооралар* ‘хариусы’, *хоорған* ‘калёный, жареный’, *хоох* ‘шелуха (от зерна)’, *хоол* ‘дупло; дуплистый’, *чар хоостыра* ‘вдоль берега’, *хоосхалар* ‘кошки’, *хооп чөр-* ‘всегда ходи следом’, и введена фонетическая игра слов на двойное сочетание «оо», которое в тюркских языках произносится как слитная долгаягласная.

Или же возьмем отрывок из речи *Инек Азахтыг Таспаға* о пескарях, которые преследуют других рыб: *Сынап андағлар минзер чағын чўс килзелер, мин сўнзўлепчем: «Хайдағ ўлўкўнге сўс паризың, ўлғўліг сўреес сўргінчи»* — «Когда такие подплывают ко мне близко, я говорю (жалобно, униженно): “На какой праздник плывешь, власть имеющий и любящий преследовать гонец”». Здесь дана фонетическая игра слов на выделение звука ў: *чўс килзелер* ‘когда подплывают’, *сўнзўлепчем* ‘говорю жалобно, униженно; умоляю’, *ўлўкўнге* ‘на праздник’, *сўс паризың* ‘ирон. идешь’, *ўлғўліг* ‘имеющий власть’, *сўреес* ‘преследующий’, *сўргінчи* ‘гонец’. В слове *сўргінчи* выделяются три слога: *сўр-гін-чи*. По правилам орфографии в последних двух слогах, хотя и пишется гласная *i*, но произносится как *сўргўнчў*.

При переводе пародийных стихов мы старались подбирать соответствующие рифмы, для того чтоб они читались легко и красиво; тем самым мы старались также показать красоту и богатство нашего языка, которое в состоянии передать необычные для хакасского менталитета образы. Вот, например, отрывок из разговора сына с отцом в пародийном стихотворении «Папа Вильям» (Глава V). Этот признанный шедевр английского поэтического нонсенса является пародией-сатирой

Кэрролла на давно забытое нравоучительное стихотворение поэта-романтика Роберта Саути «Радости старика и как он их приобрел» (1816) [цит. по: Демурова 1978].

В английском оригинале:

*“You are old,” said the youth, “and your jaws are too weak
For anything tougher than suet;
Yet you finished the goose, with the bones and the beak—
Pray, how did you manage to do it?”*

*“In my youth,” said his father, “I took to the law,
And argued each case with my wife;
And the muscular strength, which it gave to my jaw,
Has lasted the rest of my life.”*

*“You are old,” said the youth, “one would hardly suppose
That your eye was as steady as ever;
Yet you balanced an eel on the end of your nose—
What made you so awfully clever?”*

В русском переводе А.А. Щербакова:

*«В ваши годы вздыхают: мол, сила-то — вся!
И особенно у челюстей.
Как же вы в одиночку убрали гуся,
Целиком, не оставив костей?»*

*«В твои годы, сутяга, я был хоть куда!
У жены научиться сумел.
И не будет такого со мной никогда.
Чтобы я ухватил да не съел!»*

*«В ваши годы, отец, вообще говоря,
Тяжелы кой-какие профессии.*

*Как же вы, водрузив себе на нос угря,
Удержали его в равновесии?»...*

Вот тот же текст в более известном переводе С. Я. Маршака, использованном в переводе Н. М. Демуровой [Кэрролл 1967; 1978]:

*«Ты немолод», — сказал любознательный сын,
«Сотню лет ты без малого прожил.
Между тем двух гусей за обедом один
Ты от клюва до лап уничтожил».*

*«В ранней юности мышцы своих челюстей
Я развил изучением права,
И так часто я спорил с женою своей,
Что жевать научился на славу!»*

*«Мой отец, ты простишь ли меня, несмотря
На неловкость такого вопроса:
Как сумел удержать ты живого угря
В равновесье на кончике носа?»*

Наш перевод на хакасский язык:

*«Сірернің чазыңарда сағыссырапчалар
[В Ваши годы беспокоятся]
Тістерні хайраллап халардаңар.
[О том, как сберечь зубы].
Че хайди хасты чалгызан на Сірер,
[Но как Вы гуся только в одиночку]
Сөбктерінең хада чібістер?»
[Вместе с костями съели?]*
*«Синің чазыңда, нахланчых, күр полғам!
[В твои годы, ворчун, [я] был силен!
Тимір-тисті дее тайнабысчам!
[Могу и металлолом прогрызть!]*

Ипчимнең дее чииске үҗренип алғам,
[[Я] и у жены научился, как есть],
Ниме дее ползын, салдабысчам!»
[Пусть хоть что будет, могу обглодать!]

«Итсе-дек, пабаң, Сірерниң чазыңарда,
[Вообще-то, [мой] отец, в Ваши годы]
Тоғыстар поладыр итчее чох, аар.
[Работы бывают невыполнимыми, тяжелыми]
Хайди сомышханны пурнуңарда,
[Как же Вы червяка на носу],
Түзірбин, тудып алғазар?»....
[Смогли удержать, не уронив?]. . .

Переводы иноязычных произведений способствуют расширению функциональных возможностей родного языка. В хакасской поэзии появление такого образа, как пожилой отец, съедающий целого гуся с костями и водрузивший на нос червяка (в оригинале — угря), несомненно, является новшеством и примером червяка шуточного повествования. В то же время такой «мягкий» нонсенс не создает конфликта с традиционной образностью.

В Главе X Черепаха-Телячьи-Ножки (*Инек Азахтыг Таспаға*) захлебываясь от рыданий, поет песню о супе — согласно тексту, о супе, который варят из него самого («фальшивый черепаховый суп», который на самом деле варили из телячьей головки). Мы же решили в духе доместикации написать пародийный стих о хакасском национальном супе *чарба үҗүре*, любимом всеми хакасами. Здесь перед хакасским читателем представляется знакомая картина в шуточной форме: в большом казане варится *чарба үҗүре*, на столе стоят тарелки, наполненные большими кусками мяса, на праздник собираются гости и в нетерпении начать есть *чарба үҗүре*, оглядываясь на казан, позвякивают своими ложками и чашками... «Такие игровые вставки — в духе самого Кэрролла,

который при работе с первыми переводчиками «Алисы...» (на немецкий и французский языки) настаивал на том, что игра слов и пародии должны отвечать как духу языка перевода, так и ситуациям, которые знакомы читателю перевода» [Арбачакова, Фет 2017: 59].

Чоон хазанға толдыра чарба үгүре!
 [Большой котел полный чарба үгүре]
Пістің хацаннаң хынцаң чиизібіс!
 [Наша с испокон веков любимая еда!]
Сөөктіг иттер табахха үүлдіре,
 [Тарелка полна костистого мяса],
Аны салдап, тооза чіп көрибіс.
 [Попробуем съесть его всего, грызя].
Хандыра үгүре — пістің үгүребіс!
 [Отличный суп — наш суп!]
Адам даа хандыра чиис!
 [Вот эта отличная еда!]
Адам даа хандыра чиис!
 [Вот эта отличная еда!]

Чағын киліп, амзап таа көріңер!
 [Поближе подойдя, попробуйте!]
Чоон, килкім иттіг чарба үгүре!
 [Чарба үгүре с большими кусками мяса!]
Алтын пайрамға чыылысча аалчылар
 [На золотой праздник собираются гости]
Прайзына чидер чарбалығ үгүре.
 [Всем достанется чарбалығ үгүре].
Чалахай суулаза, стол кистінде олар
 [Весело шумя, за столом они]
Чиирге чидікпин, хазанзар көре,
 [Кушать невтерпеж [им], оглядываясь на котел],
Айах-самнахтарынаң хоғдырасчалар.
 [[Своими] чашками-ложками звенят].

Адам даа хандыра чиис!
[Вот эта отличная еда!]
Адам даа хандыра чиис!
[Вот эта отличная еда!]
Иң не артых тамах өбекелерібістің!
[Самая лучшая пища наших предков!]
Хандыра үгүре-БИС ПІСТІҢ!
[Отличный суп НАШ!]

Следует отметить, что в данном стихе для создания ритмичности звучания мы использовали сложное слово просторечного происхождения *чарба үгүре* ‘суп с крупой’. Согласно закону лингвистической экономии в разговорном исполнении в слове *чарбалығ* аффикс обладания **-лығ** выпадает, а литературное слово *үгүре* может выговариваться и как *јүгүре*.

Таким образом, при переводе сказки, с одной стороны, был осуществлен принцип дословного перевода «слово в слово» с максимальной передачей поэтико-стилистических приемов оригинала. Однако при этом переводчик должен выступать в роли «соавтора» Л. Кэрролла, поскольку должен «творчески» пересоздать «дух» текста на своем родном языке. С другой же стороны, с целью приближения к культуре и языку данного народа, текст сказки был частично одомашнен, т. е. переключен в среду, более знакомую читателю. Особенно интересны находки в переводе «непереводимой игры слов», примеры которых приведены выше. Ведь это — игра самого Кэрролла с нами и нашими детьми, особый вид игровой литературы и культурного наследия. Автор живет в своих строках и через 150 лет, предлагая взрослым и детям подобрать рифму или каламбур на родном языке. Многие каламбуры Кэрролла не только твердо вошли в английский язык, но уже живут в нем без ссылки на автора, как фольклор или пословицы. Часто это именно то, что называется «непереводимая игра слов», омонимия или омофония. Кроме того, это именно детская

игра слов, подобно классическим примерам детской речи и «детской этимологии» К.И. Чуковского («От двух до пяти») [Чуковский 1968]. Идеи К.И. Чуковского, хорошо знавшего «Алису...», во многом идут от подхода Л. Кэрролла.

Заметим, что «Алиса...» — авторская сказка вовсе не фольклорного типа, как сказки братьев Grimm [Гримм, Гримм 2004] или Андерсена. «Алиса...» гораздо ближе к сказкам-видениям немецких романтиков, в том числе Э.Т.А. Гофмана [Гофман 2015]. Следуя принципу сновидения, здесь смешаны и нарушены правила логики, фантазия свободна, неограниченна, тогда как в фольклоре всегда, наоборот, логика всегда четкая (три желания, волшебный помощник или предмет, награда в конце). В «Алисе...», в общем-то, и нет хэппи-энда. Мы даже не знаем, чем кончился Суд: Алиса просыпается, как всегда просыпаемся мы, в самый страшный момент: когда она в полный рост «становится человеком», противостоит неправому суду Королевы.

Дети всего мира хорошо понимают друг друга, несмотря на национальную, языковую, расовую, религиозную принадлежность. И мы надеемся, что, в случае переиздания данного перевода в Хакасии, девочка Алиса, как маленькая представительница западной культуры со своими взглядами на мир и пониманием жизни, станет близким другом и для хакасских детей. Подобные переводы способствуют расширению и развитию функциональных возможностей родного языка, взаимопониманию и сближению народов. Однако, известно, что хакасские дети, как и все современные российские школьники, не отводят много времени чтению художественной литературы. Тем не менее, такого рода книги должны появляться. На их существование, возможность взять их в руки детям и подросткам могут и должны указать родители и учителя. Знание того, что современные дети мало читают, не освобождает родителей, учителей, представителей общественности от проведения учебной и воспитательной работы, направленной на развитие эстети-

ческих взглядов и художественного вкуса (в том числе — с использованием такого рода печатных изданий). Думается, что в школе эта книга, безусловно, должна быть на столах учеников во время факультативных или кружковых занятий по родному языку и литературе.

Пользуясь случаем, мы выражаем огромную благодарность и признательность известному лингвисту и издателю Майклу Эверсону и руководителю проекта «Алиса 150» Джону Линдсету за предоставленную возможность участвовать в проекте переводов сказки «Приключения Алисы в Стране чудес» на разные языки мира, за их интерес к редким языкам и за их деятельность, которая способствуют развитию и сохранению этих языков.

Литература

Арбачакова Л.Н., Фет В.Я. О переводе сказки «Приключения Алисы в стране чудес» на шорский язык // Научное обозрение Саяно-Алтая. 2017, 2 (18), 58–63.

Гофман Э.Т.А. Сказки Гофмана. Москва, 2015.

Гримм Я., Гримм В. Полное собрание сказок: В 2 томах. Перевод с нем. и предисловие Э. Ивановой. Т. 1. Москва, 2002.

Гримм Я., Гримм В. Полное собрание сказок: В 2 томах. Перевод с нем. и предисловие Э. Ивановой. Т. 2. Москва, 2002.

Курий С. «Алиса в Стране Чудес»: какой перевод сказки наилучший? [<https://shkolazhizni.ru/culture/articles/37514>; дата обращения: 13.12.2017]

(Кэрролл Л.) Соня в царстве дива. Ил. Дж. Тенниела. Москва, 1879. (Имена автора и переводчика не указаны).

(Кэрролл Л.). Карроль Л. Аня в Стране чудес. Перевод В. Сирина [В.В. Набокова]. Ил. С. Залшупина. Берлин, 1923.

Кэрролл Л. Приключения Алисы в Стране чудес. Сквозь зеркало и что там увидела Алиса. Пер. Н. Демуровой. Стихи в пер. С. Маршака, Д. Орловской. Ил. П. Чуклева. София, 1967.

Кэрролл Л. Приключения Алисы в Стране Чудес. Перевод с англ. *А.А. Щербакова*. Редактор перевода *М. Лорие*. Ил. *М. Ми-турича*. Оформ. *Е. Ганнушкина*. Москва, 1977. [http://mir-skazki.org/povesti_i_rasskazy_dlja_detej/alisa_v_strane_chudes.html]

Кэрролл Л. Приключения Алисы в Стране чудес. Сквозь зеркало и что там увидела Алиса, или Алиса в Зазеркалье. Пер. *Н.М. Демуровой*. Стихи в пер. *С. Маршака, Д. Орловской, О. Седаковой*. Ил. *Дж. Тенниела*. Москва, 1978.

Фет В. Вокруг «Сони»: о первом русском переводе «Приключений Алисы в стране чудес». Мосты (Франкфурт). 2017, 53, 282–307.

Чуковский К. От двух до пяти. Живой как жизнь. Москва, 1968.

Кэрролл Л. Алисаның Хайхастар Чиринзер чорыгы / Alice's Adventures in Wonderland in Khakas / Хоосчы Джон Тенниел. Хакас тіліне Мария Чертыкова тілбестеен. Portlaoise, Ireland: Evertyre. 2017. («Приключения Алисы в Стране чудес» на хакасском языке).

Carroll L. Alice's Adventures in Wonderland. London, 1865.

Carroll L. Through the Looking-Glass and What Alice Found There. London, 1871.

Demurova N.M. Alice speaks Russian: the Russian translations of *Alice's Adventures in Wonderland* and *Through the Looking-Glass* // Harvard Library Bulletin, 1994–1995, 5 (4), 11–29 (Aug. 1995).

Lindseth J. & A. Tannenbaum (eds.) Alice in a World of Wonderlands: Translations of Lewis Carroll's Masterpiece. 3 vols. New Castle, 2015.

Weaver W. Alice in Many Tongues. Madison, 1964.

Arbachakova L.N., Fet V.Ya. О переводе сказки «Приключения Алисы в стране чудес» на шорский язык // Научное обозрение Sayano-Алтая. 2017, 2 (18), 58–63. (In Russ.)

Carroll L. Alice's Adventures in Wonderland. London, 1865.

Carroll L. Alisanyng khaikhastar chirinzer choryghy / Alice's Adventures in Wonderland in Khakas / Xooschy Dzhon Tenniel. Khakas tiline *Maria Chertykova* tilbesteen. Portlaoise, Ireland: Evertype. 2017. («Prikl'yucheniya Alisy v Strane chudes» na khakasskom yazyke). (In Khakas)

(*Carroll L.*) Karrol' L. Anya v Strane chudes. Transl. *V. Sirin* [*V.V. Nabokov*]. Ils. *S. Zalshupin*. Berlin, 1923. (In Russ.)

Carroll L. Prikl'yucheniya Alisy v Strane chudes. Skvoz' zerkalo i chto tam uvidela Alisa. Transl. *N. Demurova*. Poems transl. *S. Marshaka, D. Orlovskaya*. Ils. *P. Chuklev*. Sofiya, 1967. (In Russ.)

Carroll L. Prikl'yucheniya Alisy v Strane chudes. Skvoz' zerkalo i chto tam uvidela Alisa, ili Alisa v Zazerkal'e. Transl. *N.M. Demurova*. Poems transl. *S. Marshak, D. Orlovskaya, O. Sedakova*. Il. *Dzh. Tenniel*. Moskva, 1978. (In Russ.)

Carroll L. Prikl'yucheniya Alisy v Strane Chudes. Transl. *A.A. Shcherbakov*. Ed. *M. Lorie*. Ils. *M. Miturich*. Design *E. Gannushkin*. Moskva, 1977. [http://mir-skazki.org/povesti_i_rasskazy_dlja_detej/alisa_v_strane_chudes.html] (In Russ.)

(*Carroll L.*) Sonya v tsarstve diva. Ils. *Dzh. Tenniel*. Moskva, 1879. (Imena avtora i perevodchika ne ukazany). (In Russ.)

Carroll L. Through the Looking-Glass and What Alice Found There. London, 1871.

Chukovskii K. Ot dvukh do pyati. Zhivoi kak zhizn'. Moskva, 1968. (In Russ.)

Demurova N.M. Alice speaks Russian: The Russian translations of *Alice's Adventures in Wonderland* and *Through the Looking-Glass* // Harvard Library Bulletin, 1994–1995 5 (4), 11–29 (Aug. 1995).

Fet V. Vokrug «Soni»: o pervom rusском perevode «Prikl'yucheniya Alisy v strane chudes». Mosty (Frankfurt). 2017, 53, 282–307. (In Russ.)

Gofman E.T.A. Skazki Gofmana. Moskva, 2015. (In Russ.)

Grimm Ya., Grimm V. Polnoe sobranie skazok: 2 vls. Transl., introduction *E. Ivanova*. V. 1. Moskva, 2002. (In Russ.)

Grimm Ya., Grimm V. Polnoe sobranie skazok: 2 vls. Transl., introduction *E. Ivanova*. V. 2. Moskva, 2002. (In Russ.)

Kurii S. «Alisa v Strane Chudes»: kakoi perevod skazki naitchshii? [<https://shkolazhizni.ru/culture/articles/37514>; accessed: 13.12.2017] (In Russ.)

Lindseth J. & A. Tannenbaum (eds.) Alice in a World of Wonderlands: Translations of Lewis Carroll's Masterpiece. 3 vols. New Castle, 2015.

Weaver W. Alice in Many Tongues. Madison, 1964.

Чертыкова Мария Дмитриевна
Хакасский государственный университет
им. Н.Ф. Катанова
Абакан, Россия
Chertykova Maria Dmitrievna
Khakas State University
Abakan, Russia
chertikova@yandex.ru

Фет Виктор Яковлевич
Университет Маршалла
Хантингтон,
Западная Виргиния, США
Fet, Victor
Marshall University
Huntington, West Virginia, USA
fet@marshall.edu

Кавказизмы в осетинском языке (разбор семантических полей «тело», «люди»)¹ *Caucasian loanwords in Ossetic: The semantic domains of «body parts», «people»*

Мудрак О.А.

Mudrak O.A.

В данной статье рассматриваются семантические поля «тело», «люди» в осетинском языке с точки зрения их структуры и этимологии. Основная часть заимствований находит свой источник в конкретных подгруппах северокавказских языков. По этим данным можно определить пути миграции в ареале «Большого Кавказа». Базируясь на установленных фонетических соответствиях адаптации кавказизмов в осетинском языке, удастся проследить пути распространения не только терминологической лексики, но и сопряженных культурных реалий.

Ключевые слова: сравнительно-историческое языкознание, этимология, фонетические соответствия, осетинский язык, кавказские языки, заимствования, семантические поля, части тела, люди, человек

¹ Работа выполнена при поддержке гранта РГНФ 16-04-00505а «Внутренние этимологические словари аварского и андийских языков. Андийские основы. Аварские основы» и является продолжением цикла статей Мудрак О.А. Кавказизмы в осетинском языке (фонетическая адаптация, разбор семантического поля) // Родной язык. 2014, 1(2). Мудрак О.А. Кавказизмы в осетинском языке (разбор семантических полей «скот», «коневодство») // Родной язык. 2016, 2(5). Мудрак О.А. Кавказизмы в осетинском языке (разбор семантических полей «оружие», «горы и горнорудный промысел», «ткани, одежда») // Родной язык. 2017, 1(6).

This article offers an etymological and structural analysis of loanwords in the Ossetic language belonging to following semantic domains: Body parts, People. The majority of these loans came from specific linguistic subgroups of the North Caucasian languages. These borrowings can help us better understand migration patterns through the Greater Caucasus area. Based on the regular phonetic correspondences in Ossetic adaptations we can propose the ways that both lexical items and related cultural elements historically spread out through the area.

Key words: historical linguistics, etymology, phonetic correspondences, Ossetic language, Caucasian languages, borrowings, semantic domains, body parts, people, relationship

Данная статья продолжает анализ источников осетинских кавказизмов. В ней рассматриваются два больших семантических поля, причем последнее довольно сильно связано именно с культурной составляющей (как в этнографическом, так и в историческом смысле). Сначала идет разбор лексики, входящей в поле «тело», где этимологизируются лексемы, связанные с устройством человеческого тела. При анализе учитываются в первую очередь имена существительные. Глагольная лексика дается обычно для случаев, где представлен именной дериват. После разбора этого большого поля рассматривается терминология, связанная с социальными отношениями, в ней упор сделан на семейную составляющую и нейтральную общественную лексику, частично связанную с половозрастными характеристиками.

Для решения этих задач была сделана сплошная выборка осетинской лексики по литературному (иронскому) материалу, из указанных в списке литературы источников. Была произведена этимологизация неясной лексики, опираясь на данные других языков Кавказа. Для наглядности анализа эти большие поля разбиты на более мелкие группы.

Как отмечалось в предыдущих статьях, кавказизмы присутствуют практически во всех сферах лексики осет. языка. Если суммировать все семантические поля, то обнаруживается,

что наибольшее количество слов усвоено из ПДарг. и ПНах. источников. И поэтому порядок подачи материалов повторяет композиционное решение, использованное ранее, в результате чего сначала идут параллели с ПДарг., ПНах. и другими языковыми группами северокавказских языков. Потом даются картвельские, тюркские и русские заимствования.

Реконструкции по подгруппам внутри северокавказских языков сделаны с учетом фонетических соответствий между языками, включая морфонологические чередования и данные косвенных основ. Номера реконструкций частично соответствуют северокавказским базам на ресурсе *starling*, однако этимологическая база авторской картотеки значительно расширена не только по количеству этимологий (в отдельных случаях в 2–3 раза), но также по объему привлеченных языков и материалов внутри каждой языковой подгруппы, а также реинтерпретации неправомерных сходжений.

При подаче осет. слов сначала дается ирон. форма, через косую черту «/» следует дигор. форма. У реконструкций — перед сокращенным названием дан номер этимологии по соответствующей базе, после этого названия — номер этимологии в базе на уровень выше, т. е. номер северокавказской этимологии для кавказских языков. В некоторых случаях номер этимологии по базе может даваться в круглых скобках. Это применяется для тех случаев, когда пример этимологии идет в качестве иллюстрации. Часть этимологий В.И. Абаева была существенно изменена или пересмотрена. Общая таблица адаптации кавказской фонетики была дана в двух первых статьях, посвященных тематике разбора осет. кавказизмов.

Семантическое поле «тело»

Поле названо «тело» довольно условно. Сюда включена лексика, связанная с устройством в первую очередь человеческого тела, что не исключает применения этих слов при описывании анатомии других живых существ в результате их антропоморфного восприятия. В это поле добавлены и

анатомические термины животных. Внутри этого поля присутствуют следующие подразделения:

cover — «покровы тела», hand — «рука», head — «голова» (где может быть добавочная помета inside — «внутренняя часть» или secretion — «выделения»), inside — «внутренняя часть» (по умолчанию — всего тела), leg — «нога», secretion — «выделения», torso — «туловище» (как правило, это основная часть тела без конечностей с возможной пометой inside — «внутренняя часть»). В таком же порядке ниже дается рассматриваемый материал.

Своя терминология, восходящая к иран. источнику очень обширна (более 130 корней). Сюда входят следующие слова:

Покровы тела (cover)

ärdu ‘волос’, carm ‘кожа, шкура’, nos ‘рубец, рана, шрам’, qis ‘волос, щетина’ (при наличии ПДарг. параллели), q^win ‘волос’, sñx ‘рожа (болезнь)’, stig ‘хохол’ (с инд. параллелью), wäzäg ‘мозоль’, xid ‘пот’ (с добавочной пометой «выделения», secretion) и обе части композитов cärgäm-ixst ‘ссадина’, qäd-gom ‘рана’.

Рука (hand)

arm ‘рука, кисть руки’, äng^wilz ‘палец’, ärin ‘мера: локоть, пядь’ (älm-ärin, cäng-äriñä), bazñ ‘крыло’ (с ПДарг. параллелью), cong ‘рука’ (с возможной ПДарг. параллелью), mustuči ‘кулак’, niç ‘ноготь, коготь’, gämbin ‘локоть’, wäxsk ‘плечо; плечи’, wilñg ‘пядь’. Первая часть композитов armi-tärän ‘ладонь’ (со второй ПНах. частью), armi-ziq: ‘горсть, пригоршня’ (со второй ПДарг. частью), обе части в älm-ärin ‘локоть (мера)’, conži-qul ‘запястье’ (с возможными ПДарг. и ПНах. параллелями).

Голова (head)

alb ‘кончик (носа)’, ämbud-tä ‘морда’, cäst ‘глаз’, käron ‘кончик (носа)’, niç ‘лоб’, quc ‘ухо’, sär ‘голова’, обе части в äxsär-fars ‘щека’, cäs-gom ‘лицо’, диг. täñ-niç ‘лоб’, первая часть в cästi-gag^wi ‘зрачок, зеница’. С добавочной пометой «покровы тела»

(cover) — ärfäg ‘бровь’, giçi ‘усы’, si, siқа ‘рог’, обе части в säri-fast ‘прическа’, первая часть в cästi-ḡaw со второй картв. частью. С добавочной пометой «внутренняя часть» (inside) — ävzag ‘язык, язычок’, dändag ‘зуб’, kom ‘рот’, komaring ‘нёбо’, maßz ‘мозг’ (с Плезг. параллелью), qäläs ‘горло, глотка’, обе части в razzag dändag ‘зуб-резец’, räbinag dändag ‘коренной зуб’, dändaži fid ‘десна’. С добавочной пометой «выделения» (secretion) — первая часть в ḡäf-fñz-tä ‘сопля’ (со второй ПЗК частью), обе части в cässig, cästi-sig ‘слеза’, kom-don ‘слюна’.

Внутренняя часть (inside)

ämbajlag ‘послед’, fid ‘мясо, плоть’, nard ‘жир, упитанность’, nuar ‘жила, сухожилие’, qiw-tä ‘жила, сухожилие’, räsid ‘опухоль’, staw ‘сустав’, stäg ‘кость’, обе части в fidizbäl ‘мясо’, tug-dazın ‘кровеносный сосуд, вена’, wäl-vidän ‘подкожный жир’, первая часть в tänäg-ḡar ‘пленка’ (со второй ПНах. частью), вторая часть в raḡistäži qul ‘позвонок’ (с ПНах. частями).

Нога (leg)

aḡd ‘кость бедра, ляжка’, fad ‘нога, ступня’, säftäg ‘копыто’, sin ‘бедро’, wärag ‘колени’ с ПНах. параллелью, zäng ‘голень’ с ПДарг. параллелью, zonig ‘колени’, zämbi ‘лапа’, первая часть в fad-qul ‘лодыжка’ (со второй ПНах. частью), zänži ḡäḡäf-tä ‘икра ноги’ (со второй Плезг. частью), обе части в aḡd-räbin ‘пах’ с добавочной пометой «туловище» (torso).

Выделения (secretion)

aḡst ‘сгусток’, marg ‘яд’ с ПДарг. параллелью, mast ‘желчь’, tug ‘кровь’, ḡäf ‘гной’, первые части в täl-läḡ ‘понос’ со второй ПАнд. частью, doni-ḡ^wir: ‘моча’ со второй ПНах. или ПДарг. частью, mižın-ḡar ‘моча’ со второй ПЦез. частью.

Туловище (torso)

astäw ‘поясница’, buar ‘тело, плоть’, fars ‘бок’, faḡs ‘бок’, faz ‘ягодица’, fädäg ‘сосок’, fäḡsin ‘курдюк’, fäzdon ‘вымя’, mard ‘групп’, giw ‘грудь’, ron ‘пазуха’, siž ‘зад, седалище’, tar

‘пазуха’, *tän* ‘бок’, обе части в *fäs-on-tä* ‘спина’, *fästäg-ärdäg* ‘зад, седалище’, *kusartı mard* ‘туша’, *sini-käxç* ‘таз’, *sini-sär-tä* ‘поясница’, *sini-stäg* ‘таз’, *sizı-fars* ‘ягодица’, *çäd-mäl* ‘падаль’, вторая часть в *bäx-bät:än* ‘ключица’ (с первой ПНах. частью), *çıldımı-stäg* ‘крестец’ (с первой ПАвар. частью), *qızılı stäg* ‘крестец’ (с первой ПНах. частью), *qıdıjı stäg* ‘крестец’ (с первой ПНах. частью). С добавочной пометой «покровы тела» (cover) — *bars* ‘грива’, дигор. *naf:ä* ‘пуп’, *wi-gard* ‘надрез’. С добавочной пометой «рука» (hand) — *äk:oj* ‘плечи’, обе части в *däl-arm* ‘подмышка’, дигор. *dälagisi* ‘подмышка’. С добавочной пометой «голова» (head) — дигор. *ävğärdän* ‘шея’, *bärzäj* ‘шея (задняя часть)’. С добавочной пометой «внутренняя часть» (inside) — *açsän* ‘желудок, сычуг’, *färsk* ‘ребро’ с ПКарт. параллелью, *fıw* ‘нутряной жир, сало’, *igär* ‘печень’, *mizg* ‘мочеточник’, *murzäg* ‘грудинка’, *nard* ‘жир, упитанность’ с ПНах. параллелью, *gäväg* ‘легкое’, *rud* ‘толстая кишка’ с ПДарг. и северокавказскими параллелями, *wän*, *wäni-stäg* ‘лопатки’, *wıng* ‘почка’, *zärdä* ‘сердце’, обе части в *astäw-gaw* ‘диафрагма’, *astäw-maßz* ‘костный мозг’, *farsi-lävzag* ‘селезенка’ с возможной ПНах. параллелью для второй части, *gabı-stäg* ‘позвоночник’ с ПНах. параллелью для первой части, *stäg-dar* ‘скелет’, *stäzi-maßz* ‘костный мозг’, *tari-stäg* ‘ключица’, *wäni-stäg* ‘лопатки’, *zänäg-don* ‘матка’, *zänäg-zon* ‘влагалище’, *zın-açsän* ‘книжка желудка’, первая часть в *listäg artäntä* ‘тонкая кишка’ со второй неясной частью, *listäg řäng-tä* ‘тонкие кишки’ со второй неясной частью, *misın-zäg* ‘мочевой пузырь’ со второй неясной частью, *gast řang* ‘толстая кишка’ со второй неясной частью, *giwi-gwıdın* ‘грудная клетка’ со второй ПНах. частью, первые части в *gabıstäzi qul* ‘позвонок’ с последней ПНах. частью и ПНах. параллелью для первой части, вторая часть в *çwılfı-zauma-tä* ‘потроха, требуха, внутренности’ с первой неизвестной частью. С добавочной пометой «нога» (leg) — *sgwı* ‘бедро туши’, *tän* ‘пах’.

Остались неясными осет. соответствия для терминов — артерия, внутреннее ухо, волос животного, волос тела, ворс,

выделения (из глаз), гланица, горло (внутренняя часть), кость (трубчатая), ливер, лобок, локтевая кость, мочка уха, плечевой сустав, подвздошье, предплечье, ребро (мягкая часть), родничок, рот (внутренняя часть), трицепс, угол глаза, ушная раковина, член, щека (внутренняя часть), щиколотка.

Даргинские заимствования

Покровы тела (cover)

осет. *biḳ* / *beḳä* (< **beḳä*) ‘пупок’ / ‘верхушка, выступ, отросток’ (Абаев, I 260, — «субстратно-европейское слово»). < ₅₃ ПДарг. ₅₂ **vč̣kiḡ* ~ -g’- ‘голова’ во всем спектре значений.

осет. *sipal* / *sopalä* (< **sopalä*) ‘кисточка; кисть, гроздь’ (Абаев, I 316, — трактуется как звукоизобразительное слово). < ? ₂₄₈₅ ПДарг. **č̣ivkæg* ~ -j ‘бахрома (платка); кистевой; сплетенный (о волосах, шерсти)’. С вторичной диминутивной (?) аффиксацией в обоих языках.

осет. *fälig* / ‘надрез’ (нет у В.И. Абаева). Сравнение возможно в случае, если это не приставочный вариант с приставкой *fä*-. Основа употребляется как именная часть со вспомогательным глаголом *känin* ‘делать’. < ₂₁₀₇ ПДарг. **paləp* ‘трещина; треск’.

осет. / *ḳibus* ‘шишка, выступ’, заимствованное из незасвидетельствованного ирон., при своей параллели / *ḳobos* ‘шишка на палке, набалдашник’ (Абаев, I 635, 638, — как подражательные слова). < ₁₁₈₅ ПДарг. **q̣obæg* ~ -n, -v- ‘шишка’.

осет. *liḡ* / *luḡ* (< **luḡ/χ*) ‘отрезанный, порез; отрезание, отсечение’ (Абаев, II 53, 54). < ₉₈₅ ПДарг. **lühñ*- ‘ножницы’ как первая часть сложений с разными вторыми элементами. По крайней мере, дигор. вариант отражает ПДарг. соответствие.

осет. *mäskʷi* / *mäsgu* (так!, не *mäsku*) ‘прочная толстая кожа фабричной выделки’ (Абаев, II 102, — сближение с Москвой вряд ли уместно). < ₂₇₃₇ ПДарг. ₂₇₃₇ **mäshñ* (-ḥ-) ‘обувь (легкая сафьяновая)’. Заимствование основы для выделанной кожи (сафьяна, замши).

осет. *raḳʷi* / *raḳu* (< **raḳu*) ‘оперение, перья, пух’ (Абаев, II 236, 237, — попадает в «разряд звукоизобразительных слов»). < ₁₈₀₆ ПДарг. **raḳolo* ~ -r- ‘плева; шелуха; веко’.

осет. qis / ʁesä (< *ʁesä) ‘грубая шерсть, щетина, конский волос’. Первый (ирон.) вариант может также быть источником заимствования в ПНах. *qeset ‘грива (у животных); щетка под копытами лошади’ (183). Является продолжением иран. *gaisa- (Абаев, II 304). Однако в иран. языках, за исключением осет., представлены значения ‘локон; женская коса; кудри’ или даже ‘травинка, былинка’, так что здесь не исключено ПДарг. влияние или просто заимствование. ~₅₀ ПДарг.₆₂₇ *ʁejzəv ~ *ʁejzəv ‘волос; шерсть’.

осет. zik:u / zik:o (< *zig:o) ‘коса (волосяная); локон; сухожилие’. Сравнения В.И. Абаева (I 404) с тюрк., западнокавказским и финно-угорским материалом не проходят по фонетике предполагаемых источников. <₅₆₉ ПДарг.₁₅₇₇ *çiqom ‘моток ниток, клубок’.

осет. çutxal ‘прыщ’ > груз. çutxi ‘струп’ (Абаев, I 338, — сравнение с грузинской параллелью). <₁₇₀₀ ПДарг.₂₇₇₄ *çutəm ‘бородавка’. Сложение со второй частью ПСК основы, дающей в ПАрч. *qaləp ‘кора, скорлупа, кожа’ (325), ПАнд. *q:ālī- ‘кора, луб, кожура, шелуха, пленка, кожа (человека)’ (57), ПАвар. *qalə- id. (57), ПЦД *qarļa- ‘кора’ (1123) и т.д.

Рука (hand)

осет. bazŋ / bazur ‘крыло’, иран. *bāzur- ‘крыло (в парф., афг., мундж.) (Абаев, I 242). ~₉₀₃ ПДарг.₂₄₈₄ *bāzāj ~ *bāzājnə ‘перо; пух; бабочка’.

осет. song (< *cōnŋ) ‘рука; ветвь’, / cāng-äginä ‘локоть (мера)’ (I 300), conži-qul / ‘запястье’ (Абаев, I 313, — с иран. этимологией *čāng- ‘лапа, когти, крыло’). Корень присутствует в дериватах čāngāl с «плохим» согласным -l-, происходящим из сочетаний согласных, и авест. rəsō-čingha- ‘с раздвинутыми когтями’. ~₈₉₂ ПДарг.₃₀₉₄ *čānŋəg ‘лапа; горсть’. Или ПЛезг. *čā(ŋ)nŋö(l) ‘горсть’ (1936), ПНах. *čāngalaj ‘вилка; круглая скоба для транспортировки леса; рыболовный крючок (большой)’ (2998). **осет.** ʁux / ʁox ‘рука; кисть руки; палец’ (Абаев, I 544, — «кавказизм», с нефонетичным отождествлением источника). Также

вторая часть в *қах-қуҳ-тә* ‘пальцы ноги’, *tĩmbil-қуҳ* / ‘кулак’. ~
⁴⁴ПДарг. **qũṣəm* ‘кулак; горсть’. Сравнение возможно, если предполагать, что в ПДарг. было развитие **qũṣəm* < **qũḫim*. Но ср. ПАвар. ***qəḥa-j* ‘крепко держать, хватать’ (2311).
осет. -*зiқ*: как вторая часть в *arṁi-zıq*: ‘горсть; пригоршня’. Этот корень является *зiқ*: (, -*ĩtä*) / *зиқ*: (< **zuG*:) ‘яма, углубление, впадина’. У В.И. Абаева (I 406) вместе с осет. основой *duq* ‘ямка’ (?) даются параллели в коми *зиги* ‘ямка, лунка’ и рус. (?) *дук, дучка* ‘ямка, лунка’. Но осет. **zuG*: напрямую отражает дарг. фонетику. < ²⁶²ПДарг.²⁹⁵⁹ **čũGölmə* ~ -нə, **žũGölvə* ‘яма; ухаб, рывина’.

Голова (head)

осет. *boçə* / *beçə* (< **böçə*) ‘борода, усы / усы’ (Абаев, I 263). С добавочной семантической пометой «покрыты тела» (cover). ~
²³⁶ПДарг.²²⁸ **muçigə* ‘борода; подбородок’. По гласным предполагается, скорее, дарг. источник, но нет назализации (вторичной?) в отражении первого согласного. Или надежнее —
¹²⁸⁹ПЗК **paçya* ‘усы; борода’.

осет. *käsažĩ qusaw-tä* ‘жабры’ со второй иран. частью при первой части **осет.** *käsag* / *käsalgä* (< **käsaļyä*) ‘рыба’ > венг. *keszeg* ‘лещ’, груз. *kašaqi* ‘сельдь’ (с отражением шипящего спиранта) (Абаев, IV 163, — нет иран. параллелей). < ²⁵⁷⁰ПДарг. **qäšän* ‘рыба’.

осет. *qämisän* / ‘висок’ (I 626) из сложения: «снимают (*isän*) волосинки». Первая часть — *qäm* / *qämä* (< **qämä*) ‘волосинка, соринка’. < ¹⁵⁷ПДарг.⁷⁰⁷ **qätmög* ~ **qätmör* ‘чуб, прическа; коса (женская); грива; бровь’. См. не так у В.И. Абаева (I 626) со смешением с омонимом ‘порок’.

осет. / *qobalä* ‘голова’, связанная с *qobos* ‘шишка на палке, набалдашник’, / *qubus* ‘шишка, выступ’ (< ирон.) (см. выше) (Абаев, I 635, 638, — с трактовкой как подражательные). ~
¹¹⁸⁵ПДарг. **qöbəg* ~ -n, -v- ‘шишка’.

осет. *qubal* / ‘шея’ (с добавочной пометой «туловище»), контаминирующая с / *qobalä* ‘голова’ (< **qobalä*), из-за чего появляется

глоттализи́зация нача́льного со́гласного. Не так у В.И. Абаева (I 638). < ₈₁ ПДарг. ⁶³⁸ *qãvür(nə) ~ -ö- ‘шея; воротник’.

осет. rus / gos ‘щека (внутренняя часть)’ (Абаев, II 432, — с нефонетичным иран. сравнением). ~ ₁₈₀₄ ПДарг. ²⁹¹⁸ *urgʷugə(j) ‘поджелудочная железа; пищевод; отдел желудка’.

осет. wadul / wadolä (< *ado-lä) ‘щека, скула’, дигор. tän-wadolä ‘висок’ (Абаев, IV 34, — с корневой этимологией, оставляющей значимый элемент wa-). Основа с ПДарг. показателем генетива *-la-. < ₂₂₅ ПДарг. ⁹²² *ando(r)və ‘лоб’. Ср. ПАнд. *hãndã-la- ‘лоб’ (429).

осет. xãmχud-tä / xãnχod-tä pl. t. (< *xãmχod- ~ *xãmχot-) ‘морда, мурло, рожа’, заимствованное в балк. Gemχot, верхн.-балк. xamχot, карач. xamχot, gemχot, gimχot (Абаев, IV 172). < ₂₃₇ ПДарг. ⁹⁴⁴ *xamχatəj ‘губа’. В ПДарг. основа на конечный носовой сонант, например, если бы она имела вид *xamχatə, закономерно требует показатель мн. числа *-tu, и в таком случае ожидалась бы форма мн. числа — *xamχam-tə ‘губы’.

осет. zix / zux ~ cux (< *cʷux ~ *zʷux) ‘рот, пасть’ > балк. žux ‘рот, морда’ (Абаев, I 408). ~ ? ₂₆₄ ПДарг. ⁵⁰¹ *cʷinxəp ~ -x- ‘зоб’. Но, возможно, лучше привлечь ₂₈₉ ПНах. ⁷⁵⁷ *zʷoknar ‘клюв’.

Внутренняя часть (inside)

осет. ǰrbiv / ǰrbew ‘хрящ’. У В.И. Абаева (II 409) нефонетичное и семантически натянутое сравнение с иран. *grīva- ‘затылок, шея’. < ₁₀₇₀ ПДарг. *(h)əbǰar- (с видовыми формами *harb-/ *hǰrb-) ‘грызть; царапать, скрести’.

осет. gam / gamä (< *gamä) ‘слой жира у животных; подкожный жир’ (Абаев, I 507, — сравнение с табас. qamu ‘сливочное масло’). < ₁₁₃₈ ПДарг. *gomalo (~ y-) ‘откормленная скотина’.

осет. / qanz (< *Gamz) ‘костный мозг’ (Абаев, II 264, — с неправомерной фонетической и семантической интерпретацией как тюркизм qazı ‘брюшной жир’). С добавочной семантической пометой «внутренняя часть» (inside). ~ ₄₇₁ ПДарг. ⁹⁵⁶ *Ĝãmzürvə (~ *Ĝãmzürvə) ‘внутренний угол’, если имелся в виду «внутренний угол кости».

осет. rud / god (< *rod) ‘толстая кишка; колбаса’ (Абаев, II 428, — сравнение иран. *rauta- и герм. *raud-ó(n) ‘желудок животного’). ~⁸⁹⁷ ПДарг.²⁷⁰⁴ *rúduj ~ -u- ‘кишка’. Также ПЛезг. *rúdup ~ -ð ‘кишка’ (839).

осет. soj / sojnä (< *sōjnä ~ *sōniä) ‘жир топленый, жидкий; сало топленое’. В.И. Абаев сравнивает с др.-инд. sphāyate ‘жиреть’ (III 1301, 131). <³¹¹⁶ ПДарг. *šāwəp ~ š- ‘влажность, сырость’.

осет. зиза ‘мясо’ > сван. zizil (Абаев, I 397). <²⁰³⁶ ПДарг.⁴⁴⁴ *žizì(j)nə ‘мясо’. Или ПНах. *žičej-ge ‘мясо’ (69).

осет. χälur / χälörä (< *χälörä) ‘перепонка, мембрана, диафрагма / кишка’ (Абаев, IV 170, — с корневой этимологией и привлечением калмыкизма χältaśä ‘кожаные ноговицы’ < монг. *qalta-su ‘кожа’). ~³⁸ ПДарг.³⁶ *χöhlüv ~ -j (ү) ‘жир; сало’. Или ПЛезг. *χäwlü ‘жир; сало’.

Нога (leg)

осет. zäng / zängä (< *zängä) ‘голень; стебель’. В.И. Абаев (IV 297) объясняет отсутствие ожидаемой спирантизации *-g- (и перехода в увулярный ряд) положением после сонанта -n-, что не проходит по другим случаям. Ср. также осет. zängoj / zängojnä (< *zängōnia) ‘ноговица’ (IV 297). ~²⁶⁸⁸ ПДарг.³⁰⁶⁷ *zanqəp ‘пинок (коленом, ногой); прыжок’. При ПЛезг. *zäqətmə ~ -lu ‘голень; ноговицы’ (2443).

Выделения (secretion)

осет. marg ‘яд’ (Абаев, II 72, 73 — сравнение с иран. *marka- ‘смерть’), венг. merég ‘яд’, фин. myrkky ‘яд’. ~²⁵²⁶ ПДарг. *mārgo- ~ -a- ‘дурман (растение); вид браги’. Северокавказская основа, имеющая соответствия с ПЛак. *nāzauğə ‘хмельной напиток из меда’ (994), ПАвар. *mağə- ‘подмаренник’ (2510). **осет.** miçra / ‘моча’. У В.И. Абаева (II 113) неправильно связано с mižin ‘мочиться’. <²⁰⁸⁷ ПДарг.³⁰⁰ *məğōlə ~ -uj(və) ‘воск; козоля, смола на дереве’.

осет. miğ / miğä (< *miğä) ‘сперма’ (с добавочной пометой «туловище»), и вторичный дериват miğ:ag / miğ:ag (< miğiaγ)

‘семя, семена; порода, род’ (Абаев, II 137, — привлечение лат. *mucus* ‘слизь’). < ³¹²ПДарг.₅₆₄ *mäjyò(n) ‘пот’.

осет. *sät / sätä* (< *sätä) ‘слюна, слизь; сок’ (с добавочной пометой «голова», «внутренняя часть»). В.И. Абаев (III, 92) игнорирует балк. заимствование *šiti* ‘слюна’ и пытается возвести эту основу к *spaθa-, которая не имеет иран. параллелей. < ⁸⁷⁵ПДарг.₂₁₈₂ *šätrün ~ *šämtər (~ *š-?) ‘слюна’. Другим источником осет. формы может быть ПНах. *šatHe ‘плевков; слюна; мокрота’ (906).

осет. *tu* (< *tuw) ‘слюна, плевков’ (с добавочной пометой «голова»). В. И. Абаев (III 308), считая звукоподражательным, указывает индо-иран. материал с основой, восходящей к *thū-, что, судя по глухому придыхательному согласному, явно отражает заимствование. < ³²⁸ПДарг.₁₀₉₂ *tu’-, *-tur ‘плевать; слюна, плевков; мокрота’. Или ³⁷⁶ПНах.₁₀₉₂ *tujə (~ -jə-), *tuko- ‘плевков, слюна’.

осет. -χwip: в *doni-χwip*: ‘моча’ с первой частью ‘вода’. Свое сложение с χwip: / (< *χub:) ‘глоток жидкого’, балк. *χурра* (Абаев, IV 266, — «звукоподражательное»). < ²²⁵⁷ПДарг.₁₉₉₄ *χub’əp (-p-) ‘хлебнуть’. Или ПНах. *χuro- ‘хлепать; суп’ (1929).

Туловище (torso)

осет. / läbäs (< *läzb) ‘ягодица’, (Абаев, II 16, — «происхождение неясно»). ~ ²²⁷ПДарг.₉₂₈ *läžijvə ~ *läžü- ‘щека’.

осет. *zizi / зезе* (< *зезе) ‘женская грудь; сосок’, южн. *ziza* ‘кормилица’ (Абаев, I 397, — с нефонетичными параллелями с глухими согласными). < ²⁸⁹¹ПДарг. *zizijvə ~ z ‘старшая сестра’, имеющее этимологическую параллель ПАвар. *zəzijʔə ‘женская грудь’ (3268). Ср. ПЗК *zʷăzʷa ‘женская грудь’ (1139).

Довольно большое количество основ, имеющих соответствия, более 30. Часть из них довольно уверенно можно считать происходящими из даргинского источника. Некоторые иранские параллели также могут интерпретироваться как кавказизмы. Заимствованы основы связанные со спецификой

волосяного покрова, а также наименования выростов и порезов. Возможно, заимствовано нейтральное название «руки», «шея», «рот» и некоторые термины для частей головы («борода», «скула, висок», «морда»). Из внутренних частей тела представлены только съедобные или почти съедобные — «мясо», «жиры», «колбаса», «хрящ», «пленка». Практически нет терминов, описывающих строение конечностей и туловища. Довольно широко представлены выделения.

Нахские заимствования

Покровы тела (cover)

осет. bāgäg ‘метка, знак; заметный, определенный, известный’ с вторичной аффиксацией прилагательного (Абаев, I 250, 251, — с нефонетичными сближениями с основой, имеющей начальный носовой m-). < ³⁹⁰ ПНах.₁₁₂₆ *bʔägHe ‘взгляд, взор; ждатель, смотреть; взглянуть, смотреть’.

осет. cāf ‘рана’ при cāvīn (cavd) / cāvīn (cavd) ‘бить, ударять’ (Абаев, I 306, 294, — сравнение с иран. основой, значащей ‘воровать’). < ⁶⁸⁷ ПНах.₁₇₂₅ *čavŋe ‘рана’.

осет. cāgār ‘плешь’ (Абаев, I 296). < ¹⁸²² ПНах. *čegere ‘плешь’.

осет. čar / čarā ‘кора, кожа, шкурка, скорлупка; оболочка, обертка, tənäg-čar ‘пленка’ с первой частью ‘тонкий’ (Абаев, I 330). < ³⁵³ ПНах.₁₀₄₉ *č(č)ogvoŋ ‘кожура, оболочка; скорлупа; кожа; лыко’ при бацб. соответствии čar (<“čaren).

осет. kʷizir / kuzur (< *kuzur) ‘нарост, отросток, шишка’ (Абаев, I 655, — сравнение с груз. kviṣṭi (koṣṭi) ‘нарост’, изолированным внутри ПКарть.). < ¹⁵⁹⁰ ПНах. *kažo-mo ‘трут, древесный гриб’ при бацб. параллели *kužiŋa ‘наплыв на дереве; мозолистый’.

осет. rusal ‘кисточка; гроздь, кисть’ (Абаев, I 316, — с интерпретацией как звукоизобразительное слово). < ²⁵⁹³ ПНах.₂₃₃ *bu(r)čelge ~ *p- ‘шишка, опухоль, нарост’.

осет. sis / scs (< *scs) ‘перо (в том числе и металлическое)’ (Абаев, III 114, — сравнение с периферийной иран. ‘куропаткой’). < ⁵⁰³ ПНах.₁₃₃₄ *šišHen ‘спорынья; острие, ланцет; волчье лыко; азалия’. Или ПАнд. *sisä- ‘кисти нитей’ (338).

Рука (hand)

осет. -kǝz в gǝmbinǝ-kǝz ‘локоть’, связанное с осет. kǝzil / kǝzelǝ ‘хвост’, (Абаев, I 623, — интерпретация как производное от осет. слова со значением ‘кривой’). < ⁶⁰⁸ПНах.₁₅₅₁ *kǝzolo ‘коса, локон; сухожилие’, что предполагает первоначальное значение осет. сложения «локтевые связки».

осет. -tǝrǝn в arnǝ-tǝrǝn ‘ладонь’ (Абаев, IV 353) при осет. tǝra / ‘сковородка’ (Абаев, III 351 — «из перс. tāba», что не может быть по отражению согласных). < ¹³⁷⁸ПНах.₁₄₁₂ *tǝrǝ- ‘плоский; плоскогорье, котловина (межгорье); поляна (в лесу, в горах); равнина (по реке); сковородка (с ручкой)’. В осет. сложение значило «плоскость кисти руки».

Голова (head)

осет. äfsǝr / äfsǝrǝ ‘челюсть’ (part. act.). У В.И. Абаева (I 481, 482), натнутое сравнение с иран. *spag- ‘плугом, заступом’. < ¹⁶⁷ПНах.₃₈₉ *ʕavšo- ‘жевать, пожевать’.

осет. bǝzdajǝn ~ bǝzdajna (< *bǝzdanǝ) ‘щека’ из значения ‘челюсть’ (нет у В.И. Абаева). < ¹⁴²⁴ПНах. *bož(H)ǝ- ‘тиски’, при бацб. "beçǝda-ǝ- ‘печатать’.

осет. boq:ir / boq:ur (< *boG:ur) ‘зоб (мед.)’ (с добавочной пометой «покровы тела»), балк. boqqur ‘двойной подбородок’ (Абаев, I 268, — с народноэтимологическим разложением на части «подбородок, отвислый как у бугая»»). < ²⁰⁹⁴ПНах.₉₈₃ *boqqoro ‘зоб (у птиц)’.

осет. / dordonǝ ‘зоб (у птиц)’ (с добавочной пометой «покровы тела») > балк. dardan, dörden (Абаев, I 371, — сравнение с балк.). ~ ²⁴⁸²ПНах. *darten ~ -m ‘дрофа’.

осет. gag^{wi} / gagu, также cǝsti-gag^{wi} / ‘зеница, зрачок; глазное яблоко’ при груз. guga ‘зеница’ (Абаев, I 505), также осет. gagi (< *gagij) *детск.* ‘дитя, ребенок’ (Абаев, I 505, — сравнение с языком коми). < ¹⁴⁴⁴ПНах. *gakaj ‘ребенок, малютка’. В кавказских языках с разными корнями широко отмечен семантический переход ‘ребенок, малыш’ > ‘зрачок’.

осет. qälqäläg ‘гортань’ (с добавочной пометой «внутренняя часть») (Абаев, II 289, 290, — «звукотип»). <
²⁰⁸³ ПНах. *qalqa(j) ‘гланды; скарлатина; двойной подбородок’.
осет. забӀг / занбӀг (< *zamb̄ig) ‘бельмо’ (с добавочной пометой «покровы тела»), абӀл / заболä ~ занболä (< *zambolä) ‘косо (смотреть на)’ (Абаев, I 388, — «звукотип»). <
¹⁹⁵⁷ ПНах.²⁸⁴⁰ *žovboro ~ -м- ‘карий (о глазах); некрасивый, невзрачный’.
осет. зӀх / зух ~ сух (< *с’ух ~ *з’ух) ‘рот, пасть’ > балк. žux ‘рот, морда’ (Абаев, I 408). ~²⁸⁹ ПНах.⁷⁵⁷ *zʁoknar ‘клюв’, с неожиданной передачей велярного смычного -к- как спирант -х-. Наверное, фонетически лучше привлечь ПДарг. *šivxən ~ -х- ‘зоб’ (264).

Внутренняя часть (inside)

осет. ävzag в farsilivzag, (РОС) farsilävzag / farsi ävzag (< *ivzag) ‘селезенка’. По В.И. Абаеву (I 424) «боковой язык». Похоже, что это вторичная реэтимологизация. Первая часть, действительно значит слово ‘бок’. <²²²⁶ ПНах.⁷⁰⁸ *ʁənzog(j) ‘селезенка’.
осет. қʷизір:а / (< *қuzib:a) ‘книжка, сетка желудка’, груз. диал. qvičira ‘пузатый’ (с записью через q-, отсутствующем в груз., вместо қ-) (Абаев, I 655, — сравнение с груз.). < Это слово отражает ПНах. фонетику для параллели⁸¹⁷ ПАнд.¹³⁹¹ *kä(m)č̄i-гə ‘книжка (часть желудка); вульва’.
осет. sivär / suvär (< *suvär) ‘матка’, siväržin / suvärgin ‘беременная’ (с добавочной семантической пометой «внутренняя часть») (Абаев, III 213, 214, — с делением основы и корневой этимологией). <¹⁸¹⁹ ПНах.⁷⁰⁹ *šuvəre ‘роженица’ > бацб. "šubər.
осет. зиза ‘мясо’ > сван. zizil (Абаев, I 397). <⁶⁹ ПНах.⁴⁴⁴ *žižej-ge ‘мясо’ (69). Или ПДарг. *žiži(j)nə ‘мясо’ (2036).

Нога (leg)

осет. қах / қах ~ ках ‘нога’ (Абаев I, 619, — с нефонетичными кавказскими параллелями и неясным акуш. ках ‘нога’). <
¹⁵⁹³ ПНах. *қʷa-gaj ‘пятка (ноги, дверей)’ (dim. < *қаһ-g-) или

лучше — ПЛезг. *ḳähāvə (~ -mvə?) *pl. ‘лодыжка, щиколотка; бабка, альчик’ (3226).

осет. qul / bolā (< *bolā) ‘бабка для игры, альчик’, rabistāžī qul ‘позвонок’ («позвоночный»), сопžī-qul ‘запястье’ (“ручной), fad-qul ‘лодыжка’ («ножной») (Абаев, II 313). < ³²⁸ ПНах.₁₅₈ *ḳovlō-j ‘альчик, бабка; сухожилие (лодыжки?); шаг’.

осет. wārag ‘колени’ (Абаев, IV 88, — инд.-евр. сравнение без иран. этимологии, кроме хотан. hūrā ‘бедро’, которое может отражать др.-инд. ūru ‘бедро’). ~ ¹⁴⁸⁵ ПНах.₈₉₆ *wārNāvḡe ‘бедро; ляжка; плечо’.

Выделения (secretion)

осет. çäj / çäjä (< *çäjä) ‘сукровица’ (с добавочной пометой «внутренняя часть») (Абаев, I 331, — сравнение с абх. а-ça ‘сукровица’). < ¹⁸⁷² ПНах. *çaḡ(Н)а (~ -ḡ-) ‘матка; сукровица (после родов)’.

осет. sät / sätä (< *sätä) ‘слюна, слизь; сок’ (с добавочной пометой «голова», «внутренняя часть»). В.И. Абаев (III, 92) игнорирует балк. заимствование žnī ‘слюна’ и пытается возвести эту основу к *sraθa-, которая не имеет иран. параллелей. < ⁹⁰⁶ ПНах.₂₁₈₂ *šatHe ‘плевок; слюна; мокро та’ (906). Другим источником осет. формы может быть ПДарг. *šätṛün ~ *šämṛət (~ *š-?) ‘слюна’ (875).

осет. tu (< *tuw) ‘слюна, плевок’ (с добавочной пометой «голова»). В. И. Абаев (III 308), считая звукоподражательным, указывает индо-иран. материал с основой, восходящей к *thū-, что, судя по глухому придыхательному согласному, явно отражает заимствование. < ³⁷⁶ ПНах.₁₀₉₂ *tujṇo (~ -jṇ-), *tuko- ‘плевок, слюна’. Или ПДарг. *tu-, *-tur ‘плевать; слюна, плевок; мокрота’ (328).

осет. -χ^wip: в doni-χ^wip: ‘моча’ с первой частью ‘вода’. Свое сложение с χ^wip: / (< *χub:) ‘глоток жидкого’, балк. χирра (Абаев, IV 266, — «звукоподражательное»). < ¹⁹²⁹ ПНах.₁₉₉₄ *χipō- ‘хлебать; суп’ (1929). Или ПДарг. *χub’əp (-p-) ‘хлебнуть’ (2257).

Туловище (torso)

осет. bāḫ-bāt:än ~ bāḫ-bäd:än ‘ключица’ (с добавочной семантической пометой «внутренняя часть»). Этимологизация как «коновязь», поддержанная В.И. Абаевым (I 256). < ¹³⁵⁰ ПНах. *boḫkvor ‘подпруга; ключица’.

осет. dīmäg / dumäg (< *dumäg) ‘хвост, курдюк’, иран. *dum(ba)s суффиксом -a-ka (Абаев, I 381). ~ ¹⁴⁶¹ ПНах.₁₀₀ *dumaj ‘курдюк’, ПКартв. (груз.-зан.) *duma ‘курдюк’.

осет. gäldär / qäldär (< *qäldär) ‘брюхо (шутл.)’ (Абаев, I 512, 625, — сравнение с такими же изолированными внутри картв. языков груз. формами). Основа с ассимиляцией по звонкости в ирон. < ¹⁵⁶³ ПНах.₂₉₃₇ *qalda- ‘исподтишка; пола’.

осет. g^wibin / gubun (< *gubun) ‘живот (внешняя часть), брюхо’ (Абаев, I 528, — с трактовкой как оноματοпэтика) и / gäbät ‘бурдюк’ (Абаев, I 509, 510, — «звукоизобразительное»), / gebeta ‘пузатый’ (I 517). ⁶ ПНах.₄₈₃ *gaḫic-ge ~ *gaḫiege ‘живот, желудок’.

осет. giwi-g^wiḏir ‘грудная клетка’ (с добавочной семантической пометой «внутренняя часть») при второй части g^wiḏir / gudur ‘замок’ (Абаев, I 529). < ⁶³¹ ПНах.₁₆₀₇ *goḏron ‘клетка, косяк, западня; курятник’.

осет. qäzil / qäzelä ‘хвост’, qäzilä stäg ‘крестец’ со второй частью ‘кость’, (Абаев, I 623, — с трактовкой как производное от осет. qaz ‘кривой’). < ⁶⁰⁸ ПНах.₁₅₅₁ *qozolo ‘коса, локон; сухожилие’.

осет. qudi / qudi ~ qode (< *qode) ‘хвост’, qudijä stäg ‘крестец’ со второй частью ‘кость’ (Абаев, I 639). ~ ¹⁵⁸⁹ ПНах. *qudo- > бацб. *quda’o ‘куций, с коротким хвостом’. Заимствование из ⁶¹⁰ ПКарт. *qöde-lä ‘хвост’ при груз. quda ‘куций’, qudi ‘хвост, короткий хвост’.

осет. raḫ ‘спина; гребень горы, горный хребет’, raḫi-stäg ‘позвоночник’ со второй частью ‘кость’, raḫistäzji qul ‘позвонок’ (Абаев, II 343, 344, — иран. *gāu ‘предгорье, косогор, подножье; равнина’). ~ ⁶⁴⁷ ПНах.₉₃₉ *raḫej (-ne) ‘горный хребет (невысокий); равнина’.

Большое количество ПНах. параллелей (более 30), сопоставимое с ПДарг. количеством. Представительная часть основ, связанных с кожными покровами тела, включая нейтральное слово для «кожи, шкуры, кожуры», имеющее именно бацб. фонетику. Отсутствие терминов, связанных с «рукой», — лишь несколько случаев как вторая часть композитных слов. Довольно интересная лексика области «голова», — слова «челюсть», «щека», «зоб», и, возможно, «рот». Несколько названий мягких внутренних органов, — «селезенка», «книжка желудка», «матка». Так же, как и для «руки», малочисленный корпус лексики, связанной с нижними конечностями, с возможным источником для нейтрального слова «нога». Значимое количество основ, обозначающих части «туловища». Несколько названий для «выделений», как правило, имеющих альтернативную ПДарг. или западнокавказскую этимологию.

Аварские заимствования

Рука (hand)

осет. *қуχ / қоχ* ‘рука; кисть руки; палец’ (Абаев, I 544, — «кавказизм» с нефонетичным отождествлением источника). Также вторая часть в *қаχ-қуχ-та* ‘пальцы ноги’, *тiмбиl-қуχ* / ‘кулак’. ~²³¹¹ ПАвар. ***qəħa-j* ‘крепко держать, хватать’. Однако более вероятным кажется привлечение ПДарг. **qūšəm* ‘кулак; горсть’ (44).

Голова (head)

осет. / *mākur* ‘затылок, тыл’ (Абаев, II 85, — корневая этимология с делением на части). <⁴⁰⁷ ПАвар.⁹⁰² **məqo-* ‘хребет, позвоночный столб’.

Выделения (secretion)

осет. / *qoba* (< *Goba) ‘сопля’ (Абаев, II 307, — с семантически далеким тюркским сближением со значением ‘запах’). ~²⁰⁰ ПАвар.⁵⁷¹ **qabə-* ‘шкварки’ с дериватом *qabliz* ‘чирей, нарыв’ при глаголе ***qabə-w* ‘зажарить, жечь’.

осет. /gäzä ‘сукровица’ (Абаев, II 420, — нефонетично сведено с основой gonз). < ²⁶⁵⁵ПАвар.₁₄₆₈ *rəzclə- ‘капля, капелька’.

осет. gonз / gonз (< *gonз) ‘сукровица, кровяная жижа, кровь, смешанная с гноем’ (Абаев, II 420, — с нефонетичной иран. этимологией от корня ‘цвет’). < ³⁰⁶ПАвар.₄₂₆ *rəç:c- ‘гной’ (синхронно косв. основа гоç:o-).

осет. xäfzast ‘чирей, абсцесс’ (Абаев, IV 161, — с трактовкой как сложение «гной + глаз», что является вторичной рэтимологизацией). < ⁵⁵¹ПАвар.₁₀₆₀ *ħəbç:ǰ- ‘глазные выделения; ушная сера’.

Редкие основы, связанные с телесными выделениями.

Андийские заимствования

Покровы тела (cover)

осет. бесик: (-, бесic:itä) / be(n)cuk:ä (< *bēmcug:) ‘чуб, локон, челка’ (Абаев, I 258, 259, — «происхождение неизвестно»), заимствование из анд. с вторичным переразложением и выделением sg., откуда попадает в тюрк. языки как *bunçuy ‘бунчук’. < ⁵¹⁷ПАнд.₁₇ *böçj- +Na ‘чуб; шкура козы; козлинная борода’ при анд. *böçiciv^w ‘чуб’.

осет. sis / ses (< *ses) ‘перо (в том числе и металлическое)’ (Абаев, III 114, — сравнение с периферийной иран. ‘куропаткой’). < ³³⁸ПАнд.₈₁₅ *sisä- ‘кисти нитей’. Или ПНах. *šišHen ‘спорынья; острие, ланцет; волчье лыко; азалия’ (503).

осет. sink / sunkä ‘чирей, прыщ’ (Абаев, III 202, — с членением и корневой этимологией). < ¹⁶²²ПАнд.₁₀₁₆ *š:unqä- ‘клин, колышек’ с типично северокавказским семантическим развитием ‘гвоздь’ > ‘чирей’.

осет. täp:al (< *täbal) ‘волдырь, мозоль, кровоподтек’ (Абаев, III 265, — «звукоизобразительной природы»). < ¹⁹⁸²ПАнд.₁₄₅₈ **täb- ‘гнить; рваться, изнашиваться; дыряться, протираться до дыр’.

Голова (head)

осет. *guça* / ‘зоб, горло’ (Абаев, I 525, 526). < ³⁶¹ПАНд.₂₄₀₀ **қӧ(г)çӕ*- ‘кадык; шишка на теле’.

осет. *қор:а* (< **қоб:а*) ‘гребень, хохол, верхушка птичьей головы’ (с добавочной семантической пометой «покровы тела») (Абаев, I 636, — смешение с омонимом ‘ковш’, ‘чаша’ и этимологизацией как «образного» слова). < ³⁸¹ПАНд.₈₆₉ **қ:ара*- ~ **қ:ӧра*- ‘шапка’.

осет. *гоҕо* / *гоҕо* (< **гоҕӧ*) ‘подбородок / борода’ (Абаев, II 418, — с нефонетичным сравнением). < ⁵²⁵ПАНд.₇ **гӕӕ*- ‘зоб’, при этимологическом соответствии ПДид. **гӕ*-*тӕ*ʋ? ‘пишевод’.

осет. *ässir* / *änsur(ä)* (< **ämsurä*) ‘клык, коренной зуб’ (Абаев, I 189, — сравнение с финно-угор.) > венг. *aguar*, манси. *aṅser*. ~ ³³⁹ПАНд.₈₁₇ **isü*-г- ‘башня; коренной зуб; бык, опора (моста)’.

осет. *wadul* / *wadolä* (< **ado-lä*) ‘щека, скула’, дигор. *tän-wadolä* ‘висок’ (Абаев, IV 34, — с корневой этимологией, оставляющей значимый элемент *wa-*). < ⁴²⁹ПАНд.₉₂₂ **händä-la*- ‘лоб’. Или ПДарг. **ando(г)вә* ‘лоб’ (922) с дарг. показателем gen. **-la-*.

Внутренняя часть (inside)

осет. *ärxäg* / *ärxängä* (< **ärxämüä*) ‘сустав’ (Абаев, I 73, — без этимологии). ~ ⁵³⁹ПАНд.₇ **гӕ*:- ‘ребро’.

осет. *fälin* ‘диафрагма’ (нет у В.И. Абаева). ~ ³⁶⁶ПАНд.₈₅₀ **rälu*- ‘пена’.

осет. *қʷizip:a* / (< **қuzib:a*) ‘книжка, сетка желудка’, груз. диал. *qviçira* ‘пузатый’ (с записью через *q-*, отсутствующем в груз., вместо *қ-*) (Абаев, I 655, — сравнение с груз.). < ⁸¹⁷ПАНд.₁₃₉₁ **қä(m)çӕ*-*гӕ* ‘книжка (часть желудка); вульва’. Это слово отражает ПНах. фонетику для этой параллели.

Выделения (secretion)

осет. *қʷibar* / *қubarä* ~ *қuborä* (< **қubarä* ~ **қubörä*) ‘сгусток; ком, комок, кокон’ (Абаев, I 645). ~ ²⁰⁵⁰ПАНд.₁₉₂₉ **қӕ*б-, **қӕ*қӕб- ‘клеиться, прилипнуть; ком (затвердевший)’.

осет. läχ / läχä (< *läχä) ‘испражнения, кал, дерьмо’ (Абаев, II 39, — «вероятно, кавказского происхождения»). <₈₃ ПАнд. *λ:εχṵ- ~ *λ:εχ:ṵ- ‘пыль; пепел; прах; помет овцы’.

Туловище (torso)

осет. wäçäf ‘живот, брюхо; рубец’ (Абаев, IV 62, — без этимологии). <₄₉₁ ПАнд.₉₉₉ *h̄inç:i- ‘пахвина; подреберье; живот’.

осет. χit̄in / χit̄in ‘брюхо, пузо’ (Абаев, IV 273, — с нефонетичной тюрк. этимологией от слова ‘задница’). <₂₂₈₉ ПАнд. **q:it̄i-n- ‘топорщиться, подниматься торчком; выдаваться, выступать; дерзить, упрямиться’.

осет. χoli / χ^wali (< *χali) ‘падаль’ (Абаев, IV 212, — с этимологией от иран. глагола ‘есть’). <₆₅₅ ПАнд. *q:olā- ‘кал’.

осет. χогзон / ‘задний проход’ (Абаев, IV 217, — с нефонетичной народной этимологией «проход для хлеба»). <₅₁₈ ПАнд.₂₁₉ *bōḡç:am- ‘живот; желудок (и кишечник); нутро’.

Присутствует некоторое число заимствований (18 основ), связанных с характеристикой покровов тела, частями головы, связанными с поглощением пищи, и некоторое количество основ, описывающих туловище ниже пояса.

Цезско-дидойские заимствования

Рука (hand)

осет. mäsuз устар. / mäsunzäg ‘кулак’ (< *mäsumzä) ‘кулак’ (Абаев, II 104, — с натянутой этимологией как «выступающая (кость)»). <₃₈₃ ПЦез.₂₇₄ *baša(η)^w ‘палец’,₃₈₃ ПДид.₂₇₄ *mäš-t̄ōḡδ^w ‘цельная кожа с передней конечности овцы’.

Голова (head)

осет. bil / bilä (< *bilä) ‘губа; край (горы)’ (Абаев, I 277, 278). <₃₂₆ ПЦД.₂₅₇ *bilä-ḡi- ‘губа; тропинка’.

осет. čimb̄r / čembur ‘морда’ (Абаев, I 626, 632, — сравнение с лат. caput ‘голова’). <₁ ПЦД.₂₀₅ *čäm̄i^(w)- ‘голова’.

осет. *muḡi / moḡo* (< *moḡo) ‘морда (которую бьют), рыло, рожа’ (Абаев, II 131) ~ мегр. *niḡi* ‘подбородок’. < ¹⁹²ПЦД₅₂ *mōḡi ‘клюв; рот; губа’.

осет. *qīq̄iḡ* / ‘кадык’ (нет у В.И. Абаева). < ³⁵⁹ПЦез.₉₈₂ *qəjqa- ‘горло; глотка; зоб’.

осет. *q^wiḡ / qur* (< *Gur) ‘горло, глотка’ (Абаев, II 330, — с периферийным иран. *gur- и нефонетичными этимологиями). ~ ³⁶¹ПЦез. *qurəḡ- ‘зоб’.

Выделения (secretion)

осет. *miz̄iḡ-ḡag* ‘моча’ с первой иран. частью, значащей ‘течь, мочиться’, и неясной второй (Абаев, II 127). < ¹⁷⁴⁷ПДид.₁₉₆₄ **ḡä-ḡe-h^w ‘выливать; блевать’ с продуктивным суффиксом интенсивного действия.

Одиночные основы, в первую очередь связанные с экспрессивными названиями лица и горла.

Лакские заимствования

Покровы тела (cover)

осет. *ḡ^wiḡlaw / ḡullaw* ‘грыжа’ и дигор. *ḡ^walli* ‘мозоль’ (Абаев, I 648, — с инд.-евр. нефонетичными параллелями). < ¹⁷³⁸ПЛак. *ḡöl’äy- ‘грыжа’.

осет. *ḡil / ḡelä* (< *ḡelä) ‘волос, волосы’ (Абаев, IV 200, — с интерпретацией как тюркизм, что не подтверждается фонетически). < ⁹⁴⁰ПЛак.₄₃₀ *ḡäl’üw ‘коса (волосы)’.

Лезгинские заимствования

Рука (hand)

осет. *song* (< *sōḡ) ‘рука; ветвь’, / *säng-äḡinä* ‘локоть (мера)’ (I 300), *sonḡi-qul* / ‘запястье’ (Абаев, I 313, — с иран. этимологией *ḡāḡ- ‘лапа, когти, крыло’). Корень присутствует в дериватах ḡangāl с «плохим» согласным -l-, происходящим из сочетаний согласных, и авест. *rāsō-ḡingha-* ‘с раздвинутыми

когтями'). ~¹⁹³⁶ ПЛезг.³⁰⁹⁴ *č̣änyö(l) 'горсть' (1936). Или ПДарг. *č̣änyəg 'лапа; горсть' (892), при ПНах. *č̣angalaj 'вилка; круглая скоба для транспортировки леса; рыболовный крючок (большой)' (2998).

Голова (head)

осет. k̄äbut / k̄äbot (k̄embot-tä, k̄ämbud-tä), южн. k̄äbu 'затылок' (Абаев, I 626, — сравнение с лат. caput 'голова'). <²²¹ ПЛезг.²⁰⁵ *č̣ämu 'затылок; макушка, темя; шея'.

осет. maʒz / (с добавочной пометой «внутренняя часть») (Абаев, II 66, — иран. *mazga-, слав. *mozgъ 'мозг'). >¹⁹⁵⁷ ПЛезг. *maʒGʷum ~ -r 'мозг; костный мозг'.

осет. mīlī -tä / 'десна' (с добавочной пометой «внутренняя часть») без привлечения дигор. mutul-tä 'десна' (Абаев, II 139, — нет иран. параллелей, а инд.-евр. параллели имеют значения 'жевать, глотать'). <⁷⁷ ПЛезг.⁷⁵ *mī'č̣lū 'нос; клюв; морда, рыло; губа, губы и часть лица вокруг'.

Внутренняя часть (inside)

осет. rud / rod (< *rod) 'толстая кишка; колбаса' (Абаев, II 428, — сравнение иран. *gauta- и герм. *gaud-ō(n) 'желудок животного'). ~⁸³⁹ ПЛезг.²⁷⁰⁴ *rodun ~ -δ 'кишка' (839). Или ПДарг. *ruduj ~ -ū- 'кишка' (897).

осет. χälur / χälörä (< *χälörä) 'перепонка, мембрана, диафрагма / кишка' (Абаев, IV 170, — с корневой этимологией и привлечением калмыкизма χältaşä 'кожаные ноговицы' < монг. *qalta-su 'кожа'). ~ ПЛезг.³⁸ *χäw̃lū 'жир; сало'. Или ПДарг.³⁶ *χöhlüv ~ -j (y) 'жир; сало' (38).

Нога (leg)

осет. қах / қах ~ қах 'нога' (Абаев, I 619, — с нефонетичными кавказскими параллелями и неясным акуш. қах 'нога'). <³²²⁶ ПЛезг. *қәһäвə (~-mvə?) *pl. 'лодыжка, щиколотка; бабка, альчик'. Или ПНах. *қʷa-gaj 'пятка (ноги, дверей)' (dim. < *қаһ-g-) (1593).

осет. хӕсӕф ‘икра (ноги); мышца’ (Абаев, IV 154, — с нефонетичным иран. сравнением). < ⁷⁷³Пллезг.₁₂₃₇ *hӕd̥sǎ ‘ствол; голень’.
осет. zäng / zängä (< *zängä) ‘голень; стебель’. В.И. Абаев (IV 297) объясняет отсутствие ожидаемой спирантизации *-g- (и перехода в увулярный ряд) положением после сонанта -n-, что не проходит по другим случаям. Ср. также осет. zängoj / zängojnä (< *zängōnia) ‘ноговица’ (IV 297). ~ ²⁴⁴³Пллезг. *zäkämə ~ -lu ‘голень; ноговицы’. И ПДарг.₃₀₆₇ *zankəp ‘пинок (коленом, ногой); прыжок’ (2688).

Выделения (secretion)

осет. bārka ‘кал’ (Абаев, I 253, — с делением на части). ~ ⁵¹³Пллезг.₈₇₇ *būrquł ‘глазные выделения; гнойные отложения’.
осет. luḳä ‘козявка; сопля’ / loḳä ‘бородка индюка’, южн. luḳä ‘сопля’ (с добавочными пометами «покровы тела») (нет у В.И. Абаева). < ⁶⁵³Пллезг.₁₀₇₄ *lakoḳ ‘козявка, козюля; навоз скота’.

Туловище (torso)

осет. čildim / қildun ‘тыл, зад’ (Абаев, I 647, — с народной этимологией «пятко-хвост»). < ⁴¹⁷Пллезг.₆₁₆ *kùlṭumu ‘почка (анатомическая)’.
осет. lasäggag / (< *lasäyiaḡ ~ *lasämḡaḡ) ‘пищевод’. По В.И. Абаеву (II 13), производное от глагола ‘тащить’, что может быть вторичной ретимологизацией. < ¹⁶⁵⁴Пллезг.₇₄₂ *ḥsə- ~ -u- ‘пищевод’.

Небольшое количество параллелей (чуть больше 10 основ), но они имеют интересные значения. Представлены нейтральные названия ‘руки’ и ‘ноги’, название ‘затылка’, ‘голени’, ‘пищевода’, освоено название ‘почек’.

Западнокавказские заимствования

Голова (head)

осет. äfcäg ‘шея, перевал’ со своей аффиксацией (Абаев, I 108). < ¹¹⁶ПЗК₇₄₂ *psēm- ~ -mō ‘шея; воротник; задняя часть шеи’.

осет. боцо ‘борода, усы/ beцо (< *bǝco) ‘усы’ (Абаев, I 263). <
 1289 ПЗК *расуа ‘усы, борода’. Ср. ПДарг. *muçigə ‘борода;
 подбородок’ (236).

осет. fɪnz/ fɪnz(ä) ‘нос, кончик носа’ (Абаев, I 497, – с иран. и
 кавказскими параллелями). < 121 ПЗК₉₆₇ *rǝ-mçau ‘нос; ноздря;
 кончик носа’.

осет. заҕе ‘борода/ zaḡä, zeḡä ‘подбородок, борода’ (нет у
 В.И. Абаева). < 229 ПЗК₈₃₃ *žäḡe ‘борода’.

Внутренняя часть (inside)

осет. ǰwǝpsǝ / ‘пузырь’ (нет у В.И. Абаева) < ПАК *tǰo-ps
 ‘капля’ в 525 ПЗК₁₆₉₀ *(bǰo= ‘капать; капля’.

осет. salä ‘послед’ (Абаев, III ??). < ПАК *-sen ‘родовые
 складки’, *se:-te ‘послед’ в 696 ПЗК₄₅ *šwe^h= ‘рожать; родиться’.

Нога (leg)

осет. wafs ‘подошва’ (нет у В.И. Абаева). < ПАТ *wor-co
 ‘войлок’ в 1636 ПЗК *orǝ ‘бурка; войлок’.

Туловище (torso)

осет. ҕарä ‘курдюк’ (Абаев, I 619). < 166 ПЗК₄₈₀ *ǰe(b) ‘хвост;
 юбка; веревка’.

Очень малое количество заимствований, из которых на-
 иболее интересны номинации, связанные с «головой». Сюда
 входят наименования ‘шей’, ‘бороды’ (2 слова), ‘носа’.

Картвельские заимствования

Покровы тела (cover)

осет. bumbuli / bomboli ~ bonbuli (< *bombolij) ‘перо, пух’ (Аба-
 ев, I 270). < груз. bumbuli ‘перья, пух’. При ПНах. *bumbor-oj
 ‘шмель’ (*«мохнатый») (279).

осет. -хав в cästi-хав ‘ресница’ с первой частью ‘глаз’ и вто-
 рой хав / хавä ‘бахрома’ (Абаев, IV 147). < груз. хао ‘ворс’,
 при арм. хав.

Голова (head)

осет. хигх ‘горло, глотка, гортань’ (Абаев, IV 249). < ₈₄₀ ПКарт. *qōqǝ ‘шея, горло, глотка, гортань’.

Внутренняя часть (inside)

осет. fārsk ‘ребро’ (Абаев, I 453, — с трактовкой как производное от слова fars ‘бок’ и иран. параллелиями). ~ груз. ретсхали ‘ребро’ < ₁₄₉₈ ПКарт. *resʔraH.

Одиночные заимствования, из которых интересны наименования ‘горла’ и ‘ребра’.

Тюркские заимствования

Голова (head)

осет. biṛiŋk / buṛunḳä (?) ‘клюв, нос, рыло; утес; мыс’ (Абаев I, 283). ~ ПТюрк. *buṛun ‘нос, морда, рыло’, которое приводится В.И. Абаевым как этимологическая параллель. Эта основа контаминирует с **осет.** biṛiŋk / biṛiŋkä ‘наконечник, кончик, острие’ при параллели ₅₂₇ ПДид.-₂₅₃ *biṛiḳi ‘репейник, колючка лопуха’. В результате этой контаминации появляется -ḳ- в анатомической основе. Причем остается неясной связь с согд. рг’упк ‘часть лица’, так что это может быть иран. основой, сконтаминировавшейся со словом ‘наконечник, острие’.

осет. boḞwirdaq ‘кадык’ / boḞurdaq ‘глотка’ (Абаев, I 265). < Кыпч. *boḞurdaq ‘кадык, горло’.

Таким образом, практически нет тюркских заимствований в этой сфере лексики. Из рус. языка с фонетическим освоением заимствованы čur: ‘чуб’ и venä ‘вена’. Неясным остается происхождение следующих основ:

«Покровы тела» (cover) — χäpiloj ‘нарыв’, «рука» (hand) — timbil-ḳux ‘кулак’ (первая часть), «голова» (head) — tenka ‘темя’, «внутренняя часть» (inside) — tap:uz ‘пузырь’, первая часть в χ^wilfä-zauma-tä ‘потроха, требуха, внутренности’,

«нога» (leg) — zävät ‘пятка’, «туловище» (torso) — (listäg) artän-tä ‘(тонкие) кишки’, g^wir ‘туловище’, дигор. qästä ‘живот (внешняя часть)’, tang ‘кишки’.

Семантическое поле «люди»

В данном поле анализируются этимологии слов, связанные с половозрастной характеристикой, что является очень важным для понимания социальных отношений как на уровне семьи, так и на уровне общества. Учитываются термины родства и свойства и актуальные на всех уровнях общественные термины. Данное поле имеет следующие подразделения: женщины (female), место жительства (land), свойство (как отношения через брак) (marriage), мужчины (masculine), общество (society). Эти термины в части случаев могут выступать в комбинациях. Для терминов родства актуальны поколения, и они получают номерную характеристику — 0 (совпадающее поколение), -1, -2 (более старшие поколения), +1, +2 (более младшие поколения), которая дается в квадратных скобках.

Ниже даются осет. слова, имеющие иран. этимологию, в разбивке по этим подгруппам (около 50 корней):

Женщины (female)

первая часть в činʒ:on čizg ‘девушка’, первая часть в sił-gojmag ‘женщина’, [+1] обе части в xärä-firt ‘племянница’, первая часть в xoji čizg ‘племянница’, [0] xo ‘сестра’, [-1] mad ‘мать’, mamä vos. ‘мать’, обе части в dik:ag mad ‘мачеха’, -xo ‘тетя’, [-2] обе части в stir mad ‘бабушка’. С добавочной пометой «свойство»: [+1] činʒ ‘невестка’, дигор. postä ‘невестка’, обе части в xo-dibd ‘золовка’, usi mad ‘теща’ (с возможной ПНах. параллелью), [0, +1] činʒ ‘сноха’, дигор. postä ‘сноха’. С добавочной пометой «общество»: xisaw ‘хозяйка’, обе части в fäs-zäwin ‘служанка’, вторая часть в läggad-gänäg ‘служанка’ (с первой ПНах. частью).

Место жительства (land)

bästä ‘страна’, qäw ‘село’, wing, qaw-wing ‘улица’.

Свойство (marriage)

обе части в *šɨŋz-äχsäv* ‘свадьба’, первая часть в *äm-siaχs* ‘свояк’ (со второй ПАК частью).

Мужчины (masculine)

первая часть в *näl-gojmag* ‘мужчина’, [+1] *fɨrt* ‘сын’, +*fɨrt* ‘племянник’, *täŋɨn* ‘отрок’, [+2] +*fɨrt* ‘внук’, обе части в *zänäzɨ-zänäg* ‘внук’, [+3] обе части в *baj-zäddag* ‘потомок’, [0] первая часть в *äfsɨmär / än-suvär* ‘брат’ (со второй ПНах. частью), *ärvad* ‘брат по роду’, [-1] *fɨd* ‘отец’, первая часть в +*fsɨmär* ‘дядя’ (со второй ПНах. частью), [-2] +*fɨd* ‘дед’, [-3] *fɨdäl-tä* ‘предок’. С добавочной пометой «женщины» — первая часть в *ud-gojmag* ‘человек’, [+1] *zänäg* ‘дитя’, обе части в *pog-g^wɨrd* ‘новорожденный’, [+3] обе части в *baj-zäddag* ‘потомок’. С добавочной пометой «свойство»: *idäz* ‘вдовый’, *minävag* ‘сват’, [-1] *χisaw* ‘свекор’. С добавочной пометой «общество»: *fɨsɨm* ‘хозяин’ (с ПНах. и ПЗК параллелями), *iskäjon* ‘слуга’, *χisaw* ‘хозяин’, обе части в *bɨn-dar* ‘наследник’ (с ПЛезг. параллелью), обе части в *fäs-zävɨn* ‘слуга’, вторая часть в *läggad-gänäg* ‘слуга’ (с первой ПЛак. частью).

Общество (society)

ärvad ‘родня’ (с добавочной пометой «свойство»), *ävdisän* ‘свидетель’, *saβag* ‘раб’, *saβajrag* ‘холоп’, *ɨmän* ‘друг’, *sɨzär* ‘сирота’, *wazäg* ‘гость’, *χästäg* ‘родня’ (с добавочной пометой «свойство»), *znäm* ‘племя’, обе части в *äm-gar* ‘друг’, *ärd-χord* ‘друг’, вторая часть в *χ^wɨm-gänäg* ‘крестьянин’ с первой ПДарг. частью), обе части в *zäχ-kusäg* ‘крестьянин’, [+1] *sävät* ‘дети’, *zäjs* ‘дети’, *zänäg* ‘дети’.

Остались неясными осет. соответствия для терминов: двоюродный, дружка, молодуха, пацан, простолюдин, свойственник.

Даргинские заимствования

Место жительства (land)

осет. *sɨχ / sinχ* (< **simχ*) ‘квартал’, *sɨχag / sinχon* ‘сосед’ (Абаев, III 215), не исключено, что в осет. тот же аффикс, что и в

словах gänaχ 'дом-крепость', zäχ: 'земля'. <₃₇₁ ПДарг.₁₁₇₆ *šim̄i, *šānə 'селение, село'.

Свойство (maggage)

осет. kajis / kajes (< *kajes) 'тесть и члены его рода' (Абаев, I 568, — «эвфемизм 'кто-есть', 'некто'»). <₂₄₅₂ ПДарг. *qəv̄eššij(nə) ~ *qüv̄eššij(nə), -š- 'родственник по свойству'.

осет. kurin (kʷird) / korun (kurd) (< *kor-/ *kur-) 'сватать', us-га-kurin 'жениться', us-gur 'жених' (Абаев, I 602, — без надежных иран. соответствий). <₁₇₀₈ ПДарг.₂₈₀₈ *kur'um 'невеста'.

осет. kajag 'жених', 'невеста', дериват от осет. kaj (< *kaj) 'чет; четный; пара'. У В.И. Абаева (I 618): «может быть, есть связь с χaj 'доля' с перебоем q || χ...». <₁₂₀ ПДарг.₃₁₇ *k̄ej- (-və ~ -ən) 'два'.

осет. moj / mojnä (< *mojnä) 'муж', mojag / 'жених'. По В.И. Абаеву (II 127, 128), «восходит к maпu- 'человек; мужчина'», что неверно. <₂₁₀₂ ПДарг. *majul ~ -' - 'муж; мужчины, мужи; человек'.

Мужчины (masculine)

осет. bädajnaγ (< *bädäniay) 'бравый, молодец (обычно о мальчике, юноше)', bädul / bädolä (< *bädolä) 'детеныш' (Абаев, I 243, 244, — с двумя нефонетичными этимологиями вида ma-da- и pa-t-). <₁₄₃₈ ПДарг.₂₄₅₃ *vaṭin 'козленок'. Ср. семантический переход в герм. языках 'козленок' > 'ребенок'.

осет. dada 'отец, дед' [-1, -2] (Абаев, I 341, — с кавказскими параллелями). <₉₁₂ ПДарг.₁₇₅₆ *dädeγ 'отец; дедушка'. Или ПАвар. *dada- 'отец, папа' (1120), ПЛак. *dada'- 'дед' (698).

осет. / läqʷän (< *läqön) 'юноша, мальчик, сын' [+1]. У В.И. Абаева (II 31, 32) этимология с делением слова и ассимиляциями. <₅₄₃ ПДарг.₃₀₇₈ *laq̄oju ~ -ä- 'колыбель'. Или ПАвар. *ʕcloʔ 'поколение, молодежь' с регулярным дериватом ʕoloqan-ab 'молодой, юный' (1400).

осет. saq 'молодец' (Абаев, III 32, 33, — с нечетким объяснением о контаминациях). <₂₄₅₅ ПДарг. *sāqə- 'осторожный;

бережливый'. Или ПНах. *saqe- 'наблюдательный, насто-
роженный', *saqevne 'присмотр, надзор; насто-
роженность, бдительность' (1696).

осет. / bɪc:ew (< *bɪz:ew) 'мальчик, малыш' [+1] (Абаев, I 260, —
с нефонетичными иран. и авар. сближениями). < ²⁴⁷⁶ПДарг.²⁸⁷⁷
*vɪʒɪn ~ b-, -ʒ- 'малолетка, ребенок'.

Общество (society)

осет. -gojmag (< *gõmiaɣ) во второй части сложных слов со
значением 'личность, лицо, человек', ud-gojmag 'человек',
näl-gojmag 'мужчина', sil-gojmag 'женщина' (Абаев, I 522). <
⁸¹⁴ПДарг.²⁶⁸¹ *gǝtõjǝ ~ -ɪ-, -ǝ- 'место сбора мужчин'.

осет. mɪg:ag / mug:ag (< mugiaɣ) 'порода, род; семя, семена'
восходит mɪg / mugä (< *mugä) 'сперма' (Абаев, II 137, — при-
влечение лат. mucus 'слизь'). < ³¹²ПДарг.⁵⁶⁴ *mäjyǝ(n) 'пот'.

осет. χ^wim-gänäg 'крестьянин' является прозрачным дерива-
том от χ^wim / χumä (< *χumä) 'пашня, поле' (Абаев, IV 261). <
⁵⁹⁵ПДарг.⁶²⁸ *qumɪ 'поле (участок для земледелия)'.

Интересно большое количество заимствований связан-
ных с терминами по свойству, причем здесь присутствует
и наименование «мужа». Также интересен синхронно суф-
фиксальный элемент, обозначающий человека. Он является
именем деятеля, образованным от названия 'места сбора
мужчин, годекана, форума'.

Нахские заимствования

Женщины (female)

осет. gɪc:ɪl ʕɪzɔg 'девочка' [+1] в первой части gɪc:ɪl / gic:ɪl (< *gɪz:ɪl)
'маленький', балк. giçi, kiç:i, giç:e 'маленький' (I 528, — «дет-
ское слово»). < ¹²⁹⁸ПНах.²⁴¹¹ *kɛzʔɛj-ge dim. 'мало, немного'.

осет. papa voc. 'мама; бабушка' [-1, -2] (Абаев, II 155). < ³⁰³ПНах.
*panɛv 'мама; бабушка'.

осет. us (usɪ-tä) / os (osti-tä) 'женщина; жена' [0] > груз. uso
'почетная женщина среди простолюдинок' (Абаев, IV 20, —

с др.-инд. сравнением *uoʃit* ‘женщина’). Дериваты и словосочетания: *usag* ‘невеста’, *us-gur* ‘жених’, *usi mad* ‘теща’, *us ra-kurġin* ‘жениться’. ~₁₂₇ ПНах.₄₆₈ **wstuvŋo* ‘жена, женщина; княгиня’.

Место жительства (land)

осет. *wätär / wotar ~ wotär* (< **ʔtär*) ‘пастушья стоянка с жилым помещением и загоном для скота, кош’ (Абаев, IV 99, — трактовка как тюркизм). <₂₁₇₁ ПНах.₂₅₈₉ **ʔtvaro -moj* ‘сарай, навес; хутор; веревя’.

Свойство (marriage)

осет. *binon-tä pl. / bijnon* (< **beniõn-*) ‘семья’, *binojnag /* (< **benioniay*) ‘домашний; домочадец; невеста, жена, супруга’ [0] (Абаев, I 261, — как дериват от *bin / bun* ‘дно, низ’, что не проходит по корневому гласному). <₁₄₂₁ ПНах.₂₄₀₃ **bʕenev -j* ‘гнездо; берлога’.

Мужчины (masculine)

осет. *baba* ‘дедушка, папа’ [-2, -1] (Абаев, I 229, — сравнение с картв.). <₂₈₅ ПНах. **bavə-* ‘дед, дедушка’. Или лучше ПЛезг. **vovoj* ‘отец; дед’ (538). Мерр. *baba* ‘дед’ не соответствует груз. *բაբა*.

осет. *saq* ‘молодец’ (Абаев, III 32, 33, — с нечетким объяснением о контаминациях). <₁₆₉₆ ПНах. **saqe-* ‘наблюдательный, настороженный’, **saqevne* ‘присмотр, надзор; настороженность, бдительность’. Или ПДарг. **säqə-* ‘осторожный; бережливый’ (2455).

осет. *äfsimär / än-suvär* ‘брат’, *sivällon* ‘ребенок, дитя’ — дериваты от *sivär / suvär* (< **suvär*) ‘матка’ (Абаев, III 213, 214, — с делением основы и корневой этимологией). <₁₈₁₉ ПНах.₇₀₉ **šuvere* ‘роженица’ > бацб. "šubɕr.

Общество (society)

осет. *äx:ʷirst* ‘слуга’, дериват от осет. *äx:ʷirsin* (*äx:ʷirst*) / *änxʷärsun* (*änxʷarst*) (< **äm-χors-*) ‘нанимать; гнать’ (Абаев,

I 225, — с нефонетичной внутренней этимологией). <²⁵³¹ ПНах. *qerste- ‘побродить, походить; шататься, слоняться; скитаться; охотник’.

осет. / çädäx ‘дети, детвора, ребята’ (нет у В.И. Абаева). <²⁵⁸⁵ ПНах. *çovdoro ‘недоразвитый ребенок’.

осет. fisim / fusun (< *fusum) ‘хозяин в отношении гостя’ (Абаев, I 502, — авест. fšūmant- ‘владелец скота’). >¹⁴⁹¹ ПНах. *husHomo ‘дом, жилье, приют; хозяин’. При ПЗК *abəš^wəmo ‘хозяин (для гостя)’ (979) и сван. rusd ‘господин’.

осет. qäbul / qäbolä (< *Gäbolä) ‘дитя’ [+1] (Абаев, II 278, — сравнение с балканскими словами рум. soril ‘дитя’, ново-гр. korēli ‘парень’, korrella ‘девочка’, алб. koril ‘парень’, болг. копелак ‘мальчишка’), ср. также осет. qiril / qiril ‘детеныш’ (Абаев, II 320). <³⁰⁰⁰ ПНах. *qabo- ‘кормить, содержать’.

Присутствуют названия женщин, «семьи». Фактически нет наименований «мужчин», но есть интересные термины для «детворы, детей».

Аварские заимствования

Женщины (female)

осет. čizg / kizgä ‘девочка, девушка, дочь’ [+1], xoji čizg ‘племянница’ (Абаев I 614, — «заимствование из тюрк. qiz, когда в осет. не было звука q»). <¹⁰⁸ ПАвар. *qizamə? ‘семья, семейство; жена, супруга; дитя, ребенок’.

Мужчины (masculine)

осет. dada ‘отец, дед’ [-1, -2] (Абаев, I 341, — с кавказскими параллелями). <¹¹²⁰ ПАвар.¹⁷⁵⁶ *dada- ‘отец, папа’. Но лучше ПДарг. *dädcv ‘отец; дедушка’ (912). Ср. ПЛак. *dada’- ‘дед’ (698).

осет. läp:u / läp:o (< *läb:o) ‘мальчик, парень, юноша, отрок, сын’ [+1], läp:in / ‘детеныш, птенец’ (Абаев, II 30, — без этимологии). <²⁷⁵ ПАвар.³⁵ *ləb?ə ‘обращение к мужчине; бодрый,

проворный, подвижный; доблестный, мужественный'. Ср. Парч. *lɛrɔg- 'козленок (самец)' (475).

осет. / lăqʷän (< *lăqöŋ) 'юноша, мальчик, сын' [+1]. У В.И. Абаева (II 31, 32) этимология с делением слова и ассимиляциями. < ¹⁴⁰⁰ПАвар.₂₆₉₈ *ɣclɔʔ 'поколение, молодежь' с регулярным дериватом ɣoloqan-ab 'молодой, юный' (1400). Или ПДарг. *lăqɔju ~ -ä- 'колыбель' (543).

Отмечены только экспрессивно окрашенные (по крайней мере, исторически) наименования представителей на поколение моложе, т. е. «девочки» и «мальчика».

Лакские заимствования

Мужчины (masculine)

осет. dada 'отец, дед' [-1, -2] (Абаев, I 341, — с кавказскими параллелями). < ⁶⁹⁸ПЛак.₁₇₅₈ *dada'- 'дед' (698). Но лучше по набору значений ПДарг. *dădɔv 'отец; дедушка' (912). Ср. ПАвар. *dada- 'отец, папа' (1120).

осет. lăg / lăg 'мужчина; муж; человек' (Абаев, II 19, — со смешением разных кавказских основ, включая слово 'раб'), lăggag (< *lăgiag) 'молодчина, молодец', lăggad-gănăg 'слуга, служанка'. < ¹²⁸ПЛак.₂₆₈₆ *lagwɔr, *lagu- 'лак, лакец' или зап.-кавк. ПАТ *lăg 'мужчина' (97).

Источник наименования для нейтрального термина «мужчина».

Западнокавказские заимствования

Женщины (female)

осет. äfsin / äfsijnä 'хозяйка; свекровь', балк. apsin ~ afsin 'золовка' (Абаев, I 110, 111, — с натянутой иранской этимологией, предполагающее значение «обитатель»), венг. aszszony 'женщина'. Основа с окаменелым показателем отыменного прилагательного. < ¹⁸⁵⁷ПЗК *apsyi 'владыка, князь; свекор'.

Свойство (marriage)

осет. siaɣs ‘зять’, äm-siaɣs ‘свояк’ (Абаев, III 101). < ПАК *se:-wo ‘новобрачный; юноша’ в ³⁰⁵ПЗК *се- ‘сноха, невестка, невеста’. Во второй части осет. основы может быть архаичное сохранение слова ‘князь’ -ɣs (см. Абаев, IV 236). Это вполне подтверждается омонимией жениха и правителя во многих языках Кавказа, а также осет. поговоркой — siaɣs, dam, äldar wu «зять, говорят, это князь».

Мужчины (masculine)

осет. läg / läg ‘мужчина; муж; человек’ (Абаев, II 19, — со смешением разных кавказских основ, включая слово ‘раб’), läggag (< *lägiag) ‘молодчина, молодец’, läggad-gänäg ‘слуга, служанка’. < ⁹⁷ПАТ ²⁶⁸⁶*lög ‘мужчина’ или ПЛак. *lagwɯr, *lagu- ‘лак, лакец’ (128).

Общество (society)

осет. fɨsɨm / fusun (< *fusum) ‘хозяин в отношении гостя’ (Абаев, I 502, — авест. fšūmant- ‘владелец скота’). > ПЗК *abəš^wəmo ‘хозяин (для гостя)’ (979). Ср. ПНах. *husHomo ‘дом, жилье, приют; хозяин’ (1491) и сван. rUSD ‘господин’.

осет. / unäwt ‘служанка’ (Абаев, IV 17). < ⁴¹⁰ПЗК ¹³⁴⁴*ɣuna ‘дом; комната; домашний очаг’, ПАК *wuna, и ³³⁹ПАК *ɣutan ‘стоять у’.

осет. zɨllä ‘народ’ (Абаев, I 405). < ПАК *žila ‘селение, народ, массы; семя, семена’ в ¹⁴⁶ПЗК ¹⁵⁵⁰*ž^hlā ‘вместе жить, быть’.

Немногочисленные термины, отчасти связанные со свойством. Как правило, они имеют ПАК источник.

Из арабизмов используются adäm ‘народ’, adäjmag ‘человек’, sabi ‘малыш, ребенок, дитя’. Неясными остаются gɨ:ɨ ‘мама’, ɣäzär ‘дом, жилище’, ɣäzärad ‘хозяйство’ (с возможной семитской параллелью), -zɨnad в kais-zɨnad ‘свойство’.

Наибольшее количество лексики поля «тело» обнаруживается в даргинской и нахской ветвях северокавказских языков, что еще раз указывает на интенсивность контактов предков осетин с этими народами. Характерно, что дарг. соответствия имеют такие слова как ‘оперение, пух’, ‘волосая коса’, ‘рука’, ‘шея’, ‘рот’ (?), ‘женская грудь; сосок; кормилица’. Кроме того, были заимствованы внутренние части тела, которые имеют съедобный или почти съедобный характер. Это может быть связано с одновременным переходом на новую диету питания. Среди нахских параллелей обнаруживается несколько слов, имеющих специфически бацб. звуковой облик (‘кожа, шкура’, ‘матка’). Показательными являются усвоенные названия некоторых внутренних органов (‘селезенка’, ‘книжка желудка’, ‘матка’) и нейтрального ‘живота’ при почти полном отсутствии наименований частей конечностей (рук и ног). Другие языки отражают периферийную лексику — из аварского источника заимствовались редкие основы, связанные с телесными выделениями, андийская лексика связана с характеристикой покровов тела, частями головы и пищеварительным трактом, цезско-дидойская — с экспрессивными названиями лица и горла. Из лезгинских языков заимствовано довольно мало основ, но они выделяются тем, что среди этой лексики присутствуют нейтральные названия для ‘руки’ и ‘ноги’, а также названия таких важных частей тела как ‘затылок’, ‘голень’, ‘пищевод’. Западнокавказские языки дали довольно малое количество заимствований, хотя наименования ‘шеи’, двух терминов для ‘бороды, усов’ и ‘носа’ могут указывать на отличающийся внешний облик носителей этих языков. Практически не отмечены заимствования из других языковых семей.

В семантическом поле «люди» заимствованных основ не так много. Но, в отличие от предыдущего поля, такая лексика довольно сильно связана с культурными характеристиками. Заимствования из даргинского источника связаны с брачными отношениями, и среди них присутствует слово

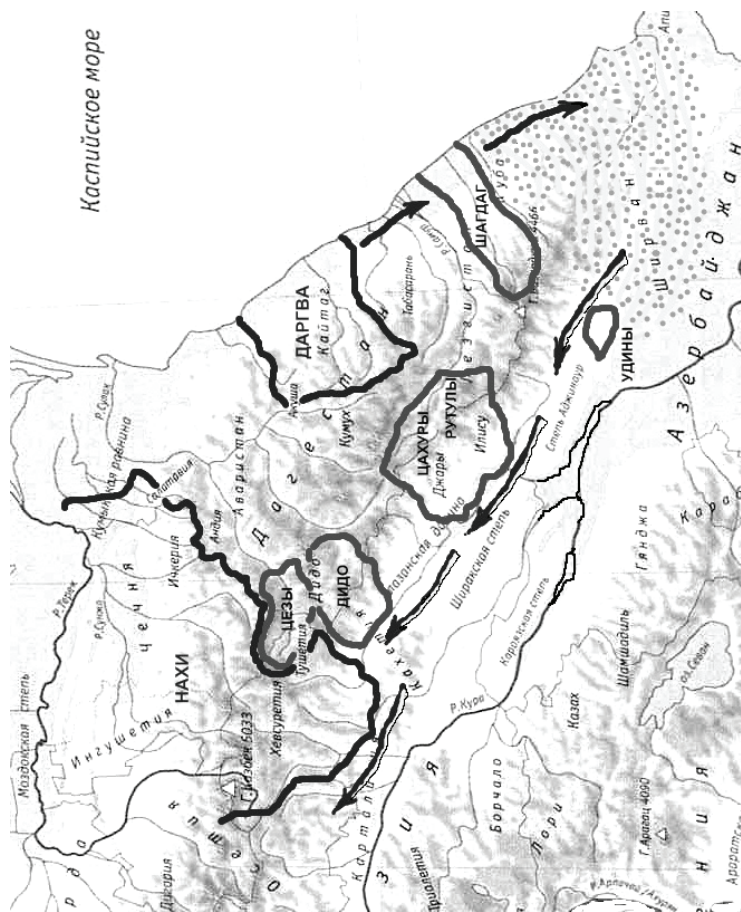
‘муж’. Также из ПДарг. источника заимствовано слово, являющееся обращением к отцу и деду. Старое нейтральное наименование ‘человека’, сохранившееся в осет. в виде несвободной основы -gojtag, буквально значило «тот кто присутствует на сельском форуме, годекане». Не случайно, что название ‘квартала селения’, где обычно живут близкие родственники, также заимствовано из ПДарг. Контрастирует с этим заимствованная нахская лексика. В ней присутствуют названия ‘жены’, ‘семьи’, ‘детей’ и обращение к маме-бабушке. Можно сделать вывод, что в смешанных браках во время контактов с предками даргинцев, последние брали жен из носительниц ранне-осетинского языка, а в смешанных браках с нахами, наоборот, предки осетин брали нахских, а потом и адыгских жен. Ср. заимствованные из адыгских языков термины для понятий ‘хозяйка’, ‘зять’. Из андийских, аварских и цезско-дидойских языков практически нет заимствований. Лишь первоначально экспрессивные наименования представителей младшего поколения (‘юноша, отрок’, ‘девушка, девочка’) попадают в осет. язык из аварского источника. Может быть, это было связано с аталычеством, системой взятия детей как заложников и их воспитания в другой семье. Т. е. институт аталычества практиковался между предками осетин по отношению к аварским горным обществам.

В целом, набор лексики, нашедшей кавказские этимологии, который был опубликован в предыдущих статьях, характеризуется сопоставимым количеством многочисленных заимствований из двух источников — из нахской и из даргинской подгруппы. Причем первый источник не вызывает вопросов, т. к. известно о контактном проживании нахского и осетинского этносов, по крайней мере, на протяжении последних полутора тысячелетий. Со второй языковой подгруппой описанных специфических контактов не наблюдается. Но лексика, пришедшая из даргинских языков, сохраняется как в иронском, так и в дигорском материале.

Также можно сказать по спектру значений, что даргинский пласт является более древним, отражающим основные понятия, в отличие от нахского пласта, где в большинстве случаев представлены специфические или периферийные термины (ср., например, семантическое поле «горы и горно-рудный промысел»). Стоит отметить, что общее число параллелей, исчисляемое в ПДарг. почти в 500, а в ПНах. — 450 схождений, характерно только в случае ассимиляции иноязычного этноса с сохранением традиционной специфической культурной терминологии. Это может указывать на наличие представительного даргинского этноязыкового компонента среди ранних предков осетин, впоследствии перешедшего на иранский осетинский язык.

С другими языковыми подгруппами севернокавказских языков контактов было на порядки меньше. Наиболее показательны контакты с цезско-дидойскими и лезгинскими языками в противоположность малому числу заимствований из аварского и лакского языков. В первую очередь на себя обращает внимание отдаленность этих языков от равнинной (степной) зоны, доступной кочевникам. Чтобы попасть в район современного расселения цезских и дидойских народов необходимо пройти или через весь андийский языковой ареал, в первом случае, или через аварские земли по реке Аварское Койсу. Из этой языковой общности заимствованы такие показательные слова как *sän* 'вино', *zīg^wim* 'мякина', *zīgi-zīgi* обращение к козам и даже глагол *säbdin* 'ковать'. К тому же, только в осет. лексике находит этимологию название горного сообщества Анцух (груз. фамилия ანჭუხელოძე *Ančuxeli-ze*), которое включало в себя группу особых аварских диалектов по верхнему течению Аварского Койсу и дидойские языки. Это прозрачное собственно осет. образование ирон. *ämzix* / дигор. *änčux*, *ämčux* 'единогласие, согласие', что указывает на присутствие осет. компонента во время складывания этого политического объединения.

Обращает на себя внимание представительный набор параллелей из южнолезгинских (шагдагских) языков и из самой западной цахурско-рутульской ветви лезгинских языков. К тому же, несмотря на не очень большое количество заимствований, в данном наборе лексики присутствуют следующие важные понятия, вошедшие в осетинский язык, — *dur* ‘камень’, *qäj* ‘сланец’, *zmis* ‘песок’, *ärx^wi* ‘медь’, *bälas* ‘дерево’, *didinäg* ‘цветок’, *sim* ‘кизил’, *tirtı* ‘барбарис’, *qul* ‘стена’, *miχ* ‘кол’, *k^wig* ‘молодой бык’, *fiγ* ‘баран-производитель’, *bäχ* ‘лошадь’, *säb* ‘коза’, *qaχ* ‘нога’, *χäcäf* ‘голень’, *qäbut* ‘затылок’, *kas* ‘каша’. Их употребительность и более или менее нейтральная семантика заставляет думать, что это была самая первая контактная зона осетинского с северокавказскими языками. Таким образом, предки осетин, находившиеся в Северной Атропатене в зоне контакта с лезгинскими народами, получили даргинское этноязыковое влияние и двинулись на Север к южной части Кавказских гор вдоль реки Алазань, где у них были контакты с западными лезгинами, цезами, дидойцами и нахами. Переход осетинского населения через Кавказский хребет происходил позднее и не только через Дарьяльский проход. Еще позднее произошло освоение Предкавказской равнины, на что может указывать рассмотренная коневодческая лексика и довольно малое количество адыгской лексики. Иным способом представить проникновение северокавказской лексики из разных подгрупп в общий фонд осетинского языка не удастся.

Предполагаемый путь миграции части даргинцев и предков осетин.

Сокращения

caus.	каузатив
dim.	уменьшительное, диминутив
dur.	длительный вид
pl.	множественное число
sg.	единственное число
абх.	абхазский
авар.	аварский
авест.	авестийский
адыг.	адыгский
анд.	индийский
араб.	арабский
арм.	армянский
арч.	арчинский
афг.	афганский
балк.	балкарский диалект
бацб.	бацбийский
булг.	булгарский
венг.	венгерский
вост.	восточный
греч.	греческий
груз.	грузинский
дарг.	даргинский
дет.	детское
диал.	диалектное
дигор.	дигорский диалект (язык)
др.-	древне-
зап.	западный
инг.	ингушский
инд.	праиндийский, древне-индийский
иран.	праиранский
ирон.	иронский диалект (язык)
каб.	кабардинский
кар.-балк.	карачаево-балкарский
карач.	карачаевский диалект

картв.	кارتвельский
кыпч.	кыпчакский
лак.	лакский
лезг.	лезгинский
лечх.	лечхумский диалект
лит.	литературный
мегр.	мегрельский
мундж.	мунджанский
нах.	нахский
огуз.	огузский
осет.	осетинский
охотн.	охотничий (тайный язык)
ПАвар.	прааварский
ПАК	праадыго-кабардинский, праадыгский
ПАнд.	праандийский
парф.	парфянский
ПАрч.	праарчинский
ПАТ	праабхазо-тапанский
ПБулг.	прабулгарский
ПГЗ	прагрузинско-занский
ПДарг.	прадаргинский
ПДид.	прадидойский
перс.	персидский
ПЗК	празападно-кавказский
ПКарт.	пракартвельский
ПКыпч.	пракыпчакский
ПЛак.	пралакский
ПЛезг.	пралезгинский
ПНах.	пранахский
ПСК	прасеверно-кавказский
ПТюрк.	пратюркский
ПХин.	прахиналугский
ПЦД	працецеско-дидойский
ПЦез.	працецеский
рач.	рачинский (рачский) диалект
рус.	русский

рутул.	рутульский
сван.	сванский
слав.	славянский
совр.	современный
тюрк.	тюркский
убых.	убыхский
удин.	удинский
удм.	удмуртский
хварш.	хваршинский
хевс.	хевсурский
хотан.	хотано-сакский
цах.	цахурский
чеч.	чеченский
чув.	чувашский
южн.	южный

Библиография

Абаев В.И. Историко-этимологический словарь осетинского языка. Т. I. Москва–Ленинград, 1958.

Абаев В.И. Историко-этимологический словарь осетинского языка. Т. II. Ленинград, 1973.

Абаев В.И. Историко-этимологический словарь осетинского языка. Т. III. Ленинград, 1979.

Абаев В.И. Историко-этимологический словарь осетинского языка. Т. IV. Ленинград, 1989.

Абаев В.И. Историко-этимологический словарь осетинского языка, Указатель. Москва, 1995.

Абаев В.И. Об аланском субстрате в балкаро-карачаевском языке // Материалы научной сессии по проблеме происхождения балкарского и карачаевского народов. Нальчик, 1960.

Абаев В.И. Осетинский язык и фольклор. Т. I. Москва–Ленинград, 1949.

Абаев В.И. Русско-осетинский словарь. Москва. 1970.

Алироев И.Ю. Сравнительно-сопоставительный словарь отраслевой лексики чеченского и ингушского языков и диалектов. Махачкала, 1975.

Гуриев Т.А. (ред.) Осетинско-русский словарь. Владикавказ, 2004.

Мудрак О.А. Даргинские основы. Т. 1, 2. Москва, 2016.

Мудрак О.А. Кавказизмы в осетинском языке (фонетическая адаптация, разбор семантического поля), Родной язык. 2014, 1 (2).

Мудрак О.А. Кавказизмы в осетинском языке (разбор семантических полей «скот», «коневодство»), Родной язык. 2016, 2 (5).

Мудрак О.А. Кавказизмы в осетинском языке (разбор семантических полей «оружие», «горы и горный промысел», ткани, одежда»), Родной язык. 2017, 1 (6).

Таказов Ф.М. Дигорско-русский словарь. Владикавказ, 2003.

Этимологическая база данных аварского языка (avaret более 3300 этимологий).

Этимологическая база данных андийских языков (andet более 2500 этимологий).

Этимологическая база данных арчинского языка (avaret более 1800 этимологий).

Этимологическая база данных даргинских языков (darget более 3100 этимологий).

Этимологическая база данных западно-кавказских языков (abadet более 3800 этимологий).

Этимологическая база данных картвельских языков (kartet около 1700 этимологий).

Этимологическая база данных лакского языка (laket более 2600 этимологий).

Этимологическая база данных лезгинских языков (lezget более 3300 этимологий).

Этимологическая база данных нахских языков (naxet более 3000 этимологий).

Этимологическая база данных северно-кавказского языка (sauket около 3100 этимологий).

Этимологическая база данных цезских и дидойских языков (cezet около 2300 этимологий).

References

Abaev V.I. Istoriko-etimologicheskii slovar' osetinskogo yazyka. V. I. Moskva–Leningrad, 1958. (In Russ.)

Abaev V.I. Istoriko-etimologicheskii slovar' osetinskogo yazyka. V. II. Leningrad, 1973. (In Russ.)

Abaev V.I. Istoriko-etimologicheskii slovar' osetinskogo yazyka. V. III. Leningrad, 1979. (In Russ.)

Abaev V.I. Istoriko-etimologicheskii slovar' osetinskogo yazyka. V. IV. Leningrad, 1989. (In Russ.)

Abaev V.I. Istoriko-etimologicheskii slovar' osetinskogo yazyka. Ukazatel'. Moskva, 1995. (In Russ.)

Abaev V.I. Ob alanskom substrate v balkaro-karachaevskom yazyke // Materialy nauchnoi sessii po probleme proiskhozhdeniya balkarskogo i karachaevskogo narodov. Nal'chik, 1960. (In Russ.)

Abaev V.I. Osetinskii yazyk i fol'klor. V. I. Moskva–Leningrad, 1949. (In Russ.)

Abaev V.I. Russko-osetinskii slovar'. Moskva, 1970. (In Russ.)

Aliroev I.Yu. Sravnitel'no-sopostavitel'nyi slovar' otraslevoi leksiki chechenskogo i ingushskogo yazykov i dialektov. Makhachkala, 1975. (In Russ.)

Etimologicheskaya baza dannykh avarskogo yazyka (avaret bolee 3300 etimologii). (In Russ.)

Etimologicheskaya baza dannykh andiiskikh yazykov (andet bolee 2500 etimologii). (In Russ.)

Etimologicheskaya baza dannykh archinskogo yazyka (avaret bolee 1800 etimologii). (In Russ.)

Etimologicheskaya baza dannykh zapadno-kavkazskikh yazykov (abadet bolee 3800 etimologii). (In Russ.)

Etimologicheskaya baza dannykh kartvel'skikh yazykov (kartet okolo 1700 etimologii). (In Russ.)

Etimologicheskaya baza dannykh lakskogo yazyka (laket bolee 2600 etimologii). (In Russ.)

Etimologicheskaya baza dannykh lezginskikh yazykov (lezget bolee 3300 etimologii). (In Russ.)

Etimologicheskaya baza dannykh nakhsikh yazykov (naxet bolee 3000 etimologii). (In Russ.)

Etimologicheskaya baza dannykh severno-kavkazskogo yazyka (cauket okolo 3100 etimologii). (In Russ.)

Etimologicheskaya baza dannykh tsezskikh i didoiskikh yazykov (cezet okolo 2300 etimologii). (In Russ.)

Guriev T.A. (red.) *Osetinsko-russkii slovar'*. Vladikavkaz, 2004. (In Russ.)

Khudovatev A. *Armyano-russkii slovar'*, sostavlennyy po leksikonu izdannomu v Venetsii, Part 1, 2, Moskva, 1838. (In Russ.)

Mudrak O.A. *Darginskie osnovy*. V. 1, 2. Moskva, 2016. (In Russ.)

Mudrak O.A. *Kavkazizmy v osetinskom yazyke (foneticheskaya adaptatsiya, razbor semanticheskogo polya)* // *Rodnoi yazyk*. 2014, 1(2). (In Russ.)

Mudrak O.A. *Kavkazizmy v osetinskom yazyke (razbor semanticheskikh polei «skot», «konevodstvo»)* // *Rodnoi yazyk*. 2016, 2(5). (In Russ.)

Mudrak O.A. *Kavkazizmy v osetinskom yazyke (razbor semanticheskikh polei «oruzhie», «gory I gornyi promysel», tkani, odezhd») // Rodnoi yazyk*. 2017, 1(6). (In Russ.)

Takazov F.M. *Digorsko-russkii slovar'*. Vladikavkaz, 2003. (In Russ.)

Олег Алексеевич Мудрак

Институт языкознания РАН

Институт восточных культур и античности, РГГУ

Институт классического Востока и античности ВШЭ

Москва, Россия

Oleg Alekseyevich Mudrak

Institute of Linguistics at the Russian Academy of Sciences

Institute for Oriental and Classical Studies,

Russian State University for Humanities

Institute for Oriental and Classical Studies,

Higher School of Economics

Moscow, Russia

omudrak@yahoo.com

Форкер Д., Гаджимурадов Г.А. Санжинские сказки и рассказы. С приложением санжинско-русского и русско-санжинского словарей. [Махачкала:]

Типография А4, [2017]. — 562 с., илл.

***Sanzhi Dargwa Folk Tales and Stories,
with Sanzhi-Russian and Russian-Sanzhi Dictionaries
by D. Forker and G.A. Gadzhimuradov. Makhachkala
[2017]. — 562 p., ill.***

В 2017 г. была опубликована книга, в которой впервые представлены тексты и словарные материалы на одном из идиомов даргинской группы — санжинском.¹ Составителями книги стали известный немецкий кавказовед, профессор Института славянских языков и исследований Кавказа при Йенском университете Диана Форкер и санжинец Гаджимурад Гаджимурадов, проживающий в Дагестане.

Селение Санжи, говор которого представлен в книге, в настоящее время не существует. Оно находилось в Дахадаевском районе Республики Дагестан, в труднодоступном горном уголке, куда в свое время не было проведено ни электричество, ни радиосвязь, ни газ; отсутствовала и автомобильная дорога. В конце 1960-х гг. санжинцы были переселены на прикаспийскую равнину и стали жить в поселке Дружба Каякентского района. От самого села остались лишь развалины, и сейчас эта территория входит в состав природного парка «Ицари», созданного в 2011 г. В селении Ицари, ныне также почти заброшенном, говорили на еще одном одноаульном даргинском идиоме — ицаринском, к которому санжинский,

¹ Книга доступна онлайн на сайте Academia.edu [<https://www.academia.edu/32024118/>].

по всей видимости, наиболее близок.² Ицаринский даргинский ранее изучался (см. прежде всего диссертацию [Муталов 1992] и грамматику [Sumbatova, Mutalov 2003]), однако мало что было известно про санжинский.

Опубликованная книга стала одним из результатов проекта по изучению санжинского говора, которым в последние годы руководит Диана Форкер. В данном издании представлены только тексты на этом идиоме и словари — санжинско-русский и русско-санжинский; грамматического очерка книга не содержит. Особенностью сборника является то, что запись санжинского в ней представлена в кириллической графике (не в транскрипции на латинской основе), а морфологический разбор предложений (глоссирование) отсутствует. Тем самым, книга в значительной степени предназначена именно для самих санжинцев, поскольку они легко смогут знакомиться с ней, владея орфографией литературного даргинского языка. Можно, однако, не сомневаться, что в свое время научному сообществу будет представлено и полное грамматическое описание санжинского, а также тексты с поморфемным разбором.

Остановимся подробнее на содержании книги. Помимо небольшого предисловия, в котором авторы выражают благодарность всем тем, кто содействовал работе над книгой, имеется краткое Введение (с. 7–10) с общими сведениями о санжинцах и их селе. Почти треть книги (с. 11–156) занимают тексты, сгруппированные по жанрам: сказки (их восемь), анекдоты (их больше всего — шестнадцать), бытовые рассказы (их семь), а также игры, рецепты и стихи. В текстах каждая фраза приводится по-санжински (в кириллической орфографии), а под ней дается литературный русский перевод. После названия текста указано имя и фамилия, а также год рождения рассказчика. При некоторых текстах вместо

² Так, в классификации даргинских языков, представленной в [Жорьяков, Сумбатова 2007], выделяется санжи-ицаринской диалект, относящийся к южной группе даргинских диалектов.

указания на рассказчика приводится имя переводчика (например, «Перевод Гаджимурада Гаджимурадова»), однако без дополнительного пояснения остается неясным, в каком смысле текст является переводом и каков в этом случае его источник. Возможно, речь идет об известных фольклорных сюжетах, не специфичных для санжинцев — так, среди сказок в книге встречаются истории о состязании в беге зайца и черепахи, об осле и отказавшемся взять часть его груза коне, о выяснении между конем, волком и лисой, кто старше и т. п. Некоторые из рассказов представлены в двух вариантах, рассказанных разными носителями. Стоит отдельно упомянуть входящий в «Анекдоты» цикл рассказов о Гасанали — знаменитом санжинском шутнике, своего рода местном «Молле Насреддине».

Заметим, что отнесение некоторых из текстов к определенному жанровому разделу кажется неоднозначным. Так, текст «Кто счастливее всех?» о двух друзьях, у одного из которых было сто коз, а у другого — сто друзей, включен в раздел «Сказки», хотя вряд ли является таковой. С другой стороны, один и тот же сюжет, в котором жена уговаривает мужа не ссориться с кунаком, посадившем их детей в сундук (что стало причиной гибели одного ребенка), в одном из вариантов помещен в «Анекдоты» («Гасанали и Амиргамза — кунаки»), а в другом — в «Бытовые рассказы» («Сила куначества»).

Санжинско-русский (с. 158–341) и русско-санжинский (с. 344–561) словари занимают основной объем книги. Количество слов, представленное в них, в книге не оговаривается, однако по нашим подсчетам оно составляет около 5000 слов для каждого из словарей. Содержательно они представляют собой скорее словники, т. е. списки слов: для каждого санжинского слова приводится русский эквивалент (один или несколько, через запятую), для многозначных слов под разными цифрами перечисляется несколько значений. Другой информации, такой как часть речи, диагностические формы

или тип склонения/спряжения, примеры употребления, идиоматичные сочетания и пр., словари не содержат.

В конце книги приводятся фотографии санжинцев и видов села в прошлом и настоящем.

Переходя к общей оценке книги, еще раз подчеркнем, что особенности ее оформления и представления языкового материала, по всей видимости, связаны с тем, что издание предназначено не для узкого круга специалистов, но в значительной степени для самих носителей санжинского говора (хотя в самой книге это и не оговаривается). При этом двуязычный характер издания, т. е. наличие русского перевода, делает его в равной степени доступным и для всех тех, кто не владеет санжинским, но интересуется языком, фольклором и лексикой санжинцев. Такой подход к представлению материала стоит только приветствовать: нередко бывает так, что свои исследования, в т. ч. тексты на бесписьменных языках, лингвисты оформляют лишь в виде академических монографий, предназначенных именно для научной аудитории (стандартное представление таких текстов в таком случае — в латинской транскрипции и с морфемным членением). Редким исключением являются случаи, когда издание существует в двух видах — для специалистов-лингвистов и для более широкой аудитории.³

Оборотной стороной неакадемичности, «неформальности» санжинского сборника является отсутствие в нем некоторой информации, которую хотелось бы видеть в книге такого рода. К сожалению, отсутствует указание на место и год издания книги, а также ISBN. Не говорится о самом проекте, результатом которого явился данный сборник. Что более

³ В этой связи можно упомянуть арчинско-русский словарь [Чумакина и др. 2007], который был издан в кириллице, однако в онлайн-издании [Chumakina et al. 2007] существует возможность выбрать для просмотра как кириллический вариант с русским переводом, так и англоязычную версию, использующую международную латинскую транскрипцию.

важно с практической точки зрения — никак не оговаривается используемая в книге кириллическая графика. Можно предполагать, что по умолчанию в санжинском представлена фонологическая система, идентичная литературному даргинскому, и соответственно санжинская письменность не нуждается в дополнительных графемах или орфографических конвенциях, однако про это стоило бы сказать более эксплицитно (или хотя бы привести отдельно используемый санжинский алфавит).

Некоторые вопросы вызывает и оформление словаря. Так, в санжинско-русской части все слова идут общим алфавитным списком, без подразделов, соответствующих начальной графеме. Слова с начальными К, КІ, КК или П, ПІ, ПП и т. п., представляющими собой разные графемы (для обозначения, соответственно, глухой, абруптивной и интенсивной фонем), также представлены в виде единого смешанного списка, что кажется не вполне корректным — в этом случае получается, что слова с начальным К или П идут и до, и после слов с другой начальной графемой.

Заглавные буквы в словаре не используются, что приводит к тому, что с малой буквы записываются имена собственные, в т. ч. топонимы (ср. *акуша*, *аваристан*, *грузия*, *лакия*, *коран* и мн. др.). В русско-санжинской части обращает на себя внимание произвольность выбора совершенного vs. несовершенного вида в качестве исходной формы глагола; ср., например, идущие подряд словарные статьи *прибавлять*, *прибить*, *приблизиться*, *приблизить*, *прибывать*, *прибыть*, *привести*, *приветствовать*, *привить* (бот.) и т. п. Некоторые статьи (например, *скорлупа*, *аплодировать*, *виноград*, *привить* (бот.) и др.) приводятся дважды подряд. Иногда в русско-санжинской части одно и то же слово встречается дважды в разных местах, например, *луккур* как *каменный каток для земляной крыши* и как *каток (для глиняной крыши)*. Это связано, в частности, с тем, что переводные эквиваленты, включающие прилагательное, как правило, идут по алфавиту

именно по первому слову, ср. *большой город, большой палец, глазной гной, глиняный горшок, глиняный пол* и т. п. (то же касается и предложных сочетаний: так, в начале списка на букву «в» идут сочетания *в годах, в горле, в дальнейшем, в два цвета животное* и пр.).

Некоторые входы русской части представляют собой слова в форме, отличной от именительного падежа ед. ч., например *бинокли, вдетые, возжелая, вышло (вес), живым, запомятовал, изнаночную, откосом, слабеет* и др. Иногда в качестве входа используется слишком разговорный или неграмматичный вариант (ср. *армян* в значении «армянин», *брызг, туфель, нёба, сала, новость хороший, один штук, хандроз* и др.), а значение некоторых переводных ярлыков остается непонятным (например, *громоздить лицо, чарки* или *сказочек* — в последнем случае, по-видимому, имеется в виду «сказочник»).

Все перечисленные огрехи, впрочем, не являются принципиальными и легко могут быть устранены при переиздании книги или в онлайн-версии. Главное — это то, что с выходом данной книги мы впервые получили опубликованные данные по ранее неопisanному говору одного из малых языков Дагестана. В настоящее время даргиноведение находится на подъеме — даргинскими диалектами интересуются как отечественные, так и зарубежные кавказоведы, и среди идиомов, которые изучаются в рамках текущих исследовательских проектов, следует отметить, например, мегебский (см. [Daniel et al., to appear]), тантынский (см. [Сумбатова, Ландер 2015]), шаринский (под рук. Р.О. Муталова), ширинский и аштынский (под. рук. О.И. Беляева), чирагский (под рук. Д.С. Ганенкова).⁴ Оригинальное издание санжинских текстов и словарей встает в ряд уже осуществленных

⁴ О санжинском и ширинском проектах см. подробнее на странице <http://www.kaukaz.net/cgi-bin/blosxom.cgi/russian/dargwa/project>.

и еще предстоящих публикаций по даргинским языкам и диалектам, значительно обогащающих наших знания об этой языковой группе.

Литература

Коряков Ю.Б., Сумбатова Н.Р. Даргинские языки // Большая российская энциклопедия. Том. 8. Москва, 2007, 328–329.

Муталов Р.О. Ицаринский диалект даргинского языка: дис. ... кандидата филологических наук. Махачкала, 1992.

Сумбатова Н.Р., Ландер Ю.А. Даргинский говор селения Танты: грамматический очерк, вопросы синтаксиса: монография. Москва, 2014.

Чумакина М.Э., Браун Д., Квиллиам Х., Корбетт Г.Г. Словарь арчинского языка (арчинско-англо-русский). Махачкала, 2007.

Chumakina M., Brown D., Corbett G. G., Quilliam H. A dictionary of Archi: Archi-Russian-English (Online edition). University of Surrey, 2007. [<http://dx.doi.org/10.15126/SMG.16/2>] [<http://www.smg.surrey.ac.uk/archi-dictionary/>]

Daniel M., Dobrushina N., Ganenkov D. (eds.). Mehweb. Selected essays on phonology, morphology and syntax. Berlin, to appear.

Sumbatova N., Mutalov R. A Grammar of Icari Dargwa. München–Newcastle, 2003.

References

Chumakina M., Brown D., Corbett G. G., Quilliam H. A dictionary of Archi: Archi-Russian-English (Online edition). University of Surrey, 2007. [<http://dx.doi.org/10.15126/SMG.16/2>] [<http://www.smg.surrey.ac.uk/archi-dictionary/>] (In Russ.)

Chumakina M.E., Braun D., Kvilliam Kh., Korbett G.G. Slovar' archinskogo yazyka (archinsko-anglo-russkii). Makhachkala, 2007

Daniel M., Dobrushina N., Ganenkov D. (eds.). Mehweb. Selected essays on phonology, morphology and syntax. Berlin, to appear.

Koryakov Yu.B., Sumbatova N.R. Darginskie yazyki // Bol'shaya rossiiskaya entsiklopediya. V. 8. Moskva, 2007, 328–329. (In Russ.)

Mutalov R.O. Itsarinskii dialekt darginskogo yazyka: dis. ... kandidata filologicheskikh nauk. Makhachkala, 1992. (In Russ.)

Sumbatova N., Mutalov R. A Grammar of Icari Dargwa. München–Newcastle, 2003.

Sumbatova N.R., Lander Yu.A. Darginskii govor seleniya Tanty: grammaticheskii ocherk, voprosy sintaksisa: monografiya. Moskva, 2014. (In Russ.)

Майсак Т.А.

Майсак Тимур Анатольевич

Институт языкознания РАН

Москва, Россия

Maisak Timur Anatolievich

Moscow, Russia

Institute of Linguistics of the Russian Academy of Sciences

maisak@iling-ran.ru

**Кичикова Н.А., Манджиева Э.Б., Супрун В.И.
Топонимический словарь Республики
Калмыкия. — Элиста: ЗАОр «НПП «Джангар»,
2017. — 272 с.**

***Kalmyk Republic Toponymic Dictionary
by N.A. Kichikova, E.B. Mandhizeva and V.I. Suprun.
Elista: Jangar Press, 2017 . — 272 p.***

В последнее время значительно повысился интерес лингвистов к региональным топонимическим системам. Подход при этом разнится, и это вполне оправдано: при всем единстве принципов анализа топонимического материала оказывается возможным в разной манере (форме) представлять результаты исследований. В данном случае даже структурные элементы книги представляются достаточно оригинальными: не каждый топонимический словарь завершают «Имена выдающихся людей, упомянутых в словаре», «Словарь устаревших и локальных слов», «Список переименованных населенных пунктов» и «Распределение поселений по количеству жителей». Другими словами, издание носит ярко выраженный справочно-информативный характер.

Но, безусловно, самое познавательное «содержимое» заключено в основной части словаря. Статьи наполнены разнообразными, интересными сведениями о городах, рабочих поселках, селах, хуторах и других населенных пунктах, об озерах, реках, возвышенностях, низинах и других географических объектах Республики Калмыкия. Всего включено более 300 словарных статей.

Знакомство с содержанием словаря позволяет читателю составить полное представление о том, что такое топоним. В книге анализируются языковые единицы, обладающие «внешней» и «внутренней» семантикой.

Авторы отдают отчет в том, что по избранной ими теме имеется значительный корпус научной и научно-популярной литературы. Обратившись к приведенному списку, находим упоминание множества сборников и монографий, посвященных топонимике Калмыкии. Среди них названы и такие примечательные работы, как «Очерк истории Калмыцкого народа за время его пребывания в пределах России» Н.Н. Пальмова (1922), сборник «Ономастика Калмыкии» (1983), диссертационные исследования: «Географические термины в наречиях монгольских языков» В.Э. Очир-Гаряева (1983), «Калмыцкие топонимы Астраханской области» В.Н. Хонинова (2005), «Топонимия Республики Калмыкия как составная часть ономастического пространства Российской Федерации» Н.А. Кичиковой (2011). Авторам удалось через всю книгу провести принцип — история названия неотделима от истории места. Поэтому основную словарную часть обрамляют предисловие историографического характера и заключительные краткие списки того же свойства.

В предисловии приводятся сведения о работах по топонимии Калмыкии, рассказывается о разных периодах истории (Европы и Азии), когда тем или иным образом на картах была отмечена территория, занимаемая ныне Республикой Калмыкия. Разумеется, при этом кратко освещаются и самые значительные периоды жизни калмыцкого народа. В качестве наиболее важных из них, в т. ч. значимых для топонимической системы региона, можно выделить, видимо, три периода. Первый связан с увеличением доли калмыков в середине XVII века, возрастанием их роли в делах Русского централизованного государства, что сопровождалось вытеснением тюрков (ранее пришедших на эту территорию). Последнее сводилось в основном к разделению группировки ногайцев в нижнем течении Волги. В рецензируемой книге об этом написано следующее (что важно, попутно упоминается соответствующая карта, очень ценная для того времени):

«Отмечены калмыки (Kolmaski) в Прикаспии на карте голландского купца, путешественника и дипломата Исаака Массы 1633 года. Территория нынешней Калмыкии входит в состав Астраханского ханства. Здесь живут ногайцы... В 1635 году калмыки объединяются в единое Джунгарское ханство. Группировка Хо-Урлюка вытеснила ногаев с левого берега Волги и распространилась по левому берегу от Астрахани до Самары. В 1644 году калмыки перешли на правый берег Волги и поселились в Обдонье» [ТСРК 2017: 6–7].

Следующий важный период освоения калмыками нынешней территории — это вторая половина XIX века.

«30 декабря 1848 г. император Николай I подписал указ «О заселении дорог на калмыцких землях Астраханской губернии». Планировалось в Калмыцкой степи учредить 44 станицы в шести направлениях, в каждой из них должны были жить 50 калмыцких семей и 50 семей государственных крестьян... Однако калмыки неохотно оседали в намеченных станицах. Тогда ... [было предписано] поселить здесь переселенцев из других губерний России. <...> [К концу XIX века] весь калмыцкий народ был разделен на семь улусов, каждый из которых состоял из нескольких аймаков (родов). Аймак состоял из хотонов, включавших не менее 15 кибиток» [ТСРК 2017: 10–11].

Наконец, многие вопросы жизни, хозяйствования на этой, совершенно определенной, местности были отрегулированы после революции 1917 г. и позже, до начала войны. Именно в 20-е гг. «начинается усиленная работа советских и партийных органов по организации постоянных поселений для проживания калмыков, по превращению кочевых хотонов в стационарные поселки. <...> [Этот] переход к оседлой жизни растянулся на два предвоенных десятилетия. <...> Во второй пятилетке к 1939 г. кочующее и полукочующее население Калмыкии в основном осело» [ТСРК 2017: 16–18].

Все эти исторические эпохи нашли отражение на карте Калмыкии, на которой встречаются и тюркские, и

калмыцкие, и смешанные калмыцко-тюркские, и русские названия (населенных пунктов и географических объектов). Понятно, что регламентация в части написания (и последующего нормативного произношения) осуществлена во всех случаях, и произведена она с позиций русского языка (которому и принадлежит в данном случае регулирующая функция):

ЭЛИСТА — город, столица Калмыкии. Находится на реке (балке) *Элиста (Элиста-Сала)*, которая берет начало в западной части города. <...> В балке *Элиста* имели свои стоянки калмыки, кочевавшие по степи. Они дали наименование балке и речке, назвав их словом *Эльста* ‘с песком, песчаная’ [ТСРК 2017: 231].

САРПА — четыре озера в составе **Сарпинских**. <...> Названы по реке **Сарпа**, протекающей в Волгоградской области. Гидроним образован от тюркских слов *шор/шур* или *сор* со значением ‘солончак, пересыхающее соленое озеро’ или ‘цепь озер’ [Мурзаев 1974: 87–88 ...], ‘озеро с топким дном’ [Попова 1965: 192]. Калмыки переделали этот гидроним в *Шорва/Шорво* и соотнесли со своим словом, обозначающим ‘прерывающаяся, сгущающаяся’ [Борисенко 1983: 40].

САРПИНСКИЕ — озера, образовавшиеся на месте древней долины реки *Сарпы*, где в древние времена находился рукав пра-**Волги**... Калмыки переделали предшествующее тюркское наименование в *Шорва-гол* ‘сгущающаяся река’ [ТСРК 2017: 169–170].

Республика Калмыкия представляет собой интересный регион в географическом смысле: она раскинулась «в северо-западной части Прикаспийской низменности, в зоне полупустынь... По низменности разбросано большое количество мелких озёрных котловин, песчаных гряд и бугров. Многочисленные балки, овраги и долины мелких степных речек, обычно пересыхающих летом, расчлениют восточный склон Ергеней [Ергенинской возвышенности] на ряд параллельных крутосклонных бугров. <...>

Балки и долины рек придают рельефу волнистый характер» [ТСРК 2017: 21–22].

И, действительно, обнаруживается, что довольно много названий отражают эту соотнесенность жителей Калмыкии со знаменательным местом: «**КРАСНЫЙ МАНЫЧ** — село в Яшалтинском районе... Название дано по гидрониму **Маныч**... **КУМА** — река, протекающая на границе Калмыкии и Дагестана, впадает в Каспийское море. <...> Название от тюркского слова *кум* ‘песок’. В своем нижнем течении протекает по пескам. <...> **КУМСКОЙ** — поселок Черноземельского района... **МАНЦ** — поселок Приютненского района... [носит] название, образованное от калмыцкого названия реки **Маныч** *Манц*. Река находится к югу от поселка. <...> **МАНЦЫН-КЕЦ** — поселок Ики-Бурульского района... Название образовано от гидронима **Маныч** (калм. *Манц*) ‘туман, влажный’ и слова — *кец* ‘склон; покатость’... **МАНЫЧ** река, протекающая в Калмыкии, Ставропольском крае и Ростовской области. <...> В низовьях судоходна. Гидроним образован от тюркского слова со значением ‘соленый, горький’..., возможно, в калмыцком языке произошло сближение со словом *манц* ‘туман, влажный’ [Монраев 2012: 170]» [ТСРК 2017: 118–120, 131–134].

Действительно, в тюркских языках, а также в монгольском, обнаруживаются близкие по смыслу слова, причем одни из них соотносятся с семантикой ‘соленая (вода)’, а другие — ‘влажность’. Ср.:

«**манма: манма су буллу** измокать, измокнуть насквозь» [ТРС 1988: 207].

«**мансыу** макать, обмакивать; макание, обмакивание ... **йэшкэ мансыу** плакать, утопать в слезах» [БРС 1996: 421].

«**МАРАЧЫ (-аа)** солончак; солончаковый грунт» [ХРС 2006: 234].

«**МАРАА** солончак» [МРС 2014: 188].

Объясняя этимологию последнего из приведенных выше названий, авторы словаря подобрали, на наш взгляд, очень

удачную формулировку — ‘произошло сближение’. Можно сказать и так: в русском варианте **Маныч** *сошлось* (слилось воедино) звучание слов двух разных языков (основой такой контаминации явилось то обстоятельство, что две разные лексемы, безусловно, очень близки в семантико-когнитивном плане).

Эта специфика рельефа, внешнего вида географических объектов прослеживается и по данным словаря. В частности, представляется возможным «увидеть» оформление в названиях особенностей таких объектов как: *впадина, река, озеро, море, гора, холм, курган, степь*. Например, из школьного курса географии мы все знаем о Кумо-Манычской впадине, являющейся одной из линий раздела между Европой и Азией.

Обращение к этимологии топонимов позволяет дать сведения о фонетическом и грамматическом строе калмыцкого языка. Вдумчивый читатель может составить и перечень наиболее частотных слов и устойчивых конструкций: адг ‘устье реки’, арһмж ‘аркан, лассо’, бага ‘малый’, барванцг ‘развесистый, лохматый’, баргавад ‘кучи перекасти-поля, застрявшие в камышах’, барун ‘правый; западный’, босх ‘вставать; подниматься; начинаться; возникать’, бөглэтэ ‘закупоренный, заткнутый’, бузһу ‘неплохой’, булг ‘источник, родник’, бурһсн ‘верба’, бурһста ‘вербовый’, булмг ‘мучная каша, приготовленная на сливках и молоке’, бурул, буурл ‘седой, чалый, каурый, серо-пепельный, бурый’, буһ ‘марал, олень’, бүслүртэ ‘окаймленный балками’, гол ‘река’, гүрвлг ‘ящерица’, һо ‘прямой’, һоожур ‘ручей’, дунд ‘средний, неполный’, жалһ ‘ложбина, балка’, заг ‘межа, граница’, земл ‘напиток для утоления жажды’, зултрһн ‘прутняк, витекс’, зуух ‘яма’, иджил ‘одинаковый, подобный, привыкший’, ик(и) ‘большой’, кеерүлт ‘украшение’, кец ‘склон, покатость’, көгл ‘тёрн’, көке ‘синий; голубой; зеленый’, күңкргэ ‘ключица’, лаг ‘ил, илистое болото’, лиман ‘заросшее растительностью болотистое озеро’, манджик ‘мальчик-послушник в буддистском храме, который во время богослужения

подпеваает гелюнгү, манц ‘туман, влажный’, магна ‘лоб’, меклә ‘лягушка, жаба’, моһа ‘змея’, модта ‘лесистый; покрытый лесом; имеющий деревья’, нарн ‘солнце’, нарта ‘солнечный, освещенный солнцем’, нур ‘озеро’, нуһрх ‘сгибаться; перегибаться; гнуться’, нүкн ‘дыра; яма; скважина; нора; логово; берлога; отверстие’, ова ‘межевой, пограничный знак’, оһтһу ‘небо, небосвод; гром’, өвдг ‘колено’, өргн ‘возвышенный’, эмтэ ‘живой; одушевленный’, сала ‘балка, овраг, лощина, ложбина’, сарул ‘светлый, ясный’, тавн ‘пять’, теегин ‘степной, полевой’, толһа ‘голова; курган’, тэрэтэ ‘хлебный, зерновой, засеянный злаками’, туг ‘знамя, флаг’, улан ‘красный’, уласн ‘тополь’, уралан ‘вперед; на юг; успех; удача; продвижение’, усн ‘вода’, ут ‘длинный, долгий; протяжный’, үстэ ‘волосатый, покрытый шерстью; пушной’, хаг ‘солончак’, хаки ‘мелкие бессточные водоемы с соленой водой и грязями’, хамр ‘нос’, хамһрха ‘разбитый; разрушенный; поломанный’, хана ‘толстый, большой камыш’, худг ‘колодец’, хулсн ‘камыш’, хулх ‘сера, пробка в ушах’, хуц ‘баран’, цаган ‘белый’, царын ‘луг’, ‘лиман’, цоохр ‘пестрый’, цэкр ‘мутно-белый; белесый’, чаһор ‘вино’, чарляг ‘чердак’, чон ‘волк’, шар ‘желтый; рыжий; русский; красный’, шарлжин ‘бурьян’, шат ‘сруб’, шин ‘новый, свежий’, шовһр ‘островерхий, остроконечный’, элвг ‘обильный, изобилующий; богатый’, элсн ‘песок’, эрг ‘берег, обрыв, яр’, ялмн ‘тушканчик’, яшл ‘яшень’.

Интересно объясняются названия населенных пунктов, образованные от многозначных слов калмыцкого языка, и одно из этих значений — образное: Чилгир (с. 218–220), Чолун Хамур (с. 221) и др. Напр.:

НАРЫН ХУДУК — поселок Приютненского района... Название в переводе с калмыцкого языка обозначает «солнечный колодец» [ТСРК 2017: 140–141].

Особый интерес представляют наименования, связанные с религией калмыков — буддизмом. Иногда в основе номинации лежат этнонимы; в ряде случаев приводятся даже легенды (о народах, отдельных родах, их перемещениях), связанные

с социально-этнической номинацией тех или иных географических объектов. Имеются микропонимы, появление которых объясняется тем или иным событием, случившимся в данном месте (это тоже своего рода легенды): Кетченеры, Оргакин, Салын Тугтун, Сараха, Тундутово, Ульдючины, Унгн-Тёрячи, Хошеут, Цорос, Эрдниевский [ТСРК 2017: 110–111, 148–150, 167–168, 182–185, 187–189, 192–193, 204–205, 213–214, 236–238].

Достаточно много наименований, восходящих к тюркским корням: Маныч, Кума, Кумской, Кара-Сал, Соста и др. Например:

СВЕТЛЫЙ ЕРЕК — посёлок Черноземельского района... Название по гидрониму. Слово *ерек* или *ерик* обозначает ‘небольшой проток, соединяющий два озера или реку с озером; небольшая река, ручей’, оно заимствовано из тюркских языков, *јагук* обозначает в них ‘трещина, щель’ [ТСРК 2017: 172].

ЯШКУЛЬ — река в Целинном и Яшкульском районах. ... Название тюркского происхождения, обозначает в переводе «молодое озеро»; вероятно, первоначально так называлось озеро, в которое впадала река, а потом гидроним был перенесен на саму реку [ТСРК 2017: 247].

Специфическими являются наименования, восходящие к немецким, эстонским корням. Однако, в большинстве случаев они давно вышли из употребления, поскольку объекты были переименованы. В частности, только в исторических источниках, в художественной и краеведческой литературе можно найти упоминание таких названий, как *Кроненталь*, *Фриденталь*, *Шёнताल*, *Аллмяе* [ТСРК 2017: 68, 189–190, 244].

В ряде случаев от исторических названий остались отдельные фрагменты:

ЭСТО-АЛТАЙ — посёлок Яшалтинского района... В конце XIX в. эстонцы из-за нехватки земли на родине стали переселяться на юг России... По традиции они называли свои

поселения в память о родине с начальным *Эсто*-... В 1922 г. часть жителей Эсто-Хагинки переселилась на бывшие арендные калмыцкие земли... Они назвали свое селение *Эсто-Алтай*... [ТСРК 2017: 239].

Интересными представляются некоторые русские названия (среди которых много названий идеологического характера), а также наименования, произведенные от слов (в том числе — имен собственных) русского языка: Артезиан, Партизанский, Первомайский, Передовой, Пролетарский, Пушкинское, Рогульский, Северное, Сладкое, Уманцево [ТСРК 2017: 33–34, 150–152, 158–159, 161, 172–173, 191].

Нередки случаи, когда используются два названия (при этом одно из них может быть отмененным прежним): Троицкое и Булгун-Сала, Новая Жизнь (временно) и Шин-Бядл [ТСРК 2017: 180–181, 226–227].

Таким образом, главными отличительными свойствами выпущенного издания являются: новаторский подход к форме и содержанию топонимического словаря, научно-популярный стиль изложения (в тексте словарных статей), наличие элементов справочно-нормативного характера, возможность использования в практической работе людьми разных профессий (в т. ч. — краеведами). Своим изданием авторы решили многие задачи, которые стоят перед исследователями топонимики: научные, научно-популяризаторские, издательские (удачно выбрана форма репрезентации результатов исследований).

Литература

Башкирско-русский словарь (БРС). Отв. ред. *З.Г. Ураксин*. Москва, 1996.

Борисенко И.В. Топонимика Ергеней (дореволюционный период) // Ономастика Калмыкии. Элиста, 1983, 35–51.

Кичикова Н.А., Манджиева Э.Б., Супрун В.И. Топонимический словарь Республики Калмыкия (ТСРК). Элиста, 2017.

Монгольско-русский словарь (МРС). Сост. *Ю.Н. Кручкин*. Улан-Батор, 2014.

Монраев М.У. Калмыцкие личные имена (семантика). Изд. 3-е, перераб. и доп. Элиста, 2012.

Мурзаев Э.М. Очерки топонимики. Москва, 1974.

Попова В.Н. Структурно-семантические модели названий озер Павлодарской области // Всесоюзная конференция по топонимике СССР: Тезисы докладов и сообщений. Ленинград, 1965, 191–195.

Татарско-русский словарь (ТРС). Под ред. *Ф.А. Ганиева*. Казань, 1988.

Хакасско-русский словарь (ХРС). Под ред. *О.В. Субраковой*. Новосибирск, 2006.

References

Bashkirsko-russkii slovar' (BRS). Ed. *Z.G. Uraksin*. Moskva, 1996. (In Russ.)

Borisenko I.V. Toponimika Ergenei (dorevoljucionnyi period) // Onomastika Kalmykii. Elista, 1983, 35–51. (In Russ.)

Kichikova N.A., Mandzhieva E.B., Suprun V.I. Toponimicheskii slovar' Respubliki Kalmykiya (TSRK). Elista, 2017. (In Russ.)

Mongol'sko-russkii slovar' (MRS). Ed. *Yu.N. Kruchkin*. Ulan-Bator, 2014. (In Russ.)

Monraev M.U. Kalmytskie lichnye imena (semantika). 3rd ed. Elista, 2012. (In Russ.)

Murzaev E.M. Ocherki toponimiki. Moskva, 1974. (In Russ.)

Popova V.N. Strukturno-semanticheskie modeli nazvanii ozer Pavlodarskoi oblasti // Vsesoyuznaya konferentsiya po toponimike SSSR: Tezisy dokladov i soobshchenii. Leningrad, 1965, 191–195. (In Russ.)

Tatarsko-russkii slovar' (TRS). Ed. *F.A. Ganieva*. Kazan', 1988. (In Russ.)

Khakassko-russkii slovar' (KhRS). Ed. *O.V. Subrakovoi*. Novosibirsk, 2006. (In Russ.)

Каксин А.Д.

Каксин Андрей Данилович
Хакасский государственный университет им. Н.Ф. Катанова
Абакан, Россия
Kaksin Andrei Danilovich
Khakas State University
Abakan, Russia
adkaksin@yandex.ru

***Международная конференция «Языковая
политика и языковое законодательство
в Российской Федерации: вчера, сегодня, завтра»
International Conference on «Language politics and language
legislation in the Russian Federation:
Yesterday, today and tomorrow»***

22–23 мая 2017 г. состоялась Международная конференция «Языковая политика и языковое законодательство в Российской Федерации: вчера, сегодня, завтра», Гиссен, Германия. Данное научное мероприятие проведено Институтом славистики Гиссенского университета им. Юстуса Либига, Гиссенским научным центром «Восточная Европа» (GiZo) совместно с Институтом языкознания РАН, при поддержке Немецкой службы академических обменов (DAAD). Круг вопросов, обсуждавшихся в рамках конференции, охватывал актуальные вопросы языковой политики и языкового законодательства Российской Федерации. Участники мероприятия, в рамках исследования РФФИ № 15-24-09001, обозначили основные тенденции развития языкового законодательства в Российской Федерации, обсудили основные результаты языкового законотворчества с момента принятия первых законов о языках в РФ, проанализировали языковую ситуацию и языковую политику в России, наметили перспективы исследования языковых проблем страны, обсуждали методы прогнозирования языковой ситуации в полиэтничном государстве. В работе мероприятия приняли участие ведущие исследователи Германии и России.

В докладе руководителя Гиссенского научного центра «Восточная Европа» (GiZo) Гиссенского университета

им. Юстуса Либига Моники Вингендер (Гиссен, Германия) «Языковая политика в Российской Федерации: дебаты между Федеральным центром и регионами РФ» проанализированы актуальные фазы языковой политики. Были представлены различные понятия и концепты языковой политики — доклад опирался на определение языковой политики, различающее языковой корпус, языковой статус, языковой престиж и овладение языком. Актуальная языковая политика Российской Федерации находится в поле напряженности между международной (как член Совета Европы), национальной и региональной языковой политикой. В центре внимания доклада находились две последних. Для анализа дебатов между Федеральным центром и Республиками (на примере Татарстана) были использованы следующие данные: во-первых, официальные документы (федеральные и республиканские законы, языковые программы и федеральные концепции культурной и национальной политики); во-вторых, материалы СМИ последних лет о языках и языковой политике. Методом исследования являлся дискурс-анализ. В результате были выявлены основные топосы и стратегии аргументации со стороны Федерального центра и со стороны Республики Татарстан, касающиеся языков и языковой политики и различающиеся в соответствующих дискурсивных сообществах.

В докладе ведущего научного сотрудника Института языкознания РАН А.Н. Биткеевой (Москва, Россия) «Языковая политика и языковое законодательство в Российской Федерации: опыт и результаты реализации» был представлен анализ динамики развития российского языкового законодательства в период с 90-х гг. XX в. до настоящего времени. Автор представила хронологию законодательных событий, касающихся русского языка и других языков народов РФ. В Российской империи не было специального закона о государственном языке — русском языке или об употреблении других языков государства. В революционные годы вопрос о необходимости наделения русского языка статусом государственного активно

обсуждался, однако законодательного решения вопрос так и не получил. До 90-х гг. XX в. русский язык юридического статуса не имел, государственным языком русский язык был впервые объявлен с принятием Закона РСФСР от 25 октября 1991 года «О языках народов РСФСР». В этот же период были приняты законы о языках в республиках РФ, что означало начало нового этапа языковой политики страны, языковой реформы многонационального государства. Конституция РФ, руководствуясь принципами равноправия и самоопределения народов, закрепила за республиками право устанавливать свои государственные языки. Общее число государственных языков в субъектах Российской Федерации — 28. Республиканские законы о языках переняли в общих чертах структурную и содержательную часть статей Закона о языках РФ. В них законодательно закреплено дву- и многоязычие. К настоящему времени (с 1992 г. до 2017 г.) законы о языках были приняты в 19 (из 22) республиках. Не приняты законы о языках в трех республиках — Дагестане, Северной Осетии — Алании и Республике Крым. Все республики, кроме одной — Республики Карелия — объявили своим государственным языком язык (или языки) своей титульной нации и русский язык, что нашло отражение в республиканских законах о языках, а также, в большинстве случаев, и в конституциях республик, в двух случаях — только в конституциях Республики Дагестан и Республики Северная Осетия — Алания. Существующее российское языковое законодательство постоянно совершенствуется и в целом направлено на сохранение и развитие всех языков народов Российской Федерации, укрепление позиций русского языка в России и за рубежом, однако существует и ряд проблем. Причину этих языковых проблем исследователи видят в стандартизованности и расплывчатости формулировок, терминологической неясности, отсутствии в законодательных актах разработанного механизма реализации многих положений закона. Кроме того, успех языкового планирования зависит не только от реализации государством заявленных принципов в области языковых прав, но и от готовности

самых носителей этих языков реализовать потенциальные функциональные возможности национальных языков.

Доклад главного научного сотрудника Института монголоведения, буддологии и тибетологии СО РАН Г.А. Дырхеевой (Улан-Удэ, Россия) «Закон “О языках народов Республики Бурятия”: проблемы реализации» был посвящен рассмотрению специфики языкового законодательства в Республике Бурятия. Автор рассмотрел как общую проблематику языкового законодательства — относительно нового явления для России, так и конкретное его воплощение в республике, проанализировала этапы и очевидные проблемы реализации, предложения по их решению, возможные варианты дополнений в закон, достоинства и недостатки российского языкового законодательства. Особое внимание было уделено вопросу, где, в каких сферах — образование, средства массовой информации, книгоиздание, культура, информационная поддержка — работают статьи закона, а в каких необходимо усиление государственной поддержки. На примере языкового законодательства была показана связь внутренних и внешних проблем бурятского языка. Отмечалось, что пока кардинальных изменений в языковой жизни Бурятии после принятия закона не произошло.

В докладе научного сотрудника Института гуманитарных исследований и проблем малочисленных народов Севера СО РАН Н.И. Ивановой (Якутск, Россия) «Языковая ситуация и языковая политика в Республике Саха» были освещены социолингвистические показатели взаимодействия наиболее коммуникативно и демографически мощных якутского и русского языков Республики, отразившиеся в динамике параметров этноязыковой идентичности, языковой компетенции, а также в использовании языков в различных коммуникативных сферах. Данные получены в результате анализа федерального и регионального языкового законодательства, в ходе двух социолингвистических опросов (2008 и 2014 гг.) на тему «Использование современного якутского языка в г. Якутске». Вопросы лингвистического блока были

направлены на качественное исследование устной якутской речи молодых радио- и телеведущих 36 новостных, авторских и развлекательных телепередач, 33 радиопередач Национальной вещательной компании «Саха» за 2012–2013, 2015 гг. Автор сделала заключение о нормах современного якутского языка с точки зрения лексики, грамматики, орфографии, стилистики.

Доклад Ф.Х. Гариповой (Уфа, Россия) «Закон о языках и языковая ситуация в Республике Башкортостан» был посвящен языковым проблемам Республики Башкортостан.

В докладе ведущего научного сотрудника Института языка и литературы им. Цадасы Дагестанского научного центра РАН Б.М. Атаева (Махачкала, Россия) «Особенности функционирования и перспективы развития языков Дагестана» рассматривались необходимые условия для выживания языков малочисленных этносов Дагестана с разным социальным статусом и перспективы их сосуществования с языками более многочисленных народов. Автор рассмотрел проблемы, связанные с языковой политикой Республики Дагестан, проанализировал причины процесса исчезновения бесписьменных языков и условия, при которых возможно их сохранение.

В докладе «Эффективность языкового законодательства Республики Кабардино-Балкария в контексте языковой ситуации» зав. кафедрой русского языка и общего языкознания Кабардино-Балкарского государственного университета им. Х.М. Бербекова С.К. Башиевой (Нальчик, Россия) был представлен анализ эффективности языкового законодательства Кабардино-Балкарской Республики в контексте современной языковой ситуации в республике. В частности, актуализированные в последние десятилетия вопросы — статус кабардинского и балкарского языков в правовом поле, выбор языка обучения в общеобразовательной школе, степень лояльного отношения кабардинцев и балкарцев к родному языку при высокой степени их этнической самоидентификации.

В докладе научного сотрудника Института языка, литературы и истории Карельского научного центра РАН С.В. Нагурной

(Петрозаводск, Россия) «Языковая политика и языковое законодательство в Республике Карелия» рассматривались языковые проблемы в Республике Карелия. В Республике Карелия карельский язык является автохтонным языком, количество носителей которого имеет устойчивую тенденцию к постоянному сокращению. Официальные данные переписей населения неумолимо дают картину отрицательной динамики как количества карелов, так и таких показателей, как владение карельским языком и признание его родным. Карелы в Республике Карелия официально не признаны национальным меньшинством, но в связи с тем, что в населении республики количественно они составляют неоспоримое меньшинство (7,4 %), а также являются автохтонным народом, карельский язык можно отнести к языкам традиционных национальных меньшинств.

На протяжении всей истории возрождения карельского языка наиболее острым вопросом с точки зрения языкового законодательства оставался вопрос его официального статуса. В отличие от иных титульных языков республик в составе России, карельский язык не имеет статуса государственного в Республике Карелия. Принятый в 2004 г. республиканский закон о государственной поддержке карельского, вепсского и финского языков дал юридические основания для принятия в Карелии государственных программ, направленных на изучение языков прибалтийско-финских народов региона, но гарантии реализации этих программ законом не предусмотрены. Государственная поддержка карельского языка зависит в таких условиях от финансовых возможностей республиканского бюджета и государственной политики в области образования.

Автор рассмотрела ряд проблем, связанных с проблемой расширения функций карельского языка. Одной из наиболее осязаемых проблем молодых специалистов с карельским языком является трудоустройство. По специальности трудоустраиваются в лучшем случае половина выпускников, чаще — четверть и менее от общего количества окончивших университет.

Доклад сотрудника Института славистики Гиссенского университета Е. Панковой (Гиссен, Германия) «Критический анализ дискурса о языковом разнообразии в современной России (на материале федеральной прессы 2012–2016 гг.)» был посвящен анализу теоретических основ, процессов и некоторых результатов исследований тематизации национального многоязычия в РФ в дискурсе общественно-политических федеральных газет. Опираясь на расширенное понимание языковой политики и дискурсивно-исторический подход к критическому дискурс-анализу, в исследовании идентифицируются ценностные ориентации по отношению к языковому многообразию и основные дискурсивные стратегии, задействованные в репрезентации многоязычия в СМИ. В дискурсе федеральной прессы выявлены конкурирующие представления о многоязычии как о ресурсе и как о проблеме в сферах образования, осуществления мер языковой политики и национальной идентичности. Конструирование многоязычия как ресурса и как проблемы осуществляется в основном с помощью стратегий аргументации и положительной или отрицательной номинации и предикации языков РФ и участников процессов языковой политики.

Единообразии основных теоретических положений, взятых за основу концепций законов о языках, в условиях многообразия типов языковых ситуаций в стране при реализации законов о языках приводит к необходимости решения ряда вопросов:

- Помимо общей задачи совершенствования российского законодательства о языках, назрела необходимость обобщить накопленные знания и изложить принципы языковой политики в новом законе. В целом, современная языковая ситуация в России требует разработки комплексного федерального закона «Об основах государственной языковой политики», в котором следует предусмотреть правовые нормы по устранению существующих противоречий в функционировании и использовании

государственного языка Российской Федерации, государственных языков республик, официальных и других языков России.

- Следует подчеркнуть важность сбалансированного двуязычия и многоязычия в деле сохранения межнациональной, межкультурной и политической стабильности в обществе, в государстве.
- Наряду с заботой о развитии государственного языка следует уделять внимание языкам этнических групп, языкам малочисленных народов, а также языковым правам личности.
- Необходимо, видимо, вначале распространить язык, объявленный государственным, среди представителей титульной нации, поскольку нельзя заставить другие языковые общности изучать язык, который не знает и не использует (во всяком случае, в его литературной форме) значительная часть титульной нации.
- Необходимы практические меры по развитию функциональных стилей языка, например делового, научного и др., создание терминологических систем, издание научной и учебной литературы, подготовка программ, учителей и т. д. При обучении государственному (нерусскому) языку необходимо придерживаться принципов коммуникативно-ориентированного обучения.
- Целесообразно продолжить исследования языковых ситуаций, степень и характер их влияния на возникновение межэтнических, политических конфликтов. В связи с этим, обеспечить мониторинг языковых ситуаций в регионах России со сложной языковой ситуацией.
- Способствовать пропаганде русского языка в странах СНГ и в мире, повышению его роли в международных организациях, связанных с вопросами культуры, образования, национальной политики; оказывать поддержку русскоязычному населению за рубежом.
- Конференция рекомендует всемерно содействовать сохранению исчезающих языков. В этой связи первоочередной

задачей являются поиски причин ассимиляционных процессов, выработки механизма замедления данного процесса.

В заключение подчеркнем еще раз, что существующее российское языковое законодательство постоянно развивается и в целом направлено на сохранение и развитие всех языков народов Российской Федерации, укрепление позиций русского языка в России, странах СНГ.

*Биткеева А.Н.
Вингендер М.*

Биткеева АЙСА Николаевна
Институт языкознания РАН
Москва, Россия
Bitkeeva Aysa Nikolaevna
Institute of Linguistics of the Russian Academy of Sciences
Moscow, Russia
aisa_bitkeeva@yahoo.com

Вингендер Моника
Гиссенский университет им. Юстуса Либига
Гиссен, Германия
Wingender Monika
Giessen Center for Eastern European studies and Institute for
Slavic studies of Justus Liebig University Giessen
Giessen, Germany
monika.wingender@slavistik.uni-giessen.de

**Международная научно-практическая
конференция «Актуальные проблемы изучения
кавказских языков»**

***International Conference on «Contemporary Issues
in Caucasian Language Studies»***

В Махачкале 5–7 сентября 2017 г. проходила Международная научно-практическая конференция на тему «Актуальные проблемы изучения кавказских языков». В оргкомитет конференции вошли ведущие ученые Дагестанского государственного университета и Дагестанского научного центра РАН, все заботы по организации конференции взяла на себя Научно-исследовательская лаборатория «Бесписьменные языки народов Дагестана». Конференция стала возможной благодаря финансовой поддержке двух ведомств — Министерства образования Республики Дагестан и науки и Министерства печати и информации Республики Дагестан. На конференции было заслушано 25 докладов ученых из разных стран: России, Франции, Польши, Германии, Азербайджана, Армении и др.

В работе конференции принимали участие руководитель лаборатории по проблемам сохранения и изучения бесписьменных языков народов Дагестана профессор У.У. Гасанова, директор Института языка, литературы и искусства им. Г. Цадасы профессор М.И. Магомедов, директор Центра по изучению родных языков профессор М.А. Гасанова, а также ученые, активно работающие в области изучения письменных и бесписьменных языков Кавказа, — Г.А. Ваганян, Ж. Отье, Ф. Хуако, И. Калижевска, Д. Форкер, Г. Пиргулиева и др.

Открыл конференцию доклад М.И. Магомедова «Актуальные проблемы сохранения дагестанских языков и культур». В докладе была отражена информация о работе

Института языка, литературы и искусства им. Г. Цадасы Дагестанского научного центра РАН. «Язык любого народа является инструментом сохранения и передачи поколениям его духовного наследия, — отметил докладчик. — Устойчивая и грамотно построенная языковая политика может способствовать сохранению основы национальной культуры, а также стабилизации межнационального согласия в полиэтническом регионе».

Продолжил тему изучения культуры дагестанских языков Р.О. Муталов. Докладчик отметил, что основы национальной культуры закладываются благодаря регулярной просветительской работе и вниманию к ценностям родного языка. Необходимо проводить сбор аудиозаписей речи носителей разных культур, привлекая к этой работе студентов-филологов и выпускников русско-дагестанского отделения. Р.О. Муталов предложил усовершенствовать классификацию «даргинских» языков, признать их на официальном уровне бесписьменными, создать грамматики и словари, подготовить мультимедийные базы данных, электронные библиотеки и корпуса текстов.

Идея сохранения и развития письменных и бесписьменных языков прозвучала в докладе З.А. Гаджиевой. Автор доклада отметила, что национальная норма родного языка формируется прежде всего при обучении иностранному языку. О проблемах сохранения и развития языка национальной культуры с выявлением типа письменных и бесписьменных языков народов Кавказа говорилось в докладе У.У. Гасановой. Преподаватель Бакинского государственного университета Г. Пиргулиева рассказала о некоторых особенностях речи азербайджанцев, проживающих в западном регионе Южного Кавказа.

Ряд докладов, представленных на конференции, был посвящен отдельным явлениям в языках народов Кавказа и Каспия. О методах изучения литературы в системе современного гуманитарного образования шла речь в докладе

А.К. Мурадовой. Ж. Отье в своем докладе обсудил корпус цезского языка и описал фонетические особенности местоимений. И. Калижевска посвятила доклад обследованию фитонимической лексики даргинских диалектов и рассказала о лингвистической экспедиции в сельское поселение Шири.

Тема заимствованной лексики в дагестанских языках обсуждалась в докладе С.Х. Шихалиевой. Прием персонификации женских образов обсуждался Д.М. Ярбиловой в рамках доклада «Поэтическая лексика в национальной (аварской) литературе».

О работе проекта Высшей школы экономики говорилось в докладе аспирантки Я.Х. Ферхеес. По словам автора, в 2017-м г. в Лаборатории языковой конвергенции ВШЭ был создан проект по изучению заимствованных лексем в дагестанских языках. В качестве подготовки проекта был использован метод анкетирования языков. Анкета была собрана в аварском, лакском, лезгинском, даргинском, чеченском, азербайджанском и кумыкском языках, после чего были составлены списки для эффективного сбора заимствованных лексем.

О билингвизме в едином пространстве различных языковых групп шла речь в докладе Ф. Хуако. Автор описал билингвистические типы конкретных речевых ситуаций адыгской разнотерриториальной среды: семейный, социальный (массовый), профессиональный (групповой) и художественный. Генезис ингушского языка в историческом пространстве обсуждался в докладе Б.М.-Г. Харсиева. Докладчик отметил, что ингуши являются центральным промежуточным звеном, связывающим Кавказ (абхазо-адыгов) и Каспий (народы Дагестана). С.С. Ситимова говорила о фонетических процессах адыгейского языка и их отражении в лексике диалектов кавказских языков. Глубокий анализ некоторых расхождений, наблюдаемый в разных диалектах и говорах кавказских языков, имеет большое значение для исследования межъязыковых контактов.

Некоторые участники конференции говорили о теории лингвистического анализа в традиционном языкознании. По мнению Г.А. Ваганян, критика теории «основного мифа» неизбежно оказывается в соотнесении с современным положением анализа мифологического сознания. Новая концепция данного исследования основана на культурологических и лингвистических критериях.

По мнению М.А. Гасановой, культурологические и лингвистические стереотипы мифологического сознания актуализируются в исследованиях о влиянии биологического пола на речь. М.А. Гасанова представила разновидности стереотипов на материале цахурского языка.

Стереотипы агульского языка, по мнению С.Н. Гасановой, имеют следующие разновидности: стереотип поведения, хранящийся в сознании в виде штампа сознания и выступающий в роли канона, определяющего коммуникативное поведение в типовой коммуникативной ситуации, и стереотип-представление, хранящийся в виде клише сознания и функционирующий как эталон. Второй тип диктует набор ассоциаций и предопределяет языковую форму выражения стереотипного представления.

Многие доклады были посвящены выдающимся лингвистам прошлого и анализу их концепций — В.Н. Телия, Г.Л. Пермякову и др.

Затрагивались также вопросы социального функционирования языка и языковой политики. Руководитель центра по сохранению бесписьменных языков У.У. Гасанова отметила, что применение информационных технологий в системе образования способствует ревитализации языков.

Поблагодарив участников конференции за прекрасно проведенную встречу, организаторы обсудили итоги. В целом, проведение конференции позволило установить новые связи региональных групп с целью изучения, документации и стандартизации исчезающих языков.

Шихалиева С.Х.

Шихалиева Сабрина Ханалиевна
Институт ЯЛИ им. Г. Цадасы Дагестанского Научного
Центра РАН
Махачкала, Россия
Shihalieva Sabrina Khanalievna
The Gamzat Tsadasa Institute of Language, Literature and
Art of Daghestan Scientific Center
Makhachkala, Russia
sh_shihalieva@mail.ru

**Научно-практическая конференция «Статус
карельского языка в системе языков
народов Российской Федерации: правовые,
лингвистические, культурные аспекты»**
**Conference on «The status of the Karelian language in the
system of Russian Federation languages:
Legal, linguistic and cultural aspects»**

Научно-практическая конференция «Статус карельского языка в системе языков народов Российской Федерации: правовые, лингвистические, культурные аспекты» была организована и проведена 15 сентября 2017 г. в г. Петрозаводске в Карельском филиале Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации, являвшейся одним из организаторов научного мероприятия. В число организаторов входили также Совет уполномоченных VIII Съезда карелов Республики Карелия, Федеральное государственное бюджетное учреждение науки Институт языка, литературы и истории Карельского научного центра Российской академии наук, Карельская региональная общественная организация «Молодёжный информационно-правовой центр коренных

народов «Невонд» и Министерство Республики Карелия по вопросам национальной политики, связям с общественными и религиозными объединениями. Конференция была организована в рамках мероприятий по подготовке к празднованию 100-летия образования Республики Карелия, в рамках проекта «Единство в многообразии» Карельской региональной общественной организации «Молодежный информационно-правовой центр коренных народов «Невонд». Партнерами конференции выступили Федеральное государственное бюджетное учреждение культуры «Государственный историко-архитектурный и этнографический музей-заповедник «Кижи», Федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение высшего образования «Петрозаводский государственный университет», Автономное учреждение Республики Карелия «Издательство «Периодика». Общее количество участников конференции — 94 человека. Было заслушано 12 докладов. Среди докладчиков — приглашенные эксперты: В.А. Кряжков (г. Москва), профессор факультета права кафедры конституционного и административного права Федерального государственного автономного образовательного учреждения высшего образования «Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики»; П.М. Воронецкий (г. Петрозаводск), доцент кафедры конституционного и муниципального права Карельского филиала Федерального государственного бюджетного образовательного учреждения высшего образования «Российская академия народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации»; М.В. Дьячков (г. Москва), профессор Федерального государственного бюджетного учреждения науки «Институт языкознания Российской академии наук», доктор филологических наук и Т.Б. Агранат (г. Москва), ведущий научный сотрудник Федерального государственного бюджетного учреждения науки «Институт языкознания Российской академии наук», руководитель группы

финно-угорских языков, доктор филологических наук, профессор Московского государственного лингвистического университета.

Участников конференции приветствовали зам. Главы Республики Карелия по региональной политике В.К. Любарский и ректор Карельского филиала РАНХиГС Р.Р. Пивненко. Было зачитано приветственное письмо от депутатов Государственной Думы РФ.

Пленарное заседание конференции докладом «Государственный статус карельского языка: трудный путь к признанию» открыла председатель Совета уполномоченных VIII Съезда карелов Т.С. Клеерова. В докладе были отмечены основные этапы работы ученых, общественных организаций, представителей государственной власти по приданию карельскому языку статуса государственного в Республике Карелия на протяжении последних десятилетий. По мнению докладчика, *огосударствление* карельского языка важно с точки зрения укрепления конституциональных основ, поскольку карелы являются субъектообразующим народом. Придание карельскому языку статуса государственного может быть осуществлено в три этапа: 1) исключение из Конституции РК пункта о референдуме; 2) обращение в Государственную Думу РФ по поводу возможности использования латинской графики; 3) принятие Закона о государственном карельском языке в Законодательном Собрании РК.

В докладе «Развитие карельского языка в Республике Карелия» министр Республики Карелия по вопросам национальной политики, связям с общественными и религиозными объединениями А.А. Манин представил информацию о развитии карельского языка в республике. За 28 лет развития карельской письменности язык стал использоваться в различных сферах: культуре, СМИ, литературе, образовании. В последнее время отмечается активная проектная деятельность по расширению функциональности карельского языка.

В докладе Министра образования Республики Карелия А.Н. Морозова «Карельский язык в системе общего образования Республики Карелия» прозвучали статистические данные, характеризующие ситуацию с изучением карельского языка. В дошкольных образовательных организациях в 2016–2017 гг. карельский язык изучали 834 обучающихся в 21 дошкольном учреждении в 6 муниципальных образованиях РК. В общеобразовательных школах республики карельский язык в 2017 г. изучают 2243 обучающихся в 26 школах 11 муниципальных образований. Из них собственно карельским наречием карельского языка занимаются 254 школьника в 8 школах 6 муниципальных образований, остальные изучают ливвиковское наречие карельского языка (1989 школьников в 19 школах 6 муниципальных образований). В качестве проблемных моментов в докладе было отмечено, что вне школы отсутствует языковая среда, а при обучении используется методика преподавания карельского языка как иностранного.

Большой интерес вызвало выступление профессора Национального исследовательского университета «Высшая школа экономики» В.А. Кряжкова (доклад — «Государственный язык республики в контексте карельской ситуации: конституционно-правовые вопросы»), которое было посвящено конституционно-правовым вопросам функционирования государственного языка в контексте ситуации в Республике Карелия. В выступлении было подчеркнuto, что тема конференции является уникальной и обусловлена правовой ситуацией в республике. Докладчик наметил ряд конкретных шагов, которые необходимо предпринять для того, чтобы продвинуться в вопросе придания карельскому языку статуса государственного. Одним из таких шагов, по мнению В.А. Кряжкова, могло бы стать обращение Главы Республики в Конституционный суд за разъяснением о возможности придания карельскому языку статуса государственного в сложившихся

условиях, поскольку федеральный законодатель должен учитывать исторические, культурные и другие особенности развития языка.

Продолжением данного доклада стало выступление П.М. Воронежского с сообщением «Ключевые вопросы правового статуса государственного языка республики». Основная мысль выступления состояла в том, что язык не может быть только символом, а должен реально функционировать в объемах, соответствующих статусу государственного. Нужно задуматься над тем, в каком виде необходим карельский язык в республике.

Проблеме графической основы карельского языка был посвящен доклад «Необходимость сохранения латинской графики для современного карельского языка» профессора Института языкознания Российской академии наук М.В. Дьячкова. Авторитетный исследователь представил научное обоснование необходимости сохранения латинской графики для современного карельского языка. Опыт 1930-х гг. показал, что в результате принятия политического решения о переводе алфавитов народов СССР на русскую основу был нанесен огромный удар по образованию и культуре этих народов.

Языкам и письменности в XXI веке был посвящен доклад руководителя группы финно-угорских языков Института языкознания Российской академии наук Т.Б. Агранат (доклад «Языки и письменность в XXI веке»). Основная идея доклада состояла в том, что в последние годы у письменности появляются новые функции, в частности ее наличие коррелирует с престижем языка среди его носителей, что, в свою очередь, является одним из факторов жизнеспособности языка.

Доклад «Карелы: язык и письменность» (по документам Государственного казенного учреждения Республики Карелия «Национальный архив Республики Карелия») прозвучал из уст О.М. Жариновой. Директор Национального архива представила уникальные документы на карельском языке

как на латинской, так и на русской графике и подчеркнула необходимость более глубокого исследования данных документов и источников.

Вопросам языкового строительства в Республике Карелия в новейший период и вкладу ученых в этот процесс был посвящен доклад ученого секретаря С.В. Нагурной и научного сотрудника ИЯЛИ КарНЦ РАН А.П. Родионовой «Роль ученых Института языка, литературы и истории Карельского научного центра Российской академии наук в практике языкового строительства в новейший период». В докладе были проанализированы все направления деятельности ученых института, связанные с исследованием и развитием карельского языка и письменности: это работа в области лексикографии, социолингвистики, диалектологии, карельской грамматики, экспертная, преподавательская и др. деятельность.

Нормирование карельского языка и его диалектов было освещено в докладе профессора Петрозаводского государственного университета П.М. Зайкова. П.М. Зайков стоял у истоков возрождения карельской письменности и являлся создателем первых словарей, учебников и грамматик на собственно карельском наречии карельского языка.

Заместитель главы администрации Пряжинского национального муниципального района Т.П. Сеппянен познакомила участников конференции с опытом района по визуализации карельского языка (доклад «Визуализация карельского языка как условие создания языковой среды в пределах национального муниципального района»). Докладчик рассказала о переводе официальных бланков района на карельский язык, опыте установки указателей и табличек на карельском языке, а также о бренде района — Доме карельского языка.

Особое внимание на конференции было уделено образованию на карельском языке в докладе «Образование на карельском языке как основа стабильности в его развитии», которое, по мнению Н.Н. Антоновой, члена правления Карельской региональной общественной организации «Центр поддержки

коренных народов и общественной дипломатии «Молодая Карелия», является основой стабильного развития языка. Данное выступление завершило блок пленарных докладов.

После перерыва работа конференции возобновилась в формате панельной дискуссии. Панельная дискуссия была разделена на два блока. Первый блок «Правовые аспекты статуса карельского языка в Республике Карелия» освещал правовые аспекты. Участниками дискуссии выступили заведующий кафедрой государственного регионального управления Карельского филиала федерального государственного бюджетного образовательного учреждения высшего образования «Российская академия народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации», доцент, кандидат исторических наук В.Е. Богданов, а также ранее упомянутые В.А. Кряжков, М.В. Дьячков и Т.Б. Агранат. Кроме того, в дискуссии приняли участие доцент кафедры государственного регионального управления РАНХиГС В.Н. Бирин, учитель карельского языка Т.В. Щербакова, председатели карельских общественных организаций А.С. Григорьев и Л.В. Коновалова.

Социолингвистическим и культурным аспектам статуса карельского языка в Республике Карелия была посвящена вторая часть панельной дискуссии, в которой принимали участие директор Федерального государственного бюджетного учреждения культуры «Государственный историко-архитектурный и этнографический музей-заповедник «Кижы» Е.В. Богданова, преподаватель кафедры прибалтийско-финской филологии Института филологии Федерального государственного бюджетного образовательного учреждения высшего образования «Петрозаводский государственный университет» Е.В. Каракин, председатель Международного консультативного комитета финно-угорских народов, председатель Совета уполномоченных VIII съезда карелов Республики Карелия Т.С. Клеерова, заместитель Министра Республики Карелия по вопросам

национальной политики, связям с общественными и религиозными объединениями Е.И. Мигунова, научный сотрудник сектора языкознания Федерального государственного бюджетного учреждения науки Института языка, литературы и истории Карельского научного центра Российской академии наук А.П. Родионова и генеральный директор Автономного учреждения Республики Карелия «Издательство Периодика» Н.А. Синицкая. Участники приводили примеры из сферы практического применения карельского языка в образовании, науке, общественной жизни, рассматривали проблемы функционирования языка в современной ситуации. Все выступавшие сошлись во мнении, что придание карельскому языку статуса государственного в Республике Карелия послужило бы сильным импульсом к его сохранению и развитию, а также сыграло бы важную роль в развитии республики в целом.

Эксперты и участники научно-практической конференции высоко оценили уровень докладов и дискуссий и выразили надежду на то, что рекомендации, выработанные в ходе данного мероприятия, приведут к практическому результату.

По результатам проведенной конференции была подготовлена резолюция. Подготовка и предварительные итоги конференции освещались в региональных СМИ и Интернет-ресурсах.

Нагурная С.В.

Родионова А.П.

Нагурная Светлана Викторовна
ИЯЛИ КарНЦ РАН
Петрозаводск, Россия
Nagurnaya Svetlana Viktorovna
Institute of Linguistics, Literature and History of Karelian
Research Centre Russian Academy of Sciences
Petrozavodsk, Russia
kov@krc.karelia.ru

Родионова Александра Павловна
ИЯЛИ КарНЦ РАН
Петрозаводск, Россия
Rodionova Aleksandra Pavlovna
Institute of Linguistics, Literature and History of Karelian
Research Centre Russian Academy of Sciences
Petrozavodsk, Russia
santrar@krc.karelia.ru

***Всероссийская научно-практическая
конференция «Взаимодействие языков
и культур при изучении русского языка
как неродного: опыт и перспективы»
Russian Federation Conference on «The interaction
of languages and cultures when Russian is studied
as a foreign language»***

В Дагестанском научно-исследовательском институте педагогики им. А.А. Тахо-Годи 7–8 ноября 2017 г. сектором русского языка и литературы была организована и проведена Всероссийская научно-практическая конференция «Взаимодействие языков и культур при изучении русского языка как неродного: опыт и перспективы» в рамках реализации федеральной целевой программы «Русский язык» на 2016–2020 гг.

В работе конференции приняло участие 150 ученых, педагогических работников и сотрудников муниципальных органов управления образованием, преподавателей, аспирантов, магистрантов и студентов профессионального образования, представляющих научные и высшие учебные заведения Москвы, Махачкалы, Белгорода, Владикавказа, Волхова (Ленинградская область),

Карачаевска, Краснодара, Липецка, Уфы, Черкесска, Кемниц (ФРГ), Караганды (Казахстан), Прешов (Словакия), Ташкента (Узбекистан) и др.

На пленарном заседании обсуждались различные аспекты функционирования и изучения русского языка, современная государственная языковая политика в области образования, проблемы учебника как основного средства обучения русскому языку, особенности обучения русскому языку как родному и как неродному с использованием инновационных технологий и традиционных методов.

О.И. Артеменко (г. Москва) в докладе «Конституционно установленный понятийный аппарат реализации языковой образовательной политики» осветила вопросы образовательной политики, прописанной в Федеральном законе «Об образовании в Российской Федерации». Она отметила, что в нормативных актах сферы образования, начиная с середины 90-х годов XX века, появились понятия «русский неродной», «русский как неродной», «родной нерусский». Отсутствие дефиниций этих понятий приводит к ряду коллизий. Например, понятия «русский неродной» и «русский как иностранный» в некоторых работах трактуются как равнозначные понятия. Использование в нормативной документации сферы образования понятия «родной нерусский» в ряде случаев исключает русский язык из статуса родного языка.

И.В. Андреева (г. Москва) в докладе «Методические инновации и традиции при обучении русскому языку в статусе государственного языка Российской Федерации в двуязычной образовательной среде» обозначила задачи формирования гражданской идентичности. Методический приём сопоставления языковых единиц разных уровней в русском и родном (нерусском) языке обучающихся повышает качество обучения русскому языку. Данный приём способствует решению не только образовательной, но и воспитательной задачи формирования общероссийской гражданской идентичности обучающихся.

В докладе «Поддержка и развитие билингвизма в Республиках Южной Сибири» Т.Н. Боргоякова (г. Москва) обсудила вопросы развития билингвизма в зонах контактов между русским и коренным населением этих регионов: алтайцами, тувинцами и хакасами. Причинами снижения числа школьников, изучающих язык своего этноса, являются разные факторы: «оптимизация сети общеобразовательных школ», перевод школ на «подушевое финансирование» в рамках модернизации системы образования, нежелание молодого поколения изучать язык своего этноса. В формировании последнего фактора немаловажную роль играет отсутствие специальной подготовки учителей для работы с этим контингентом обучающихся.

З.М. Загиров (г. Махачкала), размышляя о «Вопросе сопоставительного изучения русского и дагестанских языков», отметил, что, являясь языком межнационального и межконфессионального общения уже не одно столетие, русский язык выполняет миссию объединения православных христиан и российских мусульман, иудеев и буддистов.

М.И. Магомедов (г. Махачкала) в докладе «Взаимодействие русского и дагестанских языков: опыт и перспективы» высказал мнение, что русский язык в дагестанской школе учит воспринимать собственную культуру, развивать у школьников коммуникативные и общие интеллектуальные навыки.

З.Б. Урусова (г. Карачаевск) в своем выступлении «Влияние социальных факторов на развитие и функционирование языка в полилингвальном пространстве» выделила аспекты методологического двуязычия. Среди аспектов дифференцированы факторы учения о нациях, о национально-языковой политике в условиях многонационального и многоязычного государства, о языковом строительстве.

М.Ч. Чеерчиев (г. Махачкала) в докладе «Полиэтническая среда как условие возникновения двуязычия» обсудил дифференцированные явления интерференции. Особенно

устойчива интерференция в русской речи дагестанцев на фонетическом уровне. Например, произнося русское слово «голова» дагестанец допускает две фонетические ошибки: русское произношение этого слова звучит [гъллва], дагестанское же произношение его звучит [галава], что обусловлено действием в русском языке качественной редукции, которая отсутствует в дагестанских языках.

А.В. Шишканова из г. Черкесска говорила об «Особенностях функционирования языка межнационального общения в Карачаево-Черкесии». Автор доклада заявила о необходимости увеличения количества учебных комплексов по русскому языку и литературе, увеличения количества просветительских мероприятий, популяризирующих русский язык, русскую литературу и культуру РФ (олимпиады, конкурсы, фестивали, праздники и др.).

З.И. Абдулжелилова (г. Махачкала) и С.П. Новодворская (г. Махачкала) в докладе «К вопросу об инновационных и традиционных методах и приёмах преподавания русского языка как родного и неродного» обсудили эффективные методы обучения русскому языку. Овладение русской речью в школе — это не столько усвоение готовых фраз и выражений, произнесение заученных текстов, сколько умение применять языковой материал на практике, при живом общении. В дагестанской школе самыми эффективными оказываются именно коллективные формы работы, активизирующие возможности каждого ребёнка.

И.А. Дибиров (г. Махачкала) выступил с докладом «Особенности функционирования русского языка в полиэтническом регионе (на примере Закатальского и Белоканского районов Республики Азербайджан)». Этнолингвистическая пестрота региона, по мнению И.А. Дибирова, после распада СССР выдвинула на первый план вопросы общения между этносами.

А.А. Абдуллаев (г. Махачкала) исследовал «Формирование орфоэпической культуры русской речи у будущих учителей»

А.А. Абдуллаев отметил, что преподаватели, предлагая будущим учителям упражнения с транскрибированием произношения, контролируют правильность их произношения.

В докладе О.М. Арефьевой (г. Махачкала) «Становление основ гражданской идентичности на уроках русского языка в полиэтническом регионе» говорилось о важности культурно-исторической информации, характеризующей языковые особенности той или иной местности.

О.Н. Болдырева (г. Элиста) в докладе «Интерактивные и традиционные методы и приемы преподавания русского языка как иностранного» обсудила качество учебного процесса с применением мультимедийных средств.

Х.А. Хаджимурадова (г. Махачкала) в докладе «Методический анализ результатов ЕГЭ по русскому языку в Республике Дагестан в 2017 году» показала, что результаты в 2017 г. значительно улучшились в сравнении с предыдущими годами. Количество экзаменуемых, не преодолевших минимального порога 24 т. б., имеет тенденцию к уменьшению: в 2015 г. 3089 чел. (15,45 %), в 2016 г. 1394 чел. (8,46 %), в 2017 г. 672 чел. (4,69 %). Средний балл по предмету вырос с 46,20 до 55,44.

В докладе М.И. Шурпаевой (г. Махачкала) «Учебник русского языка как основное средство формирования языковой и межкультурной коммуникации» было отмечено, что развитие личности ребенка осуществляется средствами учебных предметов, в том числе родного и русского языков. Было отмечено, что обучение родному, русскому и иностранному (введенному в образовательный процесс сельских школ РД в 2014/15 учебном году со 2 класса) языкам должно быть взаимосвязанным и взаимодополняющим.

С.Х. Шихалиева (г. Махачкала), Л.А. Магомедова (г. Махачкала) обсудили материал учебной дисциплины «Русский язык. Риторика». Одним из эффективных методов обучения этой дисциплине в полиэтническом пространстве Дагестана является кейс-метод. Тексты кейс-маршрута,

используемые на занятиях в Махачкалинском финансово-экономическом колледже, соответствуют требованиям учебной дисциплины, а тематика представляет новизну для студентов.

Н.М. Эльдарова (г. Махачкала) в докладе «Краеведческий материал на уроках русского языка в дагестанской школе» обсудила материал по истории Дагестана, привлекаемый для анализа текстов. На основе анализа текстов можно создавать на уроках русского языка различные коммуникативные ситуации, а привлекаемый дидактический материал должен отражать краеведческую специфику.

С.Х. Гасанова (г. Махачкала), Э.З. Сантуева (г. Махачкала) в докладе «Обучение диалогической речи детей-билингвов на уроках литературного чтения» отметили, диалогическая и монологическая речь различаются в использовании языковых средств, поэтому и обучение этим формам речи имеет свои особенности.

«Проблема детского чтения в дошкольных образовательных организациях» прозвучала в выступлениях У.А. Исмаиловой (г. Махачкала) и Э.М. Мамеевой (г. Махачкала). Возрастные психолого-педагогические особенности детей-дошкольников обуславливают стремление выразить чувства, возникающие при слушании сказок и рассказов. Литературные произведения являются для них школой чувств и познания действительности, формирующие у них представление об идеальных поступках людей.

О «Текстоцентрическом подходе в условиях поликультурного пространства» говорилось в докладе О.В. Тугузбаевой (г. Уфа). Докладчик отметила, что при изучении курса русского языка в условиях многоязычия, необходимо знакомить учащихся с историей своего края, рассказывать об известных людях региона, учитывать специфику мультикультурного контекста.

Участники конференции в своих докладах и выступлениях как первоочередную задачу, стоящую сегодня перед

учителями-словесниками, определили совершенствование форм преподавания русского языка и литературы в современной школе на основе взаимодействия языков и культур. Были обсуждены состояние и перспективы методики преподавания русского языка и литературы, рассмотрен опыт преподавания русского языка как родного, неродного, иностранного и для мигрантов в образовательных учреждениях различного уровня, проблемы межкультурной коммуникации; русский и родной языки как инструмент воспитания патриотизма и толерантности, развития и сохранения духовного и материального наследия народов.

В ходе подведения итогов научно-практической конференции участники обсудили инновационные и традиционные методы и приемы преподавания русского языка как родного и неродного. Главным достижением конференции было то, что специалисты и учителя из разных уголков нашей страны, а также ближнего зарубежья имели возможность обсудить педагогические проблемы, поделиться опытом, установить профессиональные связи.

Шихалиева С.Х.

Шихалиева Сабрина Ханалиевна
Институт ЯЛИ им. Г. Цадасы Дагестанского Научного
Центра РАН
Махачкала, Россия
Shihalieva Sabrina Khanalievna
The Gamzat Tsadasa Institute of Language, Literature and
Art of Daghestan Scientific Center
Makhachkala, Russia
sh_shihalieva@mail.ru

**Конференция «Языки малочисленных народов
России: устное vs. письменное»**
**Conference on «Minority languages of Russia:
Oral vs. written»**

Языки миноритарных народов не популярны в широком кругу, о них знают немногие специалисты. Но общее количество носителей и исследователей составит уже значимое число. А проблема их использования и передачи следующим поколениям на земле — это уже вопрос сохранения разнообразия форм и видов человеческой культуры, что есть неперемutable условие ее поддержки и развития, это касается уже всех. В Институте лингвистических исследований РАН с 4 по 6 декабря 2017 г. проходила конференция, на которой обсуждались особенности письменности языков малочисленных народов России: история создания, варианты написания, перспективы развития орфографии и многие другие. Конференция была небольшая, но представительная: участвовали специалисты из разных регионов России — Ингерманландии, Кольского полуострова, Дагестана, Хабаровского края — и из разных стран — от Финляндии до Японии (программа и тезисы выложены на сайте ИЛИ РАН <http://iling.spb.ru/conference.html>).

Главной темой обсуждения стала проблема применения и развития письменности на родных языках. Докладчики рассказали о положении, сложностях и успехах преподавания миноритарных языков, в том числе письменной формы, на Кавказе, в Приморье, среди коми-пермяков и коми-зырян и во многих других местах нашей страны; обсудили возможности письменностей на родном языке. Приехали известные ученые и практики, среди которых были: Ю. Янхунен, Н.Б. Кошкарева, В.Н. Соловар, С.М. Махмудова, Юкари Нагаяма, О.А. Казакевич. М.Я. Бармич тоже собиралась выступить на конференции, но, к большому сожалению всех участников, не смогла. Гостями конференции были доценты Института

народов Севера — манси В.С. Иванова, чукча И.В. Куликова — и этнограф А. Терехина, год кочевавшая по Ямалу.

Несколько докладчиков показали возможности и использование младописьменных языков в интернете, где сегодня почти все эти языки охвачены.

Природа утраты общая для всех языков Севера: родители перестают говорить со своими детьми на родном языке. Напротив, в Дагестане, где в сельской местности во всех семьях говорят на родном языке, язык вместе с традиционной культурой передается от старшего поколения младшему. Но во всех миноритарных языках встречается проблема неустоявшихся правил письменности. Написание же не закреплено долголетними традиционными правилами, обучение ему требует особого подхода. Например, в языках и хантов, и меннонитов отсутствует единая программа школьного обучения на родном языке (меннониты — группа протестантов, приехавших из Голландии в Россию в XVIII веке по приглашению Екатерины II). При этом у языка последних даже нет официального статуса.

Когда народ перестает говорить на своем языке, он угасает; язык надо совершенствовать, расширять запас слов, чтобы можно было описать любую современную ситуацию. Всех радостно удивило сообщение о том, что носители саамского языка инари (300 человек в Финляндии) на родном языке делают научные доклады.

Главной причиной нежелания нового поколения изучать родной язык является ошибочное мнение многих взрослых, а от них и детей, о бесполезности таких знаний и о бессмысленности траты времени на освоение родной культуры. Хотя известно, что владение многими языками, особенно родным, только способствует как общему, так и профессиональному росту человека (сколько языков знают большие ученые? успешные правители? знаменитые русские писатели?). Знание своего языка, традиций делает человека стойким, уверенным в себе в сложной сегодняшней жизни. В современных

условиях владение языком своего народа может стать хорошей основой для востребованной профессии: переводчик, преподаватель-методист, корреспондент и даже политик.

Люблинская М.Д.

Люблинская Марина Дмитриевна
Институт лингвистических исследований РАН
Институт народов Севера РГПУ
Санкт-Петербург, Россия
Lublinskaya Marina Dmitrievna
Institute for Linguistic Studies, Russian Academy of Sciences
Institute of the Peoples of the North, Institute of the Peoples
of the North
St. Peterburg, Russia
mashilda@gmail.com

В написании статьи участвовали студенты 1 к. ИИС Кадышев Артем (Kadyshev Artyom), Окотетто Влада (Okotetto Vlada)

РОДНОЙ ЯЗЫК
Лингвистический журнал

RODNOY YAZYK
Linguistic Journal

Институт перевода Библии
101000 Россия, Москва, Главпочтамт, а/я 360
www.ibt.org.ru; ibt_inform@ibt.org.ru

Подписано в печать 29.06.2018
Формат 84×108 1/32. Усл.-печ. л. 10,71
Бумага офсетная. Гарнитура «Times»
Тираж 150 экз. Заказ №

Отпечатано в ООО «ИПП «КУНА»